

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
**«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Ю.М. Забродин

ПСИХОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

(очерки теории психической регуляции поведения)

Москва, 2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю.М. Забродин

**ПСИХОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ**
(очерки теории психической регуляции поведения)

Москва, 2017

Забродин Ю.М.

- З 12** Психология управления человеческими ресурсами (очерки теории психической регуляции поведения). Монография. — М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. — 224 с.

Рецензенты:

Шульга Т.И., д. псих. н., профессор,

Пахальян В.Э., к. псих. н., профессор

В данную монографию вошли материалы, обобщающие результаты теоретических, экспериментальных и прикладных исследований автора в различных областях психической регуляции поведения и деятельности человека: изучение процессов психического отражения и работа над психофизической теорией решения перцептивных задач (1971—1985); исследования критериев оптимальности решения задач и теория оптимального поведения (1976—1997); работа над теорией психической регуляции и проектированием деятельности человека (1987—2016); исследования психологии производственных организаций (1983—1997); изучение оценочной функции психики, смысловых оценок и ценностей человека (1995—2017); анализ жизненного пути человека и механизмов управления поведением в общем контексте проблем управления человеческими ресурсами. Книга рассчитана на специалистов в области психологии, развития человеческих ресурсов, социологии и экономики управления персоналом, а также — на студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

Материал монографии может быть полезен при разработке и реализации образовательных программ психолого-педагогического направления.

ISBN 978-5-94051-165-6

ББК 88

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

- 1.1. Теоретическая психология и социальная практика:
общественное производство с психологической точки зрения
(методологические вопросы) 5
- 1.2. Отношения государства и граждан: психологические проблемы
восприятия и оценки властных отношений 12
- 1.3. Психология человека и рынок. Психологические аспекты
обменных отношений 18

Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ ОПТИМАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ПРИНЦИПЫ И ПРАВИЛА

- 2.1. Общее понятие оптимального поведения — проблемы теории 21
- 2.2. Психология обыденного поведения (ошибки, ценности и защита) 26
- 2.3. «Окружение человека»: экосфера и экониша. Основные понятия 29
- 2.4. Теоретические основания психологии экономического поведения ... 35

Глава 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

- 3.1. Социальные процессы и управление ими с когнитивной
и социально-психологической точки зрения 40
- 3.2. Психология акмеогенеза — психологический анализ движения
личности в социальном пространстве. Концепция социального
пространства в психологии 46
- 3.3. Приоритетные направления психологических
исследований социального поведения 59

Глава 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

- 4.1. Общие принципы организации поведения 63
- 4.2. Механизмы психической регуляции: феноменология и функции 68
- 4.3. Психологические механизмы решения задачи. Структура
и критерии регуляции поведения человека 74

Глава 5. ПРОБЛЕМЫ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ СОБСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СУБЪЕКТА

- 5.1. Концептуальные основы исследования психических состояний
(история подходов) 78
- 5.2. Теоретический анализ проблемы психических состояний 81
- 5.3. О пространстве психических состояний 86
- 5.4. Начала системного анализа психических
(функциональных) состояний 93
- 5.5. Проблемы диагностики и прогноза в оценке
психических состояний 96
- 5.6. Возможности управления психическими состояниями 102

Глава 6. ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

6.1. Общая теоретическая постановка проблем психологии профессионального становления	112
6.2. Компетентностный подход как концептуальная основа связи профессионального образования и профессионального труда	121
6.3. Компетенции: концепция, ее содержание и некоторые применения	128
6.4. Дуальный подход к анализу практических проблем профессионального становления и развития	142
6.5. Концепция готовности в акмеогенетических исследованиях	148

Глава 7. УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ КАК ПРИЛОЖЕНИЕ ТЕОРИИ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ

7.1. Вводные замечания. Особенности переходной ситуации на российском рынке труда	159
7.2. Управление человеческими ресурсами как психологическая проблема	166
7.3. Значение «учета человеческого фактора» и «управления человеческим ресурсом» в реформируемом российском обществе	174
7.4. Актуальные проблемы развития практической психологии в свете управления человеческими ресурсами	181

Глава 8. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ: ОТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЕ

8.1. О новом понимании роли человека, личности, человеческой психики в социальной системе	191
8.2. О психологических основаниях молодежной социальной политики. Состояние и перспективы развития системы профессиональной ориентации и психологической поддержки	195
8.3. Проблемы практической психологии в социальном и экономическом пространствах: задачи и объекты практической психологии	203
8.4. Управление человеческими ресурсами предприятия. Психологические службы в производственной организации	210

Заключительные замечания. Формирование личности профессионала и управление человеческим ресурсом социума	214
---	------------

О предметном поле практической и практико-ориентированной психологии	221
---	------------

Глава 1.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

1.1. Теоретическая психология и социальная практика: общественное производство с психологической точки зрения (методологические вопросы)

Наше сознание настолько привыкло к постоянному употреблению ряда идеологизированных клише, что каждый раз, когда речь идет об анализе и оценке крупных социальных (политических, экономических и т.п.) явлений или государственных решений, определяющих судьбы страны, — в каждом случае для чистоты анализа приходится начинать с переопределения некоторых понятий, важных для последующего изложения. При этом тривиальность вытекающих из такого переопределения высказываний, как и прежде, оказывается не более чем очередной психологической иллюзией. Отход от этих клише предполагает пересмотр логической структуры и связей базовых понятий гуманитаристической ориентации, оценки их реального «содержания» и объема: взаимоотношений с другими, смежными понятиями, формирующими область гуманитарного знания; взаимосвязи их с объектами и событиями объективного мира (отражением в структуре понятий предметной реальности).

При этом необходимо отчетливо понимать тот факт, что структура и формирование знания совсем не обязательно совпадают со структурой и содержанием процесса отражения, хотя, вероятно, общим следствием того и другого является организация личного опыта, определяющего закономерности поведения человека.

Начнем с самого, казалось бы, простого примера. Когда мы произносим слова «*общественное производство*», в сознании наших сограждан возникает великое множество самых разнообразных определений и ассоциаций. Но, как показывают проведенные нами опросы, среди них нет самого главного и самого существенного: точного и адекватного понимания смысла этого словосочетания.

Ни один из опрошенных не сказал нам, что общественное производство — это *производство Общества*. Другими словами — что оно предполагает *поддержание жизни определенной человеческой организации и продолжение этой жизни*. Но тогда общественное производство предполагает как минимум

- производство *самого человека*;
- производство *условий человеческой жизни*;
- производство и воспроизводство *человеческих отношений*.

Очень похоже, что именно такое понимание было само собой разумеющимся для философов, гуманистов и обществоведов предыдущего столетия. И в этом понимании человеческая составляющая, человеческое измерение всегда занимали первое место, ибо для них было совершенно ясно, что без человека нет и не может быть никакого человеческого Общества¹.

Вполне естественно, что в таком понимании фундаментальными вопросами становятся следующие два. Во-первых, что собой представляет, какими законами определяется и по какой технологии осуществляется упомянутое производство человека? Во-вторых, что собой представляет, какими законами определяется и по какой технологии реализуется производство и воспроизводство человеческих отношений?

Оба эти вопроса относятся к области социологии, экологии и психологии человека, изучающих законы человеческого поведения в Мире и законы развития человека, а ответы на них становятся фундаментом научно обоснованных решений практических проблем культуры, образования и экономики, поскольку очевидно, что производство лишь условий человеческой жизни никак не гарантирует их эффективного разрешения (хотя и является их предтечей).

Аналогичные вопросы возникают в сфере социально-трудовых отношений, и они точно так же могут быть рассмотрены в русле вышеизложенной схемы на разных уровнях этих отношений.

В *обществе*, в *человеческой организации*, на уровне *индивида* мы снова обнаруживаем ту же самую триаду: условия жизни и деятельности, человеческие отношения, производство самого субъекта².

Легко увидеть, что эта триада существует в сферах *Образования*, *Труда и Отдыха*; общественно-необходимого («занятого») и свободного времени человека, и тогда мы сталкиваемся с классическими проблемами:

- *производства условий* труда, образования и свободного времени;
- *поддержания и развития человеческих отношений* в труде, образовании и в свободном времени;
- *производства человека как субъекта труда, образования и собственной жизни*.

При этом, естественно, возникает проблема управления социальными процессами со стороны общества и государства на всех этапах *гражданского и профессионального становления человека*. Важнейшим элементом социального управления процессом общественного производства человека как гражданина и профессионала становится госу-

¹ Проблемы человека в западной философии. М., 1989.

² См. И.Т. Фролов. Перспективы человека. М., 1983; А. Печчи. Человеческие качества. М., 1985; Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.

дарственное управление социальными процессами в системах образования и занятости, и особенно — процессами и механизмами перехода от образования к труду и обратно.

Результатом такого управления должно стать создание развернутого во всем профессиональном спектре контингента хорошо подготовленных специалистов, включающихся в процесс производства общества во всем его объеме: от ремесленника, предпринимателя до наемного работника и государственного служащего (чиновника). И хотя все они, так или иначе, включаются в управление социальными процессами, тем не менее, структура их социальных ролей и содержание управляющих действий может различаться (и в ряде примеров действительно различается) радикальным образом.

Так, в отличие классического «руководителя», который осуществляет *управление «действиями» людей* разного уровня профессионализма и основной задачей которого является согласование интересов и функций профессионалов в производственной организации (в широком смысле), государственный чиновник осуществляет управление «на территории» и в этом смысле управляет *«частью жизни»* других людей, а не только *«частью их деятельности»*, за счет:

- «власти» над условиями и обстоятельствами жизни людей;
- «власти» над самими людьми.

С этой точки зрения *государственное управление* становится в действительности *управлением социальными процессами «жизни» людей* на той или иной территории, в той или иной экологической нише, — а не только процессами «деятельности» профессионалов в той или иной организации, в том или ином учреждении. При этом и социальная функция, и социальный результат такого управления, его субъект и объект могут различаться весьма существенным образом, включая такие аспекты, как:

- «производство и потребление» условий жизни;
- «производство и потребление» отношений субъекта Sb;
- «производство и потребление» самого субъекта Sb.

Следовательно, в данном отношении приходится довольно строго различать:

- *Общество* (как систему «жизни людей») и *государство*, как *механизм управления Обществом*;
- *систему «жизни людей»* и *систему их деятельности*;
- *управление в организациях* и *управление «жизнью»* (социальными процессами) людей *с помощью и «через» организации*.

Таким образом, **социальная практика** включает в себя несколько *важнейших направлений деятельности Общества, а также те реальные отношения и системы отношений, которые складываются в рамках этих направлений*. Среди них наибольшее значение в настоящее время приобретают проблемы, связанные с *определением путей цивилизован-*

ного развития страны: они предполагают определение модели и целей общественного устройства, которые формируют или задают основные системы ценностей, приоритетов, принимаемых решений и осуществляемых действий. Сюда относятся, в первую очередь, вопросы взаимосвязи и взаимоотношений

- государства и Общества;
- народа и власти;
- человека и рынка;
- человека и культуры (включая образование и развитие человека).

В этой связи перед психологической наукой и перед человековедением³ вообще возникают новые проблемы:

- анализ *процессов жизни* (не совпадающих с процессами деятельности и не исчерпываемых ими):

- развития человека;
- появления и удовлетворения потребности;
- производства и развития отношений во множестве субъектов {Sb} и во множествах «субъект — объект»;

- выяснение того, как из *«жизней» множества {Sb}* «складываются» социальные процессы:

- «массовые» процессы;
- соотношение «индивидуального» и «общественного» сознания;
- процессы производства;
- процессы обмена (рыночные отношения);
- процессы потребления.

- определение *структуры и факторов управления социальными процессами*:

- общением;
- «семьей» (отношениями полов);
- производством субъекта Sb;
- производством отношений;
- производством условий жизни;
- распределением собственности и продукта деятельности;
- потреблением.

Развитие политических, социальных и экономических реформ ставит новые проблемы государственного регулирования (в том числе, прямого управления) меняющихся по своему содержанию и качественно отличных от прежнего времени социальных процессов в названных выше сферах. Возникают новые социальные феномены, новые принципы организации жизни и деятельности людей в усло-

³ Б.Г. Ананьев. О проблемах современного человекознания. М., 1977; И.Т. Фролов. Перспективы человека. М., 1983; Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы. М., 1997.

виях перехода к рынку, к правовому государству, к росту значимости человеческой личности и ее ответственности в определении собственной судьбы.

Появляется необходимость осознанного *управления и самоуправления развитием человека как гражданина и профессионала*, то есть *Управления Человеческим Ресурсом* (в отличие от прежней концепции *Учета Человеческого Фактора*).

Управление человеческим ресурсом предполагает, прежде всего, управление его **«качеством»**, в том числе, *профессиональным, функциональным и интеллектуальным потенциалом Общества; рациональной организацией и использованием накопленного потенциала человеческих способностей и интересов в разных секторах производства Общества*.

Какова роль государства и негосударственных структур в указанных процессах? Какова в них роль науки? Ответ на эти вопросы предполагает разработку и реализацию *активной социальной политики государства и общественных объединений граждан*, а значит: оценку смысла, положения дел в данной сфере, прогноз развития социальных явлений как на макро, так и на микро уровнях, определение условий, механизмов и факторов *управляемости в социальной сфере*.

Для этого необходимы, по крайней мере:

- анализ прошлых и текущей социальных ситуаций;
- определение реальных проблем, приоритетов и действующих факторов (в том числе, переход к построению каузальных моделей микросоциальных процессов);
- определение принципов и критериев эффективности различных социальных систем;
- проектирование и создание механизмов действия указанных систем;
- определение структуры и эффектов, вертикальных и горизонтальных взаимодействий в этих системах;
- оценка ресурсного обеспечения и при необходимости — создание такого ресурса;
- материально-техническое и финансовое обеспечение разработанного механизма;
- научно-методическое обеспечение его действия;
- кадровое обеспечение и разработка механизма «управления персоналом».

Разрешение отмеченных выше проблем невозможно без оценки состояния и динамики:

- социально-экономического фона и условий жизни общества;
- потребностей общества и его воспроизводства;
- развития и функционирования организаций как человеческих объединений и места человека в них;

- интересов и законов поведения отдельной личности;
- возможностей личностного развития;
- вариативности судьбы отдельного человека и возможностей компенсации, компромисса в решении его жизненных проблем.

Обращаясь в свете предложенного нами⁴ подхода к вопросам профессионального образования и профессионального труда, вопросам занятости населения России, его осознанного и эффективного участия в реализации проводимых государством реформ, мы обнаруживаем множество не только новых, неизученных, но даже плохо осознанных *человеческих проблем, которые стали прямым следствием осуществляемых преобразований.*

В области собственности: «на равных» в ближайшем будущем в общественных процессах будут сосуществовать три совершенно разных формы собственности — государственный сектор, общественная («публичная») форма собственности и собственно «частный сектор».

В сфере трудовых отношений: начинают активно взаимодействовать, — и это взаимовлияние усилится в будущем, — отношения наемного труда (в системе имеющихся рабочих мест); предпринимательство — как создание новых рабочих мест в негосударственном секторе экономики; самозанятость как индивидуальное освоение «пространства жизни» человека.

В сфере профессионального развития: возникают и будут развиваться альтернативные, в том числе, негосударственные, формы профессионального образования, создавая особую «нетрудовую» область в сфере профессиональных занятий населения.

В этой связи возникает необходимость специальных исследований и оценки возможностей государственного (на разных уровнях — федеральном и региональном) и негосударственного *управления рынком труда и профессий*, как в направлении создания и сравнительной оценки рабочих и учебных мест, их социального значения и полезности, так и в направлении изучения и сравнительной оценки структуры самого этого рынка. Речь идет о «внешнем» и «внутреннем» рынках труда (вне и внутри действующих социальных организаций, предприятий, учреждений и других социальных институтов); о спектре и перспективах развития «рынка профессий» (с учетом новых, нарождающихся профессий, а также конверсионных процессов в связи с научно-техническим прогрессом и изменением соотношения военного и гражданского сектора в структуре общественной жизни); о рациональном соотношении и связи систем профессионального образования и занятости и т.п. и т.д.

⁴ Рубцов В.В., Забродин Ю.М. Компетентностный подход как концептуальная основа связи профессионального образования и профессионального труда // Вестник практической психологии образования. 2012, № 3, с. 3—13.

Процесс реформ, изменяя социальную ответственность государства перед гражданами, создавая новую систему государственных гарантий и социальных защит, породил новые проблемы социальной и профессиональной адаптации, реадaptации и реабилитации населения России к условиям переходного периода. Эти проблемы определяют разные уровни и разную степень «активности» в социальной политике государства и различный вес государственных и негосударственных структур в их разрешении.

Так, социальная и профессиональная реабилитация и защита граждан может включать:

- социальную помощь (в том числе, помощь безработным) на минимальном прожиточном уровне;
- создание и помощь в поиске свободных (и подходящих) рабочих мест;
- создание «свободных» учебных мест, профессиональную переподготовку и переквалификацию специалистов;
- создание возможностей для повышения профессионального мастерства и роста профессиональной (а значит — и социальной) устойчивости человека;
- создание возможностей профессионального самоопределения и самозанятости и т.д.

Развитие активной социальной политики на рынке труда (в широком смысле) потребует создания специальных систем, которые проводили бы социальный мониторинг рынка труда регионов и страны в целом. Необходимы оценки и прогноз, а значит — и новая классификация — контингента потенциально и реально занятого населения; оценка и прогноз ближайших, в том числе, скрытых и резервных возможностей потенциально работоспособного населения; возможностей повышения качества профессионального контингента, его рационального воспроизводства и развития; структурное распределение этого контингента в разных секторах экономики и анализ его намерений как основы структурных перестроек рынка труда (в том числе за счет миграционных процессов). Одним из главных результатов такого мониторинга должна стать реальная оценка качества рабочей силы страны и прогноз его изменения.

Таким образом, *в условиях российских реформ радикально меняются условия жизни, среда обитания и система отношений человека, создавая принципиально новые обстоятельства жизни, в которых осуществляется поведение субъекта.*

Исследование фундаментальных аспектов психической регуляции человеческого поведения становится одной из важнейших задач психологической науки, имеющих прямое (непосредственное) приложение в деятельности практических психологов, в создании рынка психологических услуг, адекватного условиям трансформационного периода.

1.2. Отношения государства и граждан: психологические проблемы восприятия и оценки властных отношений

Вопросы отношений граждан и государства в последнее время принимают особо острый оттенок, в значительной степени потому, что ни граждане, ни представители власти, как показывают исследования, не представляют себе действительных соотношений Общества, государства и его граждан. На фоне правовой безграмотности психологическое бескультурье порождает множество неверных представлений о жизни человека в Обществе, о механизмах управления в обществе и о разных уровнях управления и самоуправления. У каждого из наших сограждан существует свое, особое, часто не имеющее никакого отношения к реальности, понимание указанных выше понятий, выраженное, в частности, в полном *отождествлении Общества и государственного механизма управления общественным функционированием и развитием* (воспроизводством и производством Общества), в искаженной оценке роли и функций представительной и исполнительной власти⁵. Если первая должна быть скорее занята *определением и принятием приоритетов целей и ценностей* (и в этом смысле непосредственно связана с *определением и «изъявлением воли» большинства* населения страны), то вторая *формирует и регулирует алгоритмы оптимальных решений и действий* (и в этом качестве связана с *работой специалистов, экспертов*, выяснением и распространением истины, *то есть реализует механизм распространения мнения меньшинства*, поскольку истина никогда не находилась путем голосования). Практически так же запутанно обстоят дела со становящимися в общественном (массовом) сознании понятиями *гражданского Общества и правового государства*.

Вместе с тем, исключительная политизация индивидуального сознания делает обсуждение такого рода вопросов чуть ли не критерием собственного достоинства и борьбы за социальную справедливость.

Нужно отметить, что складывающееся в нашей социальной действительности представление о трех различных и независимых «ветвях» власти: *законодательной, исполнительной и судебной*, — с психологической точки зрения выступает как своеобразная рефлексия, отражение идущих еще из античности представлений о *рациональном управлении поведением человека* (в отличие от животных форм поведения — см. далее о схемах организации поведения):

- Ум (выявление и анализ проблем, выработка решений, определение их вероятных последствий и т.д.);

⁵ См., например, Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз. М., 1995; Ф.М. Русинов. Основы государственного управления смешанной рыночной экономикой. М., 1996; Управление трудом и социальными процессами. М., 1996; Мониторинг государственной службы и разработка федеральных государственных программ. М., 1997; Всероссийский мониторинг социально-трудовой сферы. М., 1997.

- Чувства (определение приоритетов целей, ценностей и оценка как самих действий, так и их результатов, в том числе в рамках норм этики, морали, совести и т.д.);
- Воля (реализация выбранных алгоритмов действия в конкретных обстоятельствах жизни; исполнение принятых решений, несмотря на возникающие обстоятельства).

В критических ситуациях, которые связаны с переменной структур и обязанностей различных ветвей власти, их необходимого взаимодействия, а не независимого исполнения функций, очевидной становится необходимость в ходе любых дискуссий «отделять» идею, результат «культурного» труда человека от его «персоны», т.е. высказанное мнение — от того, кто его произвел на свет.

Это означает, что практическое приложение обсуждавшихся выше соображений требует практического разделения *интересов* и *идей* в ходе подготовки и обсуждения любого *решения* и *плана действий*: оно особенно важно при обсуждении качества любого интеллектуального результата, при его оценке (см., например, Психологический анализ Съезда народных депутатов России⁶).

Вместе с тем, сказанное отнюдь не означает *общественно необходимой деперсонализации интеллектуального продукта* при обсуждении и решении других проблем, например, *проблем владения* им, так же как и проблем добровольной передачи владения (при обмене, дарении и т.п.). К сожалению, этот вопрос до сих пор совершенно не прояснен в отношениях наших сограждан, и требуется специальная политика и специальная разъяснительная работа в этом направлении: указанная проблема ведь напрямую связана с проблемами истины и предпочтения, справедливости и собственности (в первую очередь, интеллектуальной).

Психологически проблема «передачи владения», «перемены владения», как и проблема собственности в целом, — очень болезненна в наши дни. Она содержит несколько аспектов. Так, например, «недобровольная передача», — под принуждением, угрозой лишения более важных ценностей: жизни, свободы, любви, радости, жилья, пищи и т.д., — всегда вызывала отрицательные ассоциации, ощущение несправедливости в результате такого действия, и, соответственно, порождала негативное чувство по отношению к его субъекту. Эти ассоциации очень болезненны и часто могут быть связаны с воспоминаниями личного опыта или с историческим представлением: о «рабстве», когда интерес владельца полностью игнорировал интересы личности; о «феодализме» — с принудительным контролем всего продукта труда; о «барщине» и «оброке» и т.д.; об ущемлении прав и свобод личности, об унижении и притесне-

⁶ Ю.М. Забродин, В.А. Пызин. IV съезд народных депутатов России: психолого-политологический анализ. В кн.: Политический и экономический курс России. М., РАУ. 1992.

нии; о подавлении собственного достоинства, несправедливом наказании, обиде и т.п.

Как бы там ни было, следует подчеркнуть, что в подавляющем большинстве случаев *индивидуальные представления об истине, интересе, праве и собственности* никак не связывались с *социальной необходимостью регулирования всего процесса общественного производства* как производства Общества с целью его выживания и развития, — через выживание и развитие всех его элементов, в первую очередь, — самих людей (см. соответствующие замечания в последующих параграфах данной главы).

Отсюда, вероятно, — при полном непонимании состояния и динамики социальной ситуации в целом — существует практически полное неприятие практически всякой налоговой и инвестиционной политики, и наиболее предпочтительным для индивида становится выбор позиции «просителя» (даже в форме — «требователя»), а отнюдь не куда более социально предпочтительной позиции «человека производящего и отдающего», вкладывающего себя в «дело». Это, казалось бы, должно быть понятным; и вместе с тем особое (психологически) раздражение вызывают следующие обстоятельства нашей жизни: в сегодняшних обстоятельствах для гражданина найти помощь и поддержку (т.е. ощутить для себя «возможность» вместо «невозможности» в реализации «своего дела», даже если это «очевидно выгодно», как всегда представляется ищущему поддержки) практически невозможно: везде он получает отказ, как если бы он «просил подавание», а не предлагал «выгодное дело». Позиция «просящего» для нас стала обычной, и что хуже — привычной, — и она не удивляет, она стала нормой индивидуального сознания и тем самым резко понизила чувство собственного достоинства людей практически всех поколений. Психологически крайне трудно поменять такой модус поведения: человек не ощущает ценности и радости труда как «делания чего-то» своими руками, своей головой, ему трудно выйти в позицию человека, предлагающего свой продукт другому, оценить необходимость и полезность результата своего труда «для другого».

Высокий уровень «замыкания» каждого, даже самого мелкого, решения; недоступность процессов контроля и управления порождает их практически абсолютную «безликость» в глазах рядового гражданина, и — на фоне снижения самоуважения и самоответственности — углубляет психологически очень опасное (особенно в кризисных ситуациях) деление Общества на «они» и «мы», которое не снимается, а напротив, усугубляется делением активного населения на «политизированные» группы. «Обыкновенный» человек, как ему представляется, может получить помощь и поддержку только в обмен на подчинение, на унижение себя, на самоунижение вплоть до самоуничужения, либо при наличии «связей», по каналам и через клан «своих людей». Таким образом, деление на «свой—чужие» — это не знак и не лозунг, а ввевшаяся

в мозг *норма оценки, норма отношения*, а значит — и *норма поведения*. Самое главное здесь и самое трудное — отойти от принятого алгоритма поведения и попытаться изменить «психологическую ситуацию в целом», — в сторону создания отношений доверия, и лишь затем — искать способы согласования интересов сторон. Вероятнее всего, формы действия в такой непростой ситуации требуют нетривиальных решений, и уже сейчас можно видеть, как (правда, путем «проб и ошибок») пытаются подойти к этим решениям наши наиболее «подвижные» и творческие лидеры.

Общая концепция стратегии перехода к выявлению и согласованию интересов людей как конструктивный путь к гражданскому согласию (а это и есть — по своей сути — согласие «народа» с «властью»), насколько это следует из психологического анализа, требует не укрепления вертикальных связей на основе тактики «отбирать продукт» от производителя для последующего, пусть даже и справедливого, распределения; но — создания и укрепления «горизонтальных структур» на основе выявления и укрепления (поддержания) интереса и создания возможностей («открытых площадок») с приматом «производства для других», создания таких условий, когда продукт оставляется производителям для последующего распределения ими самими. Заметим, что любые, даже чисто демонстративные, шаги в поддержку и защиту интересов «простых людей» — в абсолютной, а не в «относительной» форме, — вызывают мгновенную симпатию и ответную положительную реакцию массы. И здесь оказывается важной и нужной именно «абсолютность» высказывания или решения, не допускающая сравнительных оценок. Вместе с тем, мы полагаем, что рассмотренная стратегическая концепция управляющих действий — создание *возможностей, а не ограничений*, — может привести к психологической смене стратегического отношения населения к власти: психологически понятно, что такая «перестройка» поведения, — переход к стратегии и тактике «возрождения» как увеличения возможностей, опоры на конкретного человека, создания потенциала развития — потребует значительных интеллектуальных сил, ресурса и времени.

Как обнаруживает социальная практика, политические дискуссии нашего времени концентрируются, в основном, вокруг проблем

- распределения, перераспределения и функций собственности и власти;
- минимальных «защитных» гарантий со стороны государства по отношению, прежде всего, к самым незащищенным слоям населения.

На этом фоне крайне малочисленны обсуждения проблем *управляемости социального механизма*, то есть процедур и порядка приведения в действие тех решений, которые принимаются на разных уровнях власти и полностью *отсутствуют оценки вероятных последствий принимаемых решений*.

С нашей точки зрения, важнейшим психологическим механизмом *оценки и согласования интересов индивидов* становится *общение* людей, понимаемое как специфический вид межсубъектного взаимодействия, которое существенным образом отличается от субъект — объектных взаимодействий и образует новый, особый класс взаимодействий *информационного обмена между однопорядковыми субъектами*.

Общение в человеческом сообществе выступает в форме *движения сообщения* от одного субъекта S_{bi} к другому субъекту S_{bj} и имеет целью *управление поведением* S_{bj} путем изменения:

- *вектора текущего состояния* S_{bj} , в котором скалярной частью являются параметры способностей, отражающие *наличные возможности субъекта* в данных условиях его взаимодействия с окружающим Миром в эконише S_{bj} , а ортом — становится *направление интереса, намерение* S_{bj} , которые в целом определяют *готовность* S_{bj} к действию в данной ситуации (см. главу 7 настоящей книги);

- *образа реальной ситуации*, который формируется в результате психического *отражения* реальной ситуации самим субъектом — $Im\ Re\ Sito$, и который становится в таком случае одним из фундаментальных регуляторов поведения S_{bj} ;

- *образа цели*, выступающего как более или менее конкретизированный образ желаемой для данного субъекта ситуации в будущем, который может быть изменен под влиянием *внушающих, оценочных или стимулирующих сообщений*;

- *образа действия* S_{bj} , который формирует план и/или алгоритм (программу) совершения исполнительных действий и сам становится *результатом действия механизма принятия решения на заданном поле оценочных критериев* (критериев оптимальности поведения).

Содержательной целью *общения как социального контакта* становится передача и освоение *внешнего опыта* или *внешнего намерения* (в знании, отношении, чувстве, действии другого субъекта) и включение его в собственный *личный опыт* данного субъекта S_{bj} , в том числе, путем изменения побуждения через ожидаемое или реальное расширение возможностей S_{bj} удовлетворить свои потребности (положительной стимуляцией, ожидаемым наказанием — угрозой, реальным ущемлением возможностей S_{bj} и т.п.).

В таком случае и возникает возможность «дуального управления» — *по целям и по ценностям*:

- «стратегическое» управление целями и ценностями путем создания «нужных» образов текущей ситуации $ImSito$ и образов целей $ImSit^*$, при котором изменяется сама основа решения задачи, стоящей непосредственно перед S_{bj} , что изменяет *предметную сторону* процессов принятия решения и организации поведения;

- «аксиологическое» локальное управление ценностями и интересами, осуществляемое отдельно и «вне» упомянутых образов $ImSito$ и

ImSit*, поскольку эти образы уже не нужны: *образ действий задается извне*, он не входит и не включает собственные цели Sbj непосредственно, и вырабатываясь извне, заменяет процесс решения путем стимуляции (принуждения субъекта) за счет (вероятного или ожидаемого) расширения или сужения возможностей Sbj по достижению *своих*, а не внешне заданных *целей другого субъекта* ImSitt.

В последней ситуации в обязательном порядке требуется *внешний стимул*, который формирует необходимый образ действий — *делай, как предписано*, — что в высшей степени характерно для ситуаций *наемного труда*, когда способности и возможности Sbj применяются для реализации внешних по отношению к нему целей, чужих намерений, — *заданий*. Отсюда становится понятным, что хорошо известный нам простейший *наемный труд*, в отличие от *работы в команде*, психологически противоречив и даже — *ущербен*, поскольку создаваемая здесь ситуация *разделяет и противопоставляет*, по меньшей мере, потенциально, *цели внешнего управления (от Sbi) и собственные цели субъекта Sbj*.

Такое несовпадение может порождать и порождает в действительности *противоречие субъектов действия*, — сначала через рассогласование *задачи действия* в разных пространствах $S \times T/Sbi$ и $S \times T/Sbj$, а затем и через *осознание различия целей* (и критериев оптимального поведения) у разных субъектов, завершаясь их *противостоянием* как основой конфронтации и конфликта. Таким образом, изначально естественное осторожное в незнакомой ситуации поведение может усиливаться в чувстве настороженности вообще, развитии недоверия, укреплению представления об агрессивности (по мнению Sbj) внешней, в том числе социальной, среды⁷. Соответственно, понятно почему *преимущественным объектом* научного анализа становится *Конфликт*⁸, который есть *столкновение интересов индивидов в пересекающейся экологической нише* их жизней (а часто — даже лишь в их сознании, то есть в образе этих экологических ниш — подробнее смотри далее).

При этом теряется из вида тот важнейший факт, что *Организация* людей есть *момент согласования их интересов*, их совпадения, может быть — регулируемого, но почти всегда — *частичного* в упомянутой общей экологической нише их реального бытия. *Управление* тогда может быть определено как *процесс согласования интересов людей, объединенных в Организации*, поиск и создание возможностей для реализации этих интересов.

С указанной точки зрения *Конфликт и Организация* представляют собой диалектическую пару, отображающую реальные *процессы интеграции, закрепления отношений и взаимодействий людей и процессы*

⁷ См. Ю.М. Забродин, Г.Б. Морозова. Психосемантический подход к исследованию мировосприятия. В кн.: Управление человеческими ресурсами. М., 1997.

⁸ А. Дмитриев, В. Кудрявцев, С. Кудрявцев. Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993.

дезинтеграции, разобщения, разрушения отношений людей. При этом необходимо помнить, что в такой ситуации может возникать и *общий интерес разобщения*, появляются понятия и отношения «они» — «мы», служащие психологическим фактором новой интеграции и новых организаций.

Здесь важно отметить главное — ***во взаимодействии людей реально существует два знака, две направленности: взаимосодействие и противостояние, объединение и разбегание, сближение и конфронтация, которые особенно остро проявляются в отношениях собственности и обмена (то есть в непосредственном пересечении их индивидуальных экологических ниш).***

1.3. Психология человека и рынок. Психологические аспекты обменных отношений

Существует ряд психологических закономерностей, которые определяют отношения людей при организации поведения и принятии решения в конкретных задачах и актах по поводу *собственности* — владения, распоряжения, обмена и т.п.

Дело в том, что такого рода задачи являются, по-видимому, чисто человеческими, в отличие от задач, характерных для всякого животного — поиска потребного объекта (состояния Мира, ситуации удовлетворения потребности), либо его преобразования (в виде преследования, захвата и переноса в пространстве, времени или в спектре состояний в виде преобразования самого объекта). Эти задачи отличаются тем, что *предмет потребности данного субъекта уже существует в наличии, но ему не принадлежит, поскольку в данный момент на него распространяются интересы другого субъекта. Это означает, что на данной ситуации (взаимодействия данного субъекта с данным предметом в данное время и в данном месте) или на данном предмете «пересекались» интересы разных субъектов.*

Такие задачи принципиально допускают два взаимно дополнительных решения:

- «сведение» ситуации к более низкому, «животному» случаю (или игнорирование интересов другого субъекта, как если бы его не было),
- разрешение ситуации с учетом интересов другого субъекта.

Одним из так называемых цивилизованных вариантов решения в последнем случае является классический вариант *обмена*. В этом варианте *осуществляется согласованный обмен ценностями* одного и другого субъекта — участников обмена. К сожалению, такого рода задачи практически не становились объектами психологического анализа. Вместе с тем они, так же как и любые другие задачи *согласования интересов*, в отличие от задач *столкновения интересов*, давно должны

были бы привлечь внимание экспериментальных и прикладных психологов.

Насколько нам известно, формальные теории игр и решений также не уделяют этому классу задач соответствующего им места, скорее всего потому, что динамика интересов и спектр индивидуальных ценностей в этих формальных теориях учитываются весьма формально либо задаются совершенно произвольным образом. И это понятно, поскольку упомянутые субъективные динамика и спектры являются собственным предметом чисто психологического исследования, и никакой другой наукой адекватно представлены быть не могут.

Здесь полезно отметить психологическую специфику рынка, так же как и само психологическое основание появления рыночных отношений как отношений обменного типа: вместо явно *асимметричных отношений*, возникающих в примитивных организациях (типа *доминантных отношений* «*принуждение — подчинение*», когда ведущим фактором становится сила или власть), происходит переход к *отношениям паритетного, симметричного свойства*, возникающих в ситуациях *согласия, согласования неконфронтирующих интересов*, — когда такой тип отношений естественно приводит к выгоде обеих сторон (к взаимной выгоде).

В этом случае важным становится проявление и становление указанного типа отношений, когда на передний план выходит проблема анализа ситуации обмена и оценка ее взаимной выгодности. При этом главными факторами действия становятся процессы договора и согласия на общей объектной ситуации, — вместо разногласия и столкновения интересов. Согласие и переговоры выступают в таком случае как процессы, приводящие к самоограничению сферы своих интересов с учетом (и, конечно, уточнением) интересов других участников обменных отношений⁹. Здесь мы снова видим явное различие в поведении человеческих и животных субъектов: происходит переход от асимметрии субъект — субъектных отношений к их симметризации в организации самих таких отношений (в частности, в форме обменных отношений).

Итак, *задачи обмена* как особый класс *поведенческих и деятельностных* задач предполагают четкую ориентацию в следующих «межсубъектных» феноменах и, соответственно, понятиях:

- наличие *совмещения или пересечения индивидуальных субъектных интересов* на общей объектной ситуации;
- желание или необходимость *учесть и согласовать эти интересы* в процессе межсубъектного взаимодействия;
- специфика *психологической структуры ценностей участников обмена*, их спектр и иерархия, их индивидуальное своеобразие и динамика;

⁹ Ю.М. Забродин. Психология делового общения, М., 1997.

- включение *процедуры и технологии обмена в жизненный цикл субъекта*, начиная от возникновения потребности до ее удовлетворения (в том числе, путем преобразования ситуации или самого себя).

При этом психологически важно иметь в виду, что *несовершенство тех или иных действий, отказ от них* являются крайне важным элементом организации поведения и деятельности, имеющим сложные субъектные последствия¹⁰.

В решении задач обмена, так же как и в решении всех остальных задач, полезно *изучить всю структуру психологического механизма принятия решения* [см. Ю.М. Забродин, 1971—1979 и далее]. А это, в свою очередь, предполагает знание действующих в конкретно развивающейся ситуации ***принципов и законов оптимального для данного субъекта поведения.***

¹⁰ Ю.М. Забродин. Критерии оптимальности в математических моделях наблюдателя. В кн.: Экспериментальная и прикладная психология в ЛГУ. Вып. 3, Л., 1971.

Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ ОПТИМАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ПРИНЦИПЫ И ПРАВИЛА

2.1. Общее понятие оптимального поведения — проблемы теории

Социологический и психологический анализ поведения людей в ситуациях сложных межсубъектных взаимодействий, обобщение эмпирических исследований мотивации поведения и ценностей жизни, обследование динамики интересов разных групп индивидов, специфики отношений на рынках разного рода (товаров, услуг, труда и т.п.) позволяют, в первом приближении, выделить наиболее характерные и наиболее устойчивые для данной культуры и для данной популяции *принципы и законы индивидуально-оптимального поведения*.

Назовем лишь некоторые из них, открывающиеся при психологическом взгляде на феноменологию человеческой жизни, и при этом будем использовать форму высказываний «на уровне здравого смысла», имея в виду, однако, что сущность и действие этих законов далеко не тривиальны.

1. *«Лучше отдать поменьше, а получить — побольше»*. Этот весьма распространенный принцип поведения оказывается при внимательном психологическом анализе лишь *локально оптимальным*, хотя и выглядит внушительно как *общий принцип экономии затрат*.

2. *«Чем больше потребность каждого (нужда в чем-либо), тем больше каждый готов «отдать» за нее»*. Этот принцип кажется настолько очевидным, что никогда специально не анализировался. Более того, именно он, по-видимому, ответствен за обманчивое, но устойчивое представление о *монотонной связи потребности человека и потребительной стоимости* товара (услуги). В то же время психологическая наука знает множество примеров *немонотонных зависимостей между мотивацией и активностью, поведением и его эффективностью* (вплоть до отказа от деятельности, а затем — и от самой потребности).

3. *«Чем выше производительность труда, т.е. чем выше качество и объем продукции в единицу времени, тем меньше уровень относительных затрат и расхода индивидуального ресурса на единицу продукции»*. Вероятно, этот принцип лежит в основе кажущейся эффективности так называемого «массового производства», а выражается он в наблюдаемом (опять-таки локально) снижении такого экономического показателя, как трудовая стоимость. Однако его психологическая достоверность никогда и никак не оценивалась.

4. *«Чем выше мастерство работника, тем ниже (упомянутая выше оцененная по внешним критериям) трудовая стоимость и меньше ошибок»*.

ки производства на ту же единицу продукции». Локально понимаемый в среде конкретных человеческих отношений, этот принцип *создает психологически понятную основу* для зависти и недоверия, неприятия так называемых «умников», для *неуважения профессионализма* и т.п.

Потому так часто вытекающий из предыдущего социальный принцип:

5. чем больше и более качественную продукцию (товар, услуги и т.д.) «выдает» производитель, тем выше его доход, — воспринимается как социально несправедливый. Более того, на уровне индивидуального сознания оказывается весьма живучим прямо противоположный принцип — *чем больше «труда» (читай: «усилий») вложено в получение того или иного продукта, тем выше должен быть уровень дохода производителя.*

Приведенные выше, а также другие имеющиеся в нашем распоряжении примеры подтверждают давно установленное нами правило: ***локальные принципы оптимальности являются независимыми по отношению к глобальным, и крайне редко локально-оптимальное поведение оказывается таковым в глобальном отношении.***

Но эти же примеры показывают, что принципы и законы «оптимального поведения», которых придерживаются люди в организации своей жизни, существуют объективно и объективно же разделяются, по крайней мере, на два больших класса — ***локальных и глобальных правил оптимального поведения.*** Невнимание к этому обстоятельству, как на высших уровнях управления поведением людей, так и на низших, — приводит к очевидным недоразумениям и к устойчиво воспроизводимым на уровне индивидуального поведения неэффективным способам решения, в том числе, при решении выделенных выше задач обмена. Так, в частности, одной из локально-эффективных форм поведения, которая непосредственно следует из оптимизирующей формы п.1, становится обман и жульничество; из позиции 2 следует как локально-эффективное средство решения — создание дефицита товаров и услуг; а искаженное представление о «социальной справедливости» в соответствии с локально понятым принципом 4 порождает соответствующее социальное действие — переход к «уровнировке», прочно утвердившийся в нашей прежней, да и нынешней действительности.

Отмеченное расхождение локальных и глобальных оптимумов в приведенных выше примерах, по нашему мнению, становится психологической базой личностной и социальной напряженности. Понятно, что происходит это именно в силу объективного характера действия названных выше законов оптимального поведения.

Опыт экспериментальных исследований показывает, что фундаментальные принципы оптимальности определяют разнообразные формы поведения, возникающие в ходе жизнедеятельности субъекта, и не только человека, но и животных. Многообразие возможных форм оптимального поведения человека порождает новую проблему социального и

психологического анализа — проблему *согласования не только интересов людей, но также согласование принципов и критериев их оптимального поведения*. Нужно сказать, что эта проблема (по нашему мнению, лежащая на стыке этики и психологии) уже вышла далеко за пределы экспериментальных лабораторий ученых, она превратилась в практическую проблему нашей жизни, и ее следы мы находим во множестве примеров неэффективного поведения, неэффективного строительства человеческих отношений — и не только при решении задач обмена.

В написанной в середине прошлого века духовной книге «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» мы находим любопытную и поучительную фразу¹¹:

«... боязнь муки есть путь раба, а желание награды [в царствии] есть путь наемника. А Бог хочет, чтоб мы шли к Нему путем сыновним, то есть, из любви и усердия к Нему вели себя честно и наслаждались бы спасительным соединением с Ним в душе и сердце ...».

Полезно на время отвлечься от нравоучительной ориентации приведенного высказывания и более внимательно присмотреться к содержанию критериальной основы форм организации поведения, описанных в этом изречении (в нашей терминологии — *принципов оптимального поведения*). В этом случае можно обнаружить три принципиально разных способа регуляции поведения на базе описанных здесь критериев нравственного порядка, которые могут быть, с одной стороны, соотнесены с теми, что приведены в предыдущем параграфе, а с другой, — с наиболее развитыми теориями организации и регуляции деятельности, разработанными в современной психологии¹². Речь идет о следующих принципах поведения, рассматриваемых как ведущие принципы организации жизни и деятельности субъекта:

- (i) боязнь или страх наказания [интерпретируемые на уровне предыдущей нравственной оценки выбора человека как «путь раба»];
- (ii) стремление к поощрению, «искание наград» [интерпретируемое как «путь наемника»];
- (iii) «путь (сыновней) любви».

В любом случае, первые два варианта есть хорошо известные в психологии бихевиоризма общие для человека и животного принципы организации оптимального поведения¹³.

Связанные с выживанием и элементарным научением, они выступают как простое и прямое «продолжение» животных форм поведения на человеческий уровень жизни, в то время как третий принцип — есть некоторое особое развитие лишь первоначально «животного чувства» (сохранения и продолжения рода человеческого), но этот последний

¹¹ Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. М., 1992.

¹² См., например, Х. Хекхаузен. Мотивация и деятельность. т. 1, т. 2, М., 1986.

¹³ См. Дж. Фон Нейман, У. Моргенштерн. Теория игр и экономическое поведение. М., 1964.

уже отсутствует в бихевиористских, да и в наших отечественных «беспольных» моделях регуляции поведения.

Всеобщий характер действия законов оптимального поведения человека заставляет нас более аккуратно рассмотреть *конкретные межсубъектные отношения, а также вместе с ними тот социальный фон, на котором они разворачиваются*. Последнее, в свою очередь, вновь возвращает нас к вопросам общественного производства, их психологическому содержанию, поскольку именно на этом фоне удастся увидеть некоторые *эффекты действия* упомянутых выше принципов. Надо отметить, что рассмотренные в предыдущих разделах вопросы, в принципе, открывают еще одно направление анализа оптимального поведения и дефинируют еще один класс критериев, который характерен, по-видимому, только для человека:

- (iv) это — путь развития знания (ноосферы), *освоения и приращения культуры* (как опыта жизни), путь исследования «технологий» и «продуктов» оптимизации отношений и взаимодействий субъекта в его реальной экосфере, предполагающий понимание сути этих отношений, а не «борьбу» с «агрессивной средой» или «со злом внутри себя»¹⁴.

Это направление предполагает, что главный вектор развития человека состоит *не в поиске «устойчивого соотношения, равновесия со средой»*, не в наилучшей адаптации к условиям существования, но в *постоянном «стремлении к устойчивости»*, то есть в поиске подходящего баланса между максимальной неустойчивостью и максимальной устойчивостью в *расширяющейся среде обитания* (природной, социальной и культурной¹⁵).

[Означает ли сказанное, что в человеке *одновременно отражаются два градиента, две производных от траектории жизненного пути, позволяющие ему оценить как точку максимального «покоя», равновесия, так и точку максимальных перемен в собственной судьбе?*].

В содержательном смысле варианты (iii) и (iv), конечно, радикально отличаются от вариантов (i) и (ii), которые известны в истории теоретической психологии. Во всяком случае, варианты (iii) и (iv) должны рассматриваться как «антибихевиоризм» в классическом и в современном его понимании: *субъект, строящий свое поведение «по человеческим правилам», должен быть «нечувствителен» (или, во всяком случае, мало чувствителен) к поощрению или наказанию «сейчас, в данный момент», то есть к моменту завершения действия*. Его «момент ценности» отнесен далеко вперед, в будущее, во «внепространство», — в миф, в идеал, в *представление о реальности*, а не в саму реальность¹⁶. Субъект, таким образом, оказывается *замкнут в сферу знания и культуры, то есть в*

¹⁴ В. Франкл. Человек в поисках смысла. М., 1990.

¹⁵ Ю.М. Забродин, А.Н. Лебедев. Психофизика и психофизиология. М., 1977.

¹⁶ Сравни: Н.А. Носов. Виртуальный человек. М., 1997.

«субъектную» ноосферу, а не в «объектную» сферу предметной деятельности. Проблема для человека теперь, конечно, состоит не в том, чтобы найти подходящую ситуацию в реальности и «овладеть ею», подчинив ее своей воле и желанию, — но в том, чтобы *создать в реальности новую (пока еще только представляемую) ситуацию.*

Но в таком случае возникает совершенно новая проблема: как *соотнести вероятные последствия своих действий по преобразованию реальности с естественными законами бытия Природы и с естественными законами бытия Человека* (законами его жизни, его культурной и общественной организации), то есть как *ему «вернуть» в объективную, объектную реальность ту, еще только мыслимую, еще не существующую (а лишь вероятную в будущем) ситуацию, которую он хочет достичь.* Речь, таким образом, идет о том, как соотносится идеальное представление в данный, настоящий момент времени t_1 , которое *существует лишь в пространстве образов* $\text{Im Re}(t_1)$ с вероятным состоянием реальности в будущий момент времени $t + \varepsilon$ — $\text{Re}(t + \varepsilon)$. Другими словами, речь идет о соотношении ноосферы и экосферы в человеческой жизни на определенном отрезке времени, обращенном в будущее.

Отмеченный в данном разделе *всеобщий характер действия законов оптимального поведения* человека заставляет нас более аккуратно рассмотреть конкретные межсубъектные отношения, а также тот социальный «фон», на котором они разворачиваются. А это, в свою очередь, обращает нас к вопросам общественных отношений и, в первую очередь, общественного производства, к их социальному и психологическому содержанию, поскольку именно на этом фоне удастся увидеть некоторые эффекты глобального действия упомянутых выше принципов.

Поведение человека: феноменология и законы. Обыкновенное поведение человеческого индивида (в некритических ситуациях), согласно нашей модели, складывается из следующих компонентов:

- *обнаружение проблемы* (и в этом отношении разные люди весьма различаются по чувствительности к действительной или мнимой проблеме);
- *включение проблемы в «жизненный цикл» субъекта*, то есть, признание ее «своей» проблемой, затрагивающей его собственные интересы;
- *оценка проблемы* или, точнее, *формирование собственного представления о ней* (формирование образа проблемы);
- *формирование (предметной) задачи*, встающей перед субъектом, и поиск возможных вариантов ее разрешения в представлении (мысленном) в виде возможного образа действия;
- *оценка* (также пока еще мысленных) *вариантов решения* с точки зрения потребных ресурсов (затрат), вероятных выигрышей и возможных последствий реализации того или иного варианта и, следовательно, *выбор возможного действия*;

• *оценка результата действия*: качество цели, расстояние до цели (объективное и субъективное), полезность результата «для себя» и «для других» и пр. [При этом совпадение полезности «для себя» и «для других» во многих случаях — не самое лучшее дело. Вообще говоря, из множества вариантов: «полезность для себя» больше «полезности для других»; «полезность для себя» равна «полезности для других»; «полезность для себя» меньше «полезности для других», вероятно, лучший с точки зрения развития общества — последний.];

• *вторичное включение проблемы в «жизненный цикл»* субъекта;

• *оценка удовлетворенности результатом* в двух вариантах: «сейчас», в общем универсуме пространства — времени « $s \times t$ » — локально; и «потом», в « $S \times T$ » — глобально.

Напомним, что одним из общепринятых и даже весьма тривиальных критериев эффективности поведения являются так называемые «ошибки поведения» или *ошибки действия*. Однако их психологическое исследование также раскрывает их совершенную нетривиальность. В самом деле — какой здоровый, нормальный, в нормальном состоянии человек будет совершать то или иное действие, *заранее зная, что оно — ошибочно?* Наоборот, — *до начала реализации того или иного намерения*, того или иного действия, люди *абсолютно убеждены в его правильности* и даже — «наилучшести» [см. «оптимальность поведения»].

Тогда откуда же берутся эти самые «ошибки» поведения и что они означают с психологической точки зрения? Это — специальный вопрос, требующий фундаментальных исследований. Тем не менее, некоторые важные результаты, позволяющие подойти к пониманию механизмов организации поведения, мы уже имеем.

2.2. Психология обыденного поведения (ошибки, ценности и защита)

Поведение человека: феномены и механизмы.

Поскольку в подавляющем большинстве случаев у людей нет точного знания реальной ситуации (а есть лишь «иллюзия» этого знания) и нет представления о том, что «мы хотим» (Goal Sit), а не «чего мы не хотим» (что характеризует ситуативное, избегающее поведение), то все внимание человек невольно сосредотачивает *на самом действии*. При акценте на действии главное внимание уделяется оценкам его *эффективности*, а не оценкам *результата действия* и тем более — его *последствий*. [Отсюда же — пренебрежительное отношение к бездействию как факту отказа от действия.]

В таком случае самыми простыми и понятными становятся такие критерии эффективности деятельности, как величина совершаемой работы, и формируется так называемый «биографический» подход: «мы столько

работали, столько работали! — что вполне заслуживаем отдыха и/или поощрения». Это понимать следует так: кто больше «работал» (в прямом незамысловатом понимании — тратил физической и/или интеллектуальной энергии), тот должен больше и иметь. Поэтому совершенно неудивительно, что в ситуации такого простого, внешне очевидного и, казалось бы, абсолютно ясного положения дел оказываются как бы выброшенными за борт:

- способности индивида;
- действительные интересы и желания Sb (что позволяет легко создавать видимость «большой и тяжелой» работы — ИКД как «имитацию кипучей деятельности»);
- реально получаемый результат, его полезность и нужность другим (то есть — интересы «другого»);
- качество этого результата (то есть реальная близость к поставленной прежде цели);
- вероятные последствия его достижения (прогноз «полного эффекта» действия) и т.д.

Таковы **начала психологии обыденного поведения** обыкновенного индивида. Основы их коренятся в следующем психологическом феномене или даже законе — человек *никогда* или *почти никогда не различает* «мысленное» (в представлении) и «реальное» (в жизни, в практике) событие или действие и не отделяет одно от другого:

$$\begin{array}{c}
 \text{Im ACT}_{\text{RE}} \\
 \text{(психические образы)} \\
 \text{(i) Im SIT}_0 \text{ -----} \rightarrow \text{Im Goal} \\
 \text{и (*)} \\
 \text{RE}_{\text{ACT}} \\
 \text{(реальные события)} \\
 \text{(ii) RE SIT}_0 \text{ -----} \rightarrow \text{RE SIT}_t
 \end{array}$$

где Im (.) — образ (.);
 SIT₀, SIT_t — исходная (наличная) и конечная ситуации;
 Goal — цель действия или желаемая ситуация;
 ACT — действие;
 RE — реальность.

Если мы хотим понять, как можно «управлять» людьми, понять законы их поведения, то никак нельзя игнорировать указанный выше феномен. Однако же *только учитывать его — недостаточно*, поскольку человек почти никогда не действует «в одиночку», а всегда — в той или иной группе, организации. При этом для совместной деятельности становится необходимым «*уточнение позиций*», то есть *выяснение (групповых, социальных) представлений (о функциях и задачах), складывающихся в организации*, поскольку:

- (а) в любой, даже самой сплоченной, организации в «команде» руководителей у каждого «свое» видение задачи и наличной ситуации, и цели [то есть свое значение параметров, приведенных выше в выражении (*)], и необходимо понимать и всегда помнить, что «представления» (Im)

- об исходной ситуации;
- о цели (желаемой ситуации);
- о способах достижения цели,

у всех членов организации (сотрудников) — разные; а представлений о последствиях своих действий в виде реальных реакций других субъектов или объектов, то есть — в реальном Мире, — в подавляющем большинстве случаев нет вообще ни у кого.

- (б) предыдущее справедливо всегда, но начинать с него можно в тех случаях, когда у людей существует действительный *общий интерес*. Если же такового нет, тогда и вступает в действие указанный пункт (б), который требует *выявления и согласования интересов*. При этом следует помнить, что зачастую они неясны даже самому субъекту: вопрос «*чего же ты хочешь?*» практически всегда является критическим и гораздо более трудным для субъекта вопросом, чем вопрос «*чего ты не хочешь?*».

И хотя логически это выглядит весьма странным, психологически это очень понятно, поскольку именно ощущение, «чего я не хочу» (например, оставаться в этой ситуации), — прямо побуждает субъекта к активности, к действию. Правда, это действие и эта активность как бы «беспредметны», и активность выражается:

- в «избегании» или «агрессии»;
- в ориентировочном поведении;
- в поисковом действии.

- (с) теперь понятно, что нужно «отразить» *проблему*, возникающую в самом субъекте [смотри пункт (а)]. Кроме того, важно также понять то, *что хочешь ты сам и что именно хотят «другие»* [смотри пункт (б)].

Однако и этого недостаточно — важно помнить, что *осознание (психическое отражение) расхождения, несовпадения интересов разных людей, существующих в общей «экономике»*

ЭHsb₁ x ЭHsb₂ (для различных людей) **Sb₁ ≠ Sb₂**

часто порождает столкновение интересов, а значит — становится источником не только индивидуального, но и социального напряжения — противостояния людей, то есть основы конфликта.

Следовательно, для эффективного решения проблемы, возникающей перед сообществом людей, необходимо не только *выяснить и учесть*, но и *согласовать* их интересы. Это утверждение так же, как и многие другие, приведенные ранее, лишь поначалу кажется три-

виальным, — можно легко показать, что оно не так примитивно, как выглядит на первый взгляд [см., например, подраздел «психология и рынок»].

Ошибки поведения. «Ошибки и действия» (здесь порядок слов важен: данное выражение имеет существенно иной смысл по сравнению с парой «действия и ошибки»).

Весьма распространенное утверждение «не ошибается тот, кто ничего не делает» — на самом деле постулирует совершенно неверную посылку, ибо как тогда вести себя в следующих ситуациях, которые довольно естественно возникают в реальной жизни субъекта: нападает хищник, нападает разбойник, несправедливо «придавил» руководитель, необходимы новые вложения в «дело» и т.д. Простые примеры показывают, что нереагирование, «бездействие» нужно рассматривать, в отличие от состояния покоя, как активное субъективное состояние. В определенном смысле, *отказ от действия вполне равноценен видимому действию*, и психологически это всегда *действие (решение) для самого Sb*, в отличие от постороннего наблюдателя.

Приведенные примеры можно продолжить. Так, просьба: «не мусорить!» не значит «не производить отходов», [ибо это приведет к требованию смерти всего живого, поскольку «отходы» есть продукт его жизнедеятельности], но предполагает в действительности очень важные действия:

— не разбрасывать отходы «где попало», а — собирать и сохранять (и перерабатывать их) в надлежащих местах; или

— не производить их чрезмерно много из-за «плохих» технологий [для примера, в отвалах железо-никелевой руды процент редкоземельных элементов часто выше, чем в самой редкоземельной руде];

— минимизировать отходы в процессах жизнедеятельности за счет создания «безотходных» технологий, комплексной переработки сырья и т.д.: угля, нефти, газа, руды, воды и т.п.

Основная мысль данного параграфа сводится к тому, что при анализе человеческого поведения никак нельзя *вырывать самого субъекта из конкретной ситуации его жизни, из его видения и понимания этой ситуации, из его отношения к ней.*

2.3. «Окружение человека»: экосфера и экониша. Основные понятия

Классическая психология вслед за философской наукой при изучении субъективных явлений четко разграничивала и чаще всего — противопоставляла субъекта его «окружению», среде существования, которую мы полагаем удобным в дальнейшем анализе обозначать как «*экоферу*» (ЭС человека).

Конструктивная психология меняет классическую парадигму, предлагая рассматривать конкретного субъекта в единстве и непрерывном взаимодействии с конкретной средой его существования, и в таком случае экосфера индивидуального субъекта переопределяется в виде трехкомпонентного *психологического Универсума*:

- собственно субъекту;
- спектр его динамических взаимодействий с его реальным или воображаемым окружением;
- само «окружение» субъекта, ограниченное дальностью его взаимодействий (в дальнейшем — *экониша* — ЭН субъекта).

В соответствии со структурой реального взаимодействия Sb^{\wedge} с Миром оно включает в себя как реальные объекты, так и других субъектов $\{Sb\sim\}$:

$$\{Ob\} \leftrightarrow Sb^{\wedge} \leftrightarrow \{Sb\}$$

Экониша субъекта содержит два типа взаимодействий: *субъект — субъектные* W_{soc} (взаимодействия с себе подобными, «одушевленными» сущностями) и *субъект — объектные* $W_{н}$ (взаимодействия с себе не — подобными, «неодушевленными»). В последнем типе мы выделяем *натуральные* взаимодействия, определяющие $ЭН_{н/nat}$ и включающие в качестве «партнера» *естественные объекты природы*, — с одной стороны, и *культуральные* взаимодействия, определяющие $ЭН_{н/art}$ и включающие в качестве «партнера» *преобразованные субъектом объекты* (предметы культуры, в том числе, предметы, орудия и знаки, созданные другими разумными существами).

С указанной точки зрения проблема *кризисов развития Sb в его эконише* — это диалектическая проблема *расширяющегося (растущего) субстрата (Sb) и расширяющейся его функции (в ЭН), то есть — проблема меняющейся функции в рамках более консервативной структуры*¹⁷. В этом случае антикризисные решения состоят в том, чтобы *ввести одновременное управление структурой и функциями (дуальное управление)* как изменениями в самом Sb , так и изменениями в его эконише.

С учетом сказанного, следовательно, **образование и развитие человека** есть:

- *усвоение опыта человеческой жизни* (то есть усвоение *продуктов культуры и культурных ценностей в материальной и духовной сферах*);
- *научение лучшему (чем у предыдущих поколений) видению и решению* своих жизненных проблем;
- *увеличение доли человеческого регулирования поведения* (по сравнению с регулированием поведения у животного Sb).

Динамика развития Sb_0 в индивидуальной эконише, по нашему предположению, характеризуется *производством $ЭН_{н/art}$* , включающей в себя как минимум три составляющие:

¹⁷ Так, наутилус, краб, куколка меняют свои оболочки — панцири; змея меняет кожу и т.п.

- потребляемую «здесь и теперь» часть, связанную с удовлетворением индивидуальных потребностей Sb;
- потребляемую «потом» и «для многих» часть, связанную с производством собственнo культуры ЭН_{n/cult};
- «не потребляемую» часть, связанную с отходами жизнедеятельности Sb.

Вообще говоря, разделение экониши на *натуральную* и *культуральную* задает *дополнительную* ось в пространстве жизни человека, непосредственно связанную с его предметной деятельностью, с одной стороны, и с его существованием в пространстве транспредметном, интеллектуальном, в субъектной ноосфере.

Эта ось применительно к экосфере задает также разделение экосферы на *естественную* — ЭС_{n/nat} и *искусственную*, культуральную — ЭС_{n/art}.

Таким образом, становится ясным различие экосферы и биосферы: оно состоит в явном и неубывающем (по абсолютной величине) культуральном компоненте — ЭС_{n/art}. Граница экосферы, по-видимому, и задается реальным значением культурального компонента ЭС_{n/art}, возникающего в процессе накопления опыта преобразующей деятельности людей — множества конкретных Sb.¹⁸

Возникающий в этой связи принципиальной важности вопрос состоит в следующем: является ли соотношение указанных компонентов ЭС_{n/art} / ЭС_{n/nat} (или наоборот — ЭС_{n/nat} / ЭС_{n/art}) постоянным индексом цивилизации СГ[^] для данного вида разумных существ, при расширении объема экосферы в связи с асимметрией жизни и развития человеческого Sb? Или СГ[^] изменяется с течением времени, но тогда — в какую сторону, и что это значит для цивилизации?

Так, если СГ[^] = ЭС_{n/art} / ЭС_{n/nat} + ЭС_{n/art} → к 0 или к 1, то чисто теоретически это означает, соответственно: суперсмерть (вида) или суперпрогресс (цивилизации).

Экосфера, в соответствии с принятым определением, представляет собой систему взаимосвязанных и частично пересекающихся индивидуальных экониш, каждая из которых, в свою очередь, «распадается» на две фундаментальные составляющие, определяющиеся пределами индивидуального познания и преобразования мира:

$$\{\text{Ob}\} \leftrightarrow \text{Sb}^{\wedge} \leftrightarrow \{\text{Sb}\sim\}.$$

Одна из них представляет собой социальную эконишу ЭН_{soc}, заданную индивидуальной системой межсубъектных отношений (Rel) и взаимодействий (Act).

Другая — натуральную эконишу ЭН_n, заданную системой субъект-объектных отношений (Rel) и взаимодействий (Act).

¹⁸ См. также Ю.М. Забродин. Психологический анализ деятельности человека на границах экосферы. В.кн.: Труды по космической биомедицине. Сб. 2, М., 1996.

При этом межсубъектные взаимодействия имеют простой психологический аналог — *общение*, а субъект — объектные взаимодействия обычно рассматриваются в варианте *предметной деятельности* Sb.

Сущность общения в таком случае состоит в «*движении сообщений*» и в «*нефизическом*» *преобразовании* Sb, т.е. в «*управлении*» им. Сущность деятельности — в *преобразовании предметного Мира*, в *управлении* событиями и ситуациями. Понятно, что разграничение этих составляющих не является абсолютным: оно зависит от того, где и как проведена грань классификации, *отделяющая субъект от объекта (не-субъекта)*.

Вместе с тем также понятно, что структура человеческого опыта, «отображенная» на систему экониш, представляет собой существующую (и действующую) культуру человечества. Культура, таким образом, представляет собой *закрепленный для будущих поколений опыт познания и преобразования мира человеком*.

Экосфера и система экониш определяют и сами, в свою очередь, определяются пределами существования (выживания) субъекта и его возможностями по познанию и преобразованию мира. При этом вероятные варианты развития экониши, а значит, и экосферы, предполагают возможные изменения в них, прямо связанные с деятельностью человека: преобразование конкретной ситуации может идти по линии

- преобразования самого субъекта,
- преобразования его взаимодействий с окружением,
- наконец, преобразования самого окружения.

Последнее означает преобразование *условий жизни человека*, т.е. в известной мере, *подчинение мировых событий его воле и его цели*, «*управление*» ими. В свою очередь, управление поведением и преобразующей деятельностью человека выступает как микроэкономика, как «*работа субъекта в его эконише*».

Предполагается, что для человеческого субъекта существует совершенно определенная специфика его взаимодействий в эконише, и эта специфика связана с тем, что, в отличие от животного субъекта, человек *не уравновешен (асимметричен)* не только в каждом отдельном взаимодействии, но и *в целостной системе своих взаимодействий в его собственной эконише*. Это означает, что в случае человеческого субъекта не соблюдается *принцип гомеостатического равновесия со средой* (принцип *симметрии взаимодействия* Sb ↔ Среда в ЭНСb).

Представляется полезным обозначить этот новый, собственно человеческий принцип построения отношений Sb с его окружением как *принцип стремления к равновесию со средой (принцип устойчивости)*. Будучи *отчетливо направленным в будущее*, он должен быть построен на принципиально ином «материале»: на *соотношении образов налич-*

ной ситуации в ЭН, — $\text{Im}_{\text{ReSit}}^{\circ}$, и желаемой ситуации, — $\text{Im}_{\text{ReSit}}^{\text{t}}$, то есть на отрезке индивидуальной судьбы Sb, отраженной самим субъектом и регулируемой им самим.

Описанная ситуация не вполне обычна для теоретической психологии, поскольку требует существования *независимого* (от состояния субъекта и от состояния взаимодействия) и *независимо изменяемого* (на основании оценок, ценностей, личного опыта Sb) *представления о Мире* как в настоящем, так и в будущем. Мы полагаем, что соответствующие психологические операции возникают и реализуются только в человеческом субъекте и именно в связи с развитием такой специальной функции психического регулирования, как сознание, которое мы рассматриваем в качестве второго уровня субъективного отражения или *рефлексии второго порядка* (Refl_2).

Сравнительный анализ приведенных выше принципов позволяет предположить, что обнаруженные нами два класса критериев оптимального поведения человека [Ю. Забродин, 1971, 1977¹⁹ и далее] непосредственно связаны с указанными двумя принципами построения регуляторов поведения субъекта:

- первый класс *ориентирован на поведение «сейчас»*, в данный момент, и на стабилизацию поведения, то есть, *сфокусирован на моменте t_0* и на реальной ситуации Re_{Sito} ($\text{ImRe}_{\text{Sito}}$);
- второй — *ориентирован на поведение «в будущем»*, то есть на *вероятное, еще не осуществившееся, поведение*, и в этом смысле является *игровым критерием, сфокусированным на образе цели ImSit^{\wedge}* , точнее, на интервале $[\text{ImRe}_{\text{Sito}}, \text{ImSit}^{\wedge}]$.

Как уже отмечалось, эти два класса критериев связаны между собой интегро-дифференциальными отношениями, и в этом смысле они независимы друг от друга, образуя *разные размерности* в анализе и организации поведения. Естественно, весьма интересным становится вопрос об определении действительной точки фокуса на названном интервале образов $[\text{ImRe}_{\text{Sito}}, \text{ImSit}^{\wedge}]$, а также — о соотношении указанных двух классов критериев (их удельном весе) в организации и управлении поведением человека.

Понятно, однако, что если первый класс критериев может работать на *отражении взаимодействия субъекта со средой* в ЭН Sb, на *его соотношении со средой* [см. П.К. Анохин, 1978 и далее²⁰], то второй класс работает *на пространстве образов Мира, выделенных субъектом из полного образа взаимодействия со средой* за счет рефлексии второго порядка.

Следовательно, в данном случае можно более строго подойти к анализу *экономического поведения* человека [см. Дж. фон Нейман, С. Морген-

¹⁹ Ю.М. Забродин. Критерии оптимальности в математических моделях наблюдателя. В кн.: Экспериментальная и прикладная психология в ЛГУ. Л., 1971; Ю.М. Забродин, А.Н. Лебедев. Психофизика и психофизиология. М., 1977.

²⁰ П.К. Анохин. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.

штерн²¹], полагая, что знание о законах бытия субъекта в ЭН образуют **микрoэкологию** субъекта, тогда как знание о законах преобразования ЭН в заданном (выбранном) направлении образуют его **микрoэкономикy**.

С учетом сказанного выше, целесообразное преобразование экономики выступает как *целенаправленная деятельность субъекта, его микрoэкономическое поведение* и в этом качестве выступает как *психологическое освоение микрoэкономики*. Тогда организация *экономического поведения* (как сознательной деятельности человека) с психологической точки зрения требует опоры на *образы — представления о реальном и необходимом Мире* и включает построение *образов вероятных действий* по его (Мира) преобразованию:

- представление о ресурсных возможностях Природы;
- представление о (ресурсных) возможностях человека;
- представление о возможностях расширения этих ресурсов (о возможных орудиях труда и организации совместной деятельности);
- представление о возможных способах действий (технологический ресурс);
- представление о результатах реализации того или иного выбранного способа действий;
- соотнесение затрат ресурсов (трудовой стоимости) и ожидаемого выигрыша от результата действий (потребляемой стоимости).

Если взглянуть на отмеченные выше обстоятельства с экономической точки зрения, следует отметить, что не все эти представления оказываются учтенными в экономических моделях хозяйствования, которые включают:

- модели основных ресурсов (природных и энергетических) и модели их использования;
- модели технологических ресурсов, возможности их применения (модели производительности);
- модели человеческих ресурсов (рабочей силы);
- модели финансового обеспечения деятельности (модели стоимости как базы расчета соотношения затрат и выигрышей).

Полагаем целесообразным отметить также, что экономические модели финансового обеспечения деятельности можно рассматривать как эквивалент психологического моделирования ценности, стоимостей разного рода, и в этом контексте сами стоимости выступают, с одной стороны, как база развития обменных отношений, а с другой — как база стимуляции, управления рабочей силой и производительностью работника, представляя собой некоторое поле (ресурс) потенциального удовлетворения произвольных потребностей субъекта (Общества).

Сравнение психологических и экономических моделей организации процессов целенаправленного изменения Мира показывает, что

²¹ Дж. фон Нейман, С. Моргенштерн. Теория игр и экономическое поведение. М., 1965.

(во всяком случае, психологически) важно рассмотреть также модели производства, воспроизводства и рационального управления (распределения) в отношении всех указанных выше ресурсов. Представляется, что в базе такого рода отношений лежат некоторые фундаментальные принципы человеческого бытия, когда асимметричность процессов отражения (построения следов взаимодействия) *дополняется* асимметричностью регуляции, управления поведением: «затраченные» усилия в конечном итоге дают существенно больший результат.

2.4. Теоретические основания психологии экономического поведения

Мы отмечали, что продукция, полученная в ходе деятельности, более «выгодна», стоит больше, чем усилия, затраченные на ее получение; иными словами, «деятельность» человека микроэкономически и психологически *выгодна* для него самого. Этот феномен стал предметом специального внимания еще в семидесятые годы: исследователь систем П.Г. Кузнецов [1985]²², обсуждая вопросы принципиально «антиэнтропийного» характера человеческой деятельности, рассматривал человека в виде машины с коэффициентом «полезного действия» более 100%.

Таким образом, первый важный *феномен экономического поведения* — его *антиэнтропийность*.

Вторым фундаментальным основанием эффективного *экономического поведения* становится *психологическое разнообразие людей, их способностей и возможностей по преобразованию их индивидуальных эконисс ЭН*.

Это разнообразие, по-видимому, и порождает эффект продуктивности и становится базой для расщепления трудовой (затратной) части получения продукта и его потребительной (выигрышной, потребляемой) стоимости. Похоже, что при абсолютной идентичности субъектов, невозможно создавать такое различие и тогда может исчезнуть само понятие стоимости, также как и ее деление на трудовую и потребляемую компоненты. Непохожесть (разнообразие) людей порождает сам эффект продуктивности, асимметричный уже по предыдущему основанию. В самом деле, «усилия» (= затраты ресурса) одного Sb объективно оказываются *не равными* усилиям и затратам другого Sb при «равном конечном произведенном продукте».

Из-за разнообразия людей есть довольно много (в действительности — половина) субъектов Sb, «траты» которых на производство одного и того же потребного продукта меньше «средних» затрат. Это и дает так называемый «эффект прибавочного продукта», и определяет

²² П.Г. Кузнецов. Лекции по теории системного анализа (рукопись). МПГУ, 1985.

различие субъективных «стоимостей затрат» (= труда) в отношении к «стоимости» продукта.

Такое различие, по нашему мнению, и становится «залогом» становления взаимовыгодных обменных отношений: ведь упомянутое разнообразие людей *не одинаково по различным размерностям преобразования ЭН*, в том числе, по размерностям производства разного продукта. Оно задает *профессионализм как меру затрат* на оси соответствующей размерности, соответствующего качества во множестве психологических характеристик множества субъектов {Sb}.

Кажущаяся (наблюдаемая) одинаковость «окружающей среды», эконо-ши различных субъектов для постороннего наблюдателя вовсе *не означает одинаковость субъектного окружения с их собственной (субъективной) точки зрения*, а следовательно, — и неодинаковость их жизнедеятельности в *той же самой (внешне) эконо*ши: различия реально существуют *внутри субъекта* при ее отражении, познании, объяснении и преобразовании.

В этой связи, как мы полагаем, совершенно иную окраску приобретают две фундаментальные проблемы психологии: *наследованного и приобретенного*, с одной стороны, и *возможного и реализованного*, — с другой.

Первая проблема — наследованного и приобретенного — рассматривается нами как проблема *внутреннего «плана» и развертки программы действий* на множестве Sb, а также ее (его) реализации в пределах экосферы. Вопрос здесь состоит в том, чтобы отследить *конкретную реализацию в ходе разворачивания внутренней программы в реальных* (в том числе, материальных) *условиях «Среды»*.

Вторая проблема — возможного и реализованного — затрагивает вопросы, *как и почему внутренний ресурс субъекта реализуется в данных условиях обитания* (в данной эконоши). Это, по нашему мнению, отнюдь не проблема «взаимодействия» наследственности и среды, а проблема *структуры* («материала») субъекта и его *функции* (действия):

В таком случае естественно возникают вопросы *управления действием*, то есть вопросы появления и реальности бытия так называемого

мой *внутренней (собственной) функции управления поведением субъекта — собственно психики* (вопрос состоит в том, когда и как появляются и в чем проявляются ее главные компоненты):

отражение $Refl_1 \leftrightarrow$ (само) движение Reg_1
сознание $Refl_2 \leftrightarrow$ (волевое) действие Reg_2

Можно согласиться с тем, что при этом в определенные *отношения «на субъекте»* вступают наследственная программа, личный опыт, опыт других, определяя индивидуальное *поведение в данных условиях реальной экониши*.

На границах экониши возникает «индивидуальная» проблема для субъекта: в этом случае либо отсутствуют образцы «нормативного» поведения (они могут быть и неизвестны субъекту в полном временном цикле — от зарождения проблемы до ее разрешения и возникающих последствий), либо ошибки поведения становятся чреватými тяжелыми последствиями для субъекта.

На границах экосферы мы можем наблюдать *пределы человеческого ресурса* (в широком смысле), в том числе, *эффективно контролируемые самими субъектами* (оптимальность, качество и ценности в регуляции поведения). Здесь масштаб индивидуального действия должен быть непосредственно связан с масштабом эффекта в пределах экосферы. Это означает прямую индивидуальную ответственность за последствия принятых решений и «заметность» индивидуального действия для других.

Таким образом, *поведение на границах и экониши, и экосферы связано с кризисными эффектами* и может рассматриваться как *поведение в экстремальных ситуациях* (опять же в широком смысле).

Расширение границ экосферы может рассматриваться как *создание культуры*, и оно представляет особый психологический интерес, несмотря на то, что в реальности существуют и еще две глубоких проблемы: сохранение культуры и ее воспроизведение в других (распространение). Культура обычно делится на материальную и духовную («знаковую»), и последняя для нас важнее в том смысле, что она *«задает культуру поведения в эконише субъекта»*.

Так образуется связь *экосферы и экониши*.

Культура поведения включает в себя «культуру действия» (технологии) и «культуру отношений» (оценок). Последняя, «культура отношения», конечно, в определенном смысле, и есть «знаковая» культура, ибо она, включая компоненты взаимодействия:

$Sb^{\wedge} \leftrightarrow Ob (Sb_{-})$,

предполагает «сознание и осознание себя» вместе с отраженным и разделенным на отдельные компоненты психическим образом:

« $Я^{\wedge}$ » ↔ «действие».

В то же время, «культура действия» предполагает отражение и разделение образа:

« $Я^{\wedge}$ » ↔ «объект (субъект~)».

И лишь *соединение их обеих* в форме *деятельности*²³ и *межсубъектных отношений* создает основу для понимания (в самом Sb) [полной] *культуры поведения*:

Я^(субъект действия) ↔ действие объект действия
(в т. ч. субъект~).

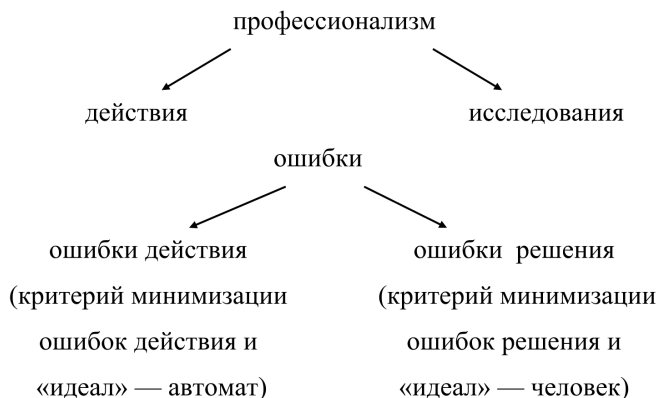
В таком случае «движение действия» задает основу изменения объекта Ob или другого субъекта Sb, а также — фиксации (отражения), оценки и прогнозирования изменений в Ob {Sb}, т.е. оценки последствий своих действий (психологическую причинно-следственную связь).

Отметим, что на границах *экопсихики* закладывается иная система отношений в контексте пары: *нормативность — ошибочность* поведения. При этом психологическая специфика нормативности состоит в том, что она задает известный (опробованный), в некотором роде, оптимальный, алгоритм поведения. Напомним, что психологическая специфика ошибочного поведения иная: никто не хочет совершать ошибки *до действия*. Таким образом, нормативность требует «профессионализма деятеля» со специфическим поведением: наилучшим считается *минимальное отклонение от оптимального* исполнения по известному алгоритму, то есть строгое следование предписаниям (в том числе, собственным) и *высокий уровень регуляции* исполнения (что-то похожее на навык).

С точки зрения нашего подхода поведение человека в кризисной ситуации жестко разделяется на два подвида:

- классическое «животное» поведение, по хорошо известному в психологии механизму «проб и ошибок»;
- неклассическое, по сути, настоящее человеческое поведение — поведение «профессионала-исследователя» с поиском оптимального алгоритма действия и минимизацией возможных ошибок.

Следовательно, *непрофессионализм в критической ситуации* разделяется на две ветви:

²³ А.Н. Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

Особенность действия на границах экосферы (в кризисных ситуациях) предполагает обязательное соединение этих двух видов профессионализма — исследования и действия, — возможно, в коллективном, совместно организованном поведении (множества S_b). Отсюда следует разделение психологических проблем на два класса: психологический анализ ошибок индивидуального действия (управление поведением S_b^{\wedge}) и психологический анализ ошибок в организациях (управление людьми).

Глава 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

3.1. Социальные процессы и управление ими с когнитивной и социально-психологической точки зрения

Следует напомнить, что впервые в отечественной психологии ясно определенная роль *оперативного образа*, связывающего поведение с решением конкретной задачи, стоящей перед данным человеком, представлена в трудах Д.А. Ошанина. Несомненным достижением отечественной психологии является доказательство того, что Человек — это уникальное существо, которое обладает удивительной способностью работать с результатами отражения — образами, формируя их в процессе *отражения явлений и событий*, оживляя и воспроизводя их в процессах *представления*, и воплощая, овеществляя их в процессах *изображения* Мира, в том числе в виде материализованных идей и целей.

Для понимания роли и места психического отражения в регуляции всех форм поведения человека концептуально важно принять ту точку зрения, что именно *психический образ* реальной ситуации, а не сама *ситуация* становится действующим *регулятором человеческого поведения*. Определение роли и места психического отражения и психических образов на разных уровнях и этапах жизнедеятельности человека, основы которого заложены в работах Д.А. Ошанина, может стать реальной основой понимания механизмов регуляции поведения в самых разных жизненных ситуациях и в самых разных формах поведения человека, в том числе, социального его поведения.

Прикладные аспекты психического отражения в сфере социальных событий. Как уже упоминалось выше в контексте социологического и социально — психологического анализа во всяком *обществе*, в любой *человеческой организации*, в том числе и на уровне индивида, мы *обнаруживаем и отображаем* давно забытую классическую триаду компонентов социальной системы:

- *условия жизни и деятельности людей,*
- *человеческие отношения,*
- *бытие самого субъекта.*

Легко увидеть, что эта триада существует во всех социальных сферах — *Образования, Труда и Отдыха*, то есть, общественно необходимого («занятого») и свободного времени человека. И тогда мы сталкиваемся с хорошо известными проблемами *условий труда, образования и свободного времени; поддержания и развития человеческих отношений в труде, образовании и в свободном времени; производства человека как субъекта труда, образования и собственной жизни.*

При этом, естественно, возникает проблема *адекватного представления и эффективного управления социальными процессами со стороны индивида, общества и государства* на всех этапах *гражданского и профессионального становления человека*. Результатом такого управления должно стать, в первую очередь, создание развернутого во всем профессиональном спектре корпуса хорошо подготовленных специалистов, включающихся в процесс производства общества в полном его объеме: от ремесленника, предпринимателя до наемного работника и государственного служащего (чиновника). И хотя упомянутые специалисты, так или иначе, включаются в реальное управление социальными процессами, тем не менее, структура их социальных ролей и содержание управляющих действий могут различаться (и в ряде примеров действительно различаются) радикальным образом²⁴.

Следовательно, в данном отношении в системе мировоззренческих представлений приходится довольно строго различать: *Общество* (как систему «жизни людей») и *Государство*, как *частный механизм управления Обществом*, включающий систему «жизни людей» и систему их деятельностей; *управление в организациях* и *управление «общей жизнью»* (социальными процессами) людей *с помощью и «через» организации*.

Таким образом, *социальная практика* включает в себя несколько важнейших сфер, направлений деятельности общества, а также те реальные отношения и системы отношений, которые складываются в рамках этих направлений. Среди них наибольшее значение приобретают проблемы, связанные с *определением путей цивилизованного развития: модели и цели общественного устройства, которые определяют основные системы ценностей, приоритетов, принимаемых решений и осуществляемых действий*. С точки зрения эффективности управления чрезвычайно важно, как именно *воспринимаются, отображаются и принимаются* указанные модели и цели (как образы — *представления* реальности) конкретными людьми и социальными общностями. Как мы упоминали, в условиях перехода к правовому государству, к рыночной экономике, появляются новые социальные феномены, новые принципы организации жизни, взаимоотношений и деятельности людей. Все это приводит к осознанию значимости человеческой личности, к повышенной ответственности человека в определении собственной судьбы. Ответы на возникающие в новой социальной реальности вопросы предполагают исследование основ, разработку и реализацию *активной социальной политики государства и общественных объединений граждан*, а значит: исследование смысла, определение субъективных оценок положения дел в данной сфере как на макро, так и на микро уровнях, выявление условий, механизмов и факторов *управляемости* в

²⁴ См. И.Т. Фролов. Перспективы человека. М., 1983; А. Печен. Человеческие качества. М., 1985; Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.

социальной сфере, построение и реализацию эффективных технологий и алгоритмов *управления социальными явлениями*.

Процесс реформ, изменяя социальную ответственность государства перед гражданами, принципиально создает новую систему общественных и государственных гарантий и социальных защит человеческой личности. В России указанный процесс породил проблемы социальной и профессиональной адаптации, реадaptации и реабилитации населения России к условиям переходного периода. Эти проблемы определяют разные уровни и разную степень «активности» населения в социальной политике государства и различный вес государственных и негосударственных структур в их разрешении.

Социально — психологические проблемы восприятия и оценки властных отношений.

Вопросы отношений граждан и государства приобретают особо острый оттенок в значительной степени потому, что ни обычные граждане, ни чиновные люди из властных структур, как показывают исследования, не *представляют себе*²⁵ действительных соотношений общества, государства и его граждан. Оно выражается, в частности, в *неполноте и фрагментарности, упрощении и схематизации социальных представлений* о действии основных институтов общества, в *неправомерном отождествлении общества и государственного механизма управления функционированием и развитием общества* (общественным воспроизводством и производством).

Вместе с тем, в критических ситуациях, которые связаны с переменной социальных структур и изменением обязанностей различных ветвей власти, психологически очевидной становится необходимость в ходе любых дискуссий «отделять» идею как результат интеллектуального труда человека от его «персоны», то есть *отделять высказанное мнение от того, кто его произвел на свет*. Практическое приложение высказанных выше соображений требует обязательного разделения *образов и действий, интересов и идей* в ходе подготовки и обсуждения любого *решения и плана действий*. Оно становится особенно важным при обсуждении качества любого интеллектуального результата, при его оценке (см., например, социально — психологический анализ Съезда народных депутатов России²⁶). Здесь важно отметить главное — во взаимодействии людей реально существуют *два знака, две направленности: взаимосодействие и противостояние, объединение и разбегание, сближение и конфронтация*. При этом в системе отношений к

²⁵ Это значит, что у них отсутствует адекватный образ указанных социальных явлений и объектов.

²⁶ Ю.М. Забродин, В.А. Пызин. IV съезд народных депутатов России: психолого-политологический анализ. В кн.: Политический и экономический курс России. М., РАУ. 1992.

власти социально-психологический анализ выделяет следующие виды *отношений индивида* ко всякой власти:

- доверие,
- признание (авторитет),
- уважение (делегирование влияний),
- делегирование полномочий,
- представительство (реализация делегированных полномочий),
- уважение и соблюдение «законов»,
- принятие и исполнение (подчинение) распоряжений.

Следует подчеркнуть, однако, что в подавляющем большинстве исследованных случаев *индивидуальные представления об истине, интересе, праве и собственности* никак не связывались с *социальной необходимостью регулирования всего процесса общественного производства*, цель которого — выживание и устойчивое развитие человеческого общества через выживание, безопасное и комфортное развитие всех его элементов, в первую очередь, — самих людей.

«Власть» и «народ» в сложившейся обстановке должны сделать определенные шаги «навстречу друг другу». Однако психологический парадокс и основная трудность ситуации состоят в том, что в возникших условиях конфронтации, недоверия друг к другу, в ситуации «противостояния», а часто — искусственного противопоставления интересов государства, общества и личности, — каждый «шаг навстречу» (даже с самыми добрыми намерениями) воспринимается другой стороной как агрессия, угроза ее интересам. Самое главное здесь и самое трудное — отойти от привычного алгоритма — общепринятого *образца поведения* и попытаться изменить «психологическую ситуацию в целом», — в сторону создания *отношений доверия*, и лишь затем — искать *способы согласования интересов* сторон.

Резюмируя сказанное, мы полагаем, что формирование у индивида *социальных представлений* как представлений о новых *возможностях для гражданина*, а не как *ограничениях свобод личности*, может привести к психологической смене стратегического отношения населения к власти и чиновничеству.

Психологические аспекты отражения в сфере социальных отношений. Большинство политических дискуссий нашего времени, в основном, концентрируются вокруг проблем распределения, перераспределения и исполнения функций владения собственностью и власти; минимальных «защитных» гарантий со стороны государства по отношению, прежде всего, к самым незащищенным слоям населения.

На этом фоне крайне неконкретны и малочисленны обсуждения проблем *управляемости социального механизма*, то есть процедур и порядка приведения в действие тех решений, которые принимаются на разных уровнях власти, и более того, при этом практически полностью *отсутствуют оценки вероятных последствий принимаемых решений.*

Все это происходит при дальнейшей мифологизации (см. Осипов Г.В.) общественного сознания средствами масс-медиа.

С нашей точки зрения, важнейшим психологическим механизмом *оценки и согласования интересов индивидов* становится *цивилизованное общение* людей, понимаемое как специфический вид межсубъектного взаимодействия, которое существенным образом отличается от субъект — объектных взаимодействий, и образует новый, особый класс взаимодействий *культурно-информационного обмена между однопорядковыми субъектами*.

С психологической точки зрения *общение* в человеческом сообществе выступает в форме *движения сообщения* от одного субъекта к другому и имеет целью *управление поведением* другого субъекта путем изменения целой системы индивидуальных психических образов:

- *образа реальной (в том числе, социальной) ситуации*, который формируется в результате психического *отражения и оценки* реальных событий самим человеком, может изменяться в процессе социального взаимодействия, и который становится — в соответствии с психологическими законами — одним из фундаментальных регуляторов поведения человека;

- *вектора текущего состояния* индивида, в котором скалярной частью являются параметры способностей, отражающее *наличные возможности человека* в данных условиях его взаимодействия с окружающим Миром, а ортом — становится *направление интереса, намерение* индивида (его мотивационно-смысловые интенции), которые в целом определяют его *готовность* к действию в данной жизненной ситуации;

- *образа цели*, выступающего как более или менее конкретизированный образ желаемой для данного индивида ситуации в будущем, который может быть изменен под влиянием *внушающих, оценочных или стимулирующих сообщений*;

- *образа действия*, который формирует план и/или алгоритм совершения исполнительных действий и сам становится *результатом действия механизма принятия решения на заданном поле оценочных критериев* оптимального поведения.

В таком случае возникает возможность «дуального управления» — *по целям и по ценностям*:

√ **«стратегическое»** управление целями и ценностями путем создания «нужных» образов текущей ситуации и образов целей, при котором изменяется сама основа решения задачи, стоящей непосредственно перед человеком, что изменяет *предметную сторону* процессов принятия решения и организации поведения;

√ **«аксиологическое»** локальное управление ценностями и интересами, осуществляемое отдельно и «вне» упомянутых выше образов жизненных ситуаций, поскольку эти образы уже не нужны: *образ действий задается извне*, он не входит и не включает собственные цели

индивида непосредственно, и вырабатываясь извне, заменяет процесс решения путем стимуляции (в том числе, принуждения субъекта) за счет (вероятного или ожидаемого) расширения или сужения его возможностей по достижению *своих целей*, а не внешне заданных *целей другого субъекта*.

В последнем случае в обязательном порядке требуется *внешний стимул*, который формирует необходимый *образ действия — делай, как предписано*, — что в высшей степени характерно для ситуаций *наемного труда*, когда способности и возможности субъекта применяются для реализации внешних по отношению к нему целей, чужих намерений, — *заданий*. Отсюда становится понятным, что хорошо известный нам простейший *наемный труд*, в отличие от *работы в команде*, психологически противоречив и даже — ущербен, поскольку создаваемая здесь ситуация *разделяет и противопоставляет*, по меньшей мере потенциально, *цели внешнего управления (от другого субъекта) и собственные цели субъекта*.

Такое несовпадение исходных целей может порождать и порождает в действительности *противоречие субъектов действия*, — сначала через рассогласование *задач действия*, а затем и через *осознание различия целей у разных субъектов*, завершаясь вначале их противопоставлением, а затем — и *противостоянием* как основой конфронтации и конфликта. Таким образом, изначально естественное в *незнакомой* ситуации *осторожное* поведение может усиливаться, проявляясь в чувстве *настороженности* вообще, *развитии недоверия*, возникновении и укреплении *представлений об агрессивности* внешней социальной среды²⁷. При этом может возникать и общий *интерес разобщения*, активизируются упоминавшиеся ранее представления и отношения «они» — «мы», служащие психологическим фактором новых интеграций и организаций.

На базе описанной выше системы индивидуальных образов в процессе развития межличностных отношений индивидуальное сознание выстраивает определенный образ, сложное *социальное представление о функциях государства и власти*:

- выявление, представление и согласование интересов различных слоев населения: «верхний» класс, элита, средний класс, нижние слои, кризисные группы населения.
- защита граждан,
- защита границ и целостности страны, оборона страны,
- управление хозяйством, создание нормативно-комфортной ситуации в обществе,
- предоставление персональных свобод, гарантии личных прав (безопасность, право на труд, на высокий уровень жизни и т.д.),

²⁷ См. Ю.М. Забродин, Г.Б. Морозова. Психосемантический подход к исследованию мировосприятия. В кн.: Управление человеческими ресурсами. М., 1997.

Перечисленные выше параметры *сложных образов — социальных представлений* в структуре индивидуального сознания и межличностных отношений реально становятся предметом специального социологического и социально-психологического анализа. Понятно, что эти образы, будучи более или менее адекватным отражением реальных социальных объектов, обладают всеми свойствами образов — представлений (субъективностью, фрагментарностью, неустойчивостью и т.д.). В то же время, возможность изменять их содержание без изменения свойств отражаемого объекта (обобщенность, направленность в будущее, пластичность и др.) позволяет обнаружить важные особенности и законы образной регуляции социального поведения человека. Полученные в этом направлении результаты могут не только сделать более понятными психологические «факторы действия», раскрыть механизмы управления социальным поведением человека, но и создать научные основы активной социальной политики.

3.2. Психология акмеогенеза — психологический анализ движения личности в социальном пространстве

Концепция социального пространства в психологии. Концепция *социального пространства* может быть представлена как развитие и обобщение некоторых идей отечественных психологов об особенностях межличностных взаимодействий и отношений (Б.Г. Ананьев, В.М. Бехтерев, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев и др.)²⁸ и ряда психологических концепций о строении и напряженности персональных пространств (А. Адлер, К.Г. Юнг, Т. Шибутани, Ф. Лютенс и др.), «личностного поля» К. Левина и других²⁹. Эта концепция, по моему мнению, открывает принципиально новые возможности психо-

²⁸ А.Н. Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М., Политиздат, 1975. Артемьева О.А., Синёва О.В. Теоретические основы изучения проблемы соотношения прикладной и практической психологии // NB: Психология и психотехника. — 2013. — № 3; Б.Г. Ананьев. О проблемах современного человекознания. Изд. 2-е. СПб, 2000; Б.Г. Ананьев. Человек как предмет познания. Л., Изд. ЛГУ, 1969; Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: В 2-х т., Т. 1. — М., 1980; Б.Д. Парыгин. Социальная психология. СПб., 1999; Б.Ф. Ломов. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., Наука, 1984; В.Е. Семенов. Искусство как межличностная коммуникация. СПб, Изд. СПбГУ, 1995; В.М. Аллахвердов. Сознание как парадокс. СПб, Издательство ДНК, 2000; В.М. Бехтерев. Общественная психология. М., Наука, 1991; В.Н. Мясищев. Психология отношений: Избранные психологические труды. — Москва-Воронеж, 1995; Дубровина И.В. Практическая психология в лабиринтах современного образования. М.: МПСУ, 2014; О.С. Дейнека. Экономическая психология. СПб, Изд. СПбГУ, 2000.

²⁹ И. Кант. Критика чистого разума. М., Реноме, 2003; К. Левин. Теория поля в социальных науках. СПб, Речь, 2000; К.Г. Юнг. Архетип и символ. М., RENAISSANCE, 1991; См. также: Т. Шибутани. Социальная психология. М., Прогресс, 1969; Ф. Лютенс. Организационное поведение. М., Инфра — М, 1999; Ч. Осгуд. // Ch. Osgood. Measurement of meaning. 1984.

логического анализа всей системы межсубъектных взаимодействий и отношений, в том числе, путем:

- признания особого *социального* качества этих взаимодействий³⁰, прежде всего, человеческих межличностных отношений,
- введения меры на множестве этих взаимодействий, то есть *дефиниции социального пространства*,
- определения *движения субъекта в системе межсубъектных взаимодействий* как *траектории его жизненного пути* в указанном множестве.

С помощью концепции социального пространства в область психологического анализа общественных явлений существенно легче и вполне корректно вводятся следующие важнейшие теоретические конструкции, значимые для понимания межсубъектных (в первую очередь — социальных) взаимодействий:

- понятие *социальной общности, социального института, группы и организации*, их существенное различие;
- концепция и мера *социального положения (позиции, статуса)*;
- понятие *социальной (личностной) дистанции, социального влияния и роли*;
- определение ряда слабо изученных *социальных процессов* как особых реалий в жизни субъекта, например таких, как процессы *формирования и движения собственности*, отчуждения продуктов деятельности и труда, *развития обменных отношений и действий* в социальном пространстве,
- определение многообразия форм и видов *социального поведения*, отмеченного особой *модальностью* появления таких форм социального поведения, как обман, дезинформация, «подмена» и т.д.

Особенность социального пространства состоит в его *относительной независимости* от физического пространства бытия и движения субъекта — как результат особого свойства межсубъектных взаимодействий: даже «покоясь», будучи неподвижными в физическом пространстве, и субъекты, и объекты *могут иметь потенциал движения и/или реально перемещаться в пространстве социальном* (например, в процессе движения собственности — отчуждения, изъятия, дарения, обмена «ценностями», стоимостями; в процессах социальных движений — присоединения, идентификации, изоляции и разрыва, распределения влияний, полномочий и ответственности и т.д.). *В социальном пространстве действуют свои законы влияния* (взаимодействия), исследование которых открывает собственно психологические механиз-

³⁰ Особое качество межсубъектных взаимодействий, в принципе, вполне очевидно. Однако в системе психологического знания понятие «субъект — субъектных взаимодействий», которое фиксирует принципиальную непохожесть межсубъектного взаимодействия на субъект — объектное, по-видимому, явным образом впервые было введено Б.Ф. Ломовым (1984). При этом, тем не менее, отсутствует указание на то, что оба эти взаимодействия (субъект-объектное и субъект-субъектное) являются полной и исчерпывающей характеристикой реального бытия субъекта, выступая как *действительные стороны жизни одного и того же реального субъекта*.

мы социального движения — усиление или ослабление влияния (референтность), заражение, подражание, внушение, вовлечение, убеждение, принуждение и т.д.

В *социальном пространстве* принципиально допустимо независимое от физического «движение» субъектов (как следствие изменения спектра межсубъектных взаимодействий и отношений), что достаточно очевидно в контексте современного социально-психологического и организационного анализа (создание и замещение роли, создание и организация, управление «социальным местом», карьерное движение и др.). Однако, и это не менее важно, — в *социальном пространстве* осуществляется *движение объектов* (как опредмеченных результатов поведения и деятельности субъекта в мире, например, результатов поиска, преобразования и транспорта³¹, предметов культуры, искусства, элементов знания и веры, норм права, морали и др.).

Социальное пространство образуется как (реальное и виртуальное) множество своих элементов: субъектов, их объединений (разного рода и уровня общностей — сообществ и групп, социальных институтов и организаций) и движений, которые существуют как допустимые (разрешенные) в данное социальное время (эпоху, период). Вместе с системой мер на этих элементах (определяющих области их существования, движения, развития, их структуру и состав) возникает та или иная *метрика данного социального пространства*. В таком случае могут быть определены *возможные и разрешенные (одобряемые или наказуемые) траектории движения субъекта* во множестве межсубъектных отношений, которые характеризуют индивидуальные особенности жизненного пути, *гражданскую и профессиональную карьеру субъекта*, проходящего через множество реально или виртуально существующих социальных систем. Это означает, в частности, что субъект в течение своей жизни проходит через *множество различных социальных систем* со своей структурой, узлами, элементами и нормами отношений.

Полезность предлагаемой концепции социального пространства (далее — СП) можно увидеть на рис. 1, где представлена такая область СП, как образовательное пространство с ближайшими областями начала *акмеогенеза* — движения субъекта по его *жизненному пути*.

Здесь можно увидеть важнейшие элементы и виды *типичных траекторий движения* развивающегося субъекта в социальном пространстве — *гражданских и профессиональных карьер*, образующие *потoki движения* множества субъектов похожей судьбы — *движения человеческих ресурсов* общества.

Иллюстративное изображение областей социального пространства, представленных на рисунке, позволяет определить *критические интервалы жизненного пути* S_b и *кризисные* (для S_b) *точки выбора* даль-

³¹ В том числе, *транспорта в пространстве субъектов* — распределения и обмена.

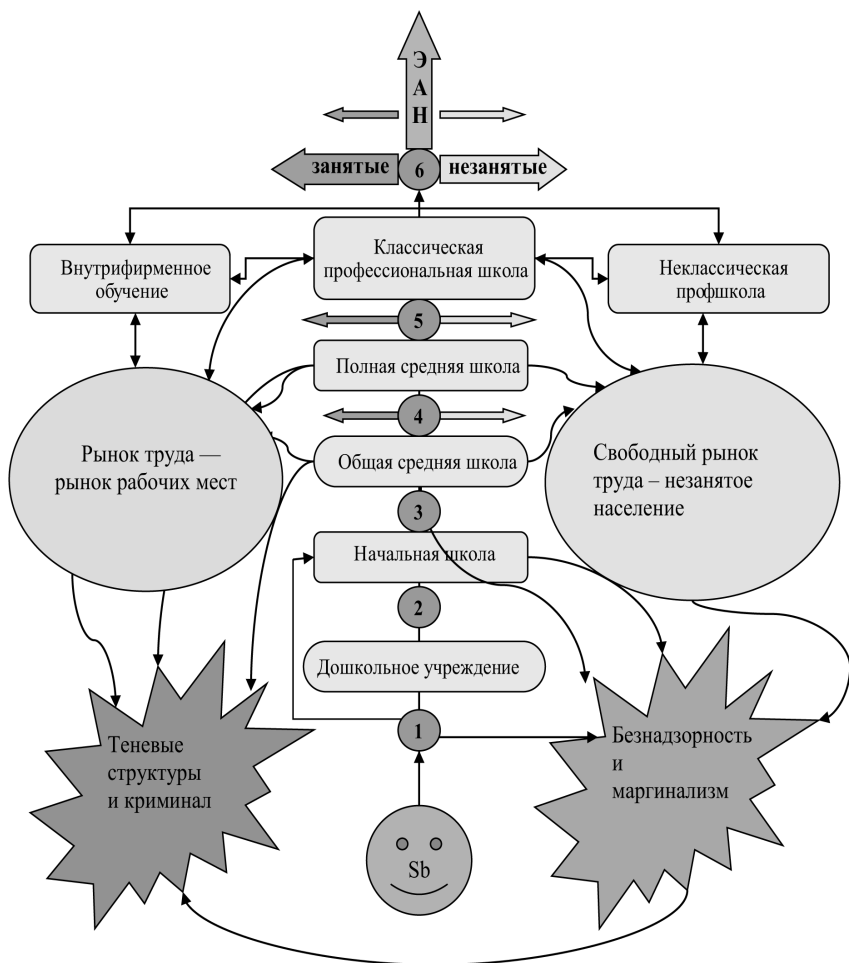

Рис. 1. Становление взрослого населения – ЭАН – формирование экономически активного человеческого ресурса общества

нейшего движения. Видно, что в каждой *точке выбора* (отмеченной на рис. 1 кружками с цифрами от 1 до 6) существует возможность различного продолжения *карьеры*, реализуемая разной долей из множества – общего потока – реальных субъектов:

- по дальнейшим ступеням образования – вплоть до индивидуального образовательного пути в системе непрерывного «пожизненного» образования (long life learning);
- в область социально – трудовых отношений, на свободный и связанный рынок труда, обновляя и пополняя контингент экономически активного населения (далее – ЭАН);

- в область маргинального поведения и безнадзорности, постоянно пополняя кризисный контингент так называемых беспризорных и бомжей;

- в сферу криминального пространства, образуя кризисные группы *делинквентного* поведения.

Психологическое исследование *реальных потоков и анализ психологических механизмов выбора вариантов развития жизненного пути* (жизненных планов) — как вариантов карьерного движения субъектов не только нормализует наличное психологическое знание, эффективно и понятно вводит ряд привычных и новых психологических категорий, но и открывает новые области и объекты психологических исследований, в частности:

- характеристики *типичных карьер*, их *ролевые, функциональные и пространственные* (например, позиционные) особенности, а также психологические особенности субъектов, их выбирающих;

- характеристики *потенциала и интенций субъекта* (Ю. Забродин, 1997, 2002) и его выбора: осознанность, социальные влияния, планирование и готовность к реализации выбранного пути и др.;

- *стрессы, защиты и адаптации* «на изломах» карьеры как следствии «разрыва непрерывности» социального пространства — в *точках выбора* (множественность альтернатив продолжения траектории жизни) и в *точках «перемены роли»* на границах структурно организованных подмножеств СП — в организациях, группах, социальных институтах и т.п.

Социально — экономическое пространство: структура и возможности психологического анализа. Иллюстрация на рис. 2 показывает распределение *типичных социальных мест и ролей*, потенциально «замечаемых» субъектом в процессе его движения в социально-экономическом пространстве. Схема (а) на рис. 2 раскрывает принципиальную *структуру социальных мест*, по которым происходит *распределение человеческого ресурса* общества в социально ориентированном контексте.

Схема (б) на рис. 2 раскрывает *узловую структуру видов занятий* в СП с указанием *типичных ролей* в экономически активной области, что позволяет вести психологический анализ распределения ЭАН по этим *социальным местам* и исследовать *механизмы и факторы эффективного или неэффективного исполнения соответствующих социальных ролей*.

Рисунок позволяет увидеть важнейшие элементы и виды *типичных траекторий движения* развивающегося субъекта в социальном пространстве — *гражданских и профессиональных карьер*, образующие *потоки движения* множества субъектов похожей судьбы — *движения человеческих ресурсов* общества.

На схеме объемными элементами показаны категории населения, потенциально важные для перехода их в *экономически активное состо-*

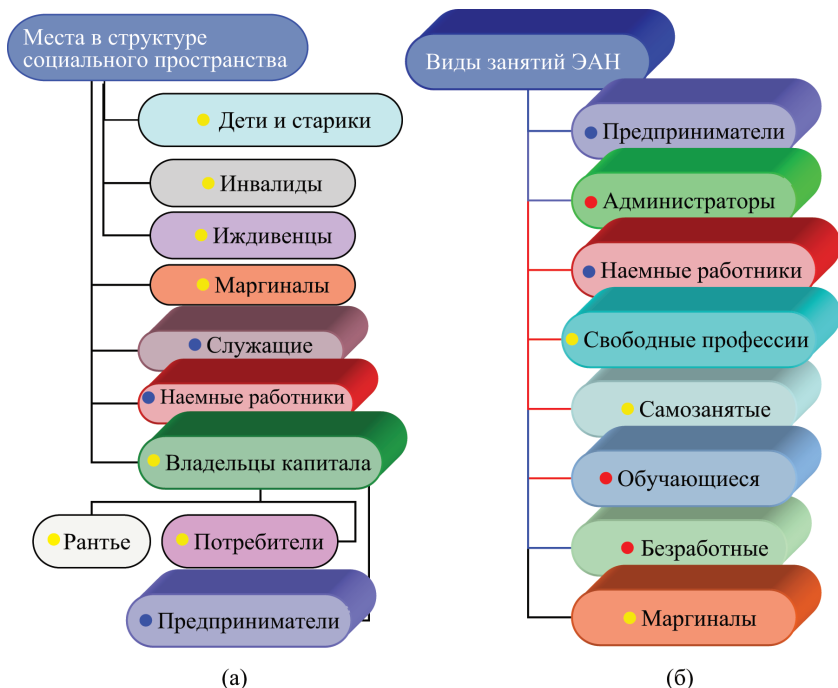

Рис. 2. Распределение видов занятий ЭАН и ролевая структура социально-экономического пространства

ание (реализацию в категории ЭАН), отдельно показаны и окрашены потенциально *кризисные социальные места* и контингенты.

Цвета маркеров обозначают уровень изученности психологических особенностей соответствующих контингентов, социальных мест и социальных ролей:

- Более или менее изученные.
- Слабо исследованные.
- Практически не исследованные

Таким образом, цветовые маркеры на элементах схем на рис. 2 задают некоторые перспективные направления актуальных исследований и разработок.

Психологическое исследование процессов и областей движения *человеческого субъекта в человеческом обществе* дает возможность выявлять *критические интервалы жизненного пути*, — и каждый такой интервал по-своему критичен в контексте *перемены социальной роли и социальной функции субъекта*. Такой анализ позволяет обнаружить типичные потоки и траектории движения в социальном пространстве, исследовать эффективность выбора и замещения «социальных мест», исполнения различных ролей и оценить

значение различных социальных институтов в жизни развивающегося субъекта.

Приведенные выше иллюстрации показывают, что профессиональная принадлежность является лишь частным и весьма специфическим (скорее — функционально-технологическим) проявлением экономической активности человека на конкретном «рабочем месте». Сами *социальные системы* (общности, институты³², движения, объединения и т.п.) могут быть наделены в таком случае рядом параметров и свойств, характеризующих указанные *общности* через их отличительные особенности:

- *социальное качество* или *общий признак* (территориальные, этнические, культурные, исторические, позиционные и иные общности),
- *социальную функцию в обществе* (политические, демографические, экономические и др.), — и т.д.
- *объем* (сверхбольшие, большие, средние, малые, мелкие объединения),
- *структуру* (вертикальные, древовидные, матричные и др.),
- *состав* (узлы структуры, социальные места и внутренние нормы отношений).

При этом особое значение для психологического анализа приобретает понятие «*социального места*» как обобщающее идею *движения субъекта через различные социальные образования* (в том числе — различные организации), конкретную *реализацию* из множества возможных *альтернатив* социального поведения (допустимых изменений спектра межличностных взаимодействий) в реальных или виртуальных «*узлах социальной структуры*». Такое движение может рассматриваться как *кризисная ситуация* на определенном *интервале жизненного пути* (жизненной ситуации), как *кризис перемены роли*.

В этом случае *движение субъекта и его траектория в социальном пространстве* могут рассматриваться как *последовательное замещение одного из множества социальных мест*. В этом контексте кризис представляет собой сам процесс *занятия* субъектом³³ одной из множества возможных (в данный момент свободных или уже замещенных) позиций в той или иной социальной системе, например, учебного места — в образовательном учреждении, рабочего места — в производственной организации, социальной позиции — в группе и т.д.

В русле концепции социального пространства становится возможным аккуратный анализ разного рода социальных общностей как подмножеств и подсистем единого социального пространства акмеогенеза — на данном *интервале жизни человека* и в *данную эпоху развития общ-*

³² Так, например, государство становится одним из социальных институтов управления общественными процессами (то есть — процессами реального взаимодействия людей), и другим таким институтом становится институт (местного) самоуправления.

³³ А не только — адаптации и эффективного исполнения той или иной роли на данном социальном месте.

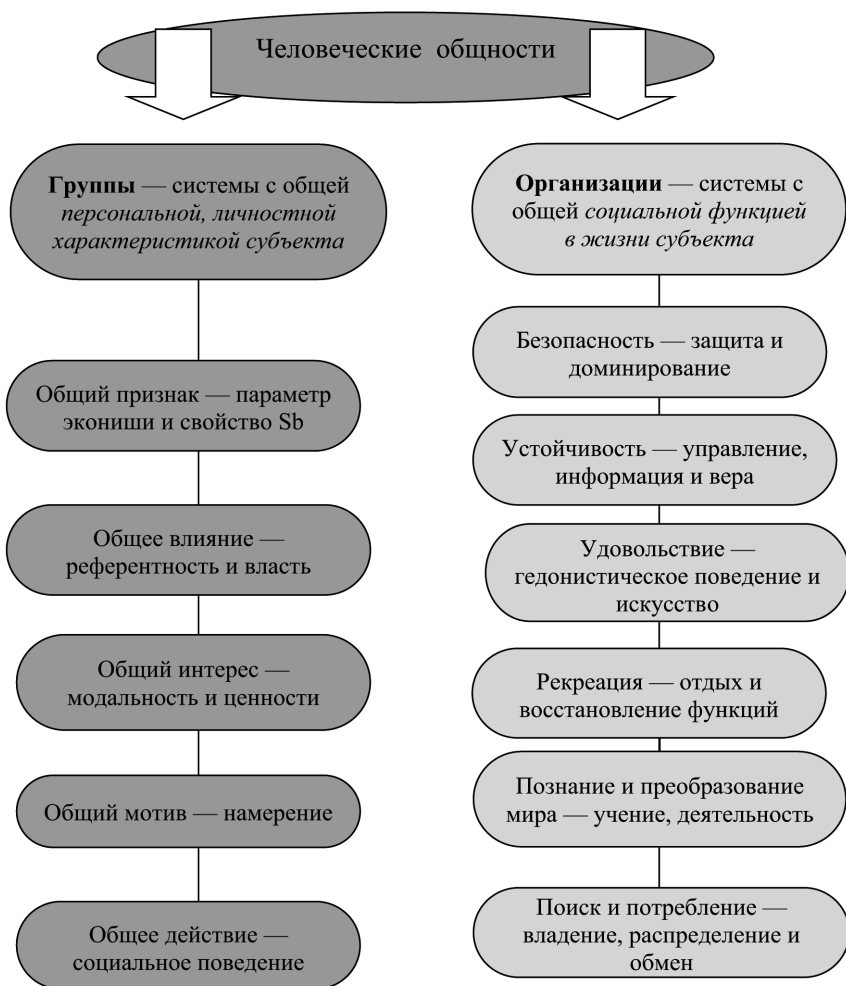

Рис. 3. Примерная классификация различных общностей по признаку направленности и миссии в социальном пространстве

ности. Так, например, обнаруживается существенное различие между такими общностями, как группы и организации. Если первые, — группы — в основном, дефинируются как *социальные системы с общим признаком входящих в них субъектов*, то вторые — организации — выступают как *социальные системы с общей социальной функцией*, выраженной в виде специфической *социальной миссии* организации (см. рис. 3).

В таком случае можно сказать, что *группы преимущественно отражают потребности и интересы собственных членов*, тогда как *органи-*

защиты в своих функциях и миссии отражают потребности и интересы тех, кто находится за пределами организации.

Социальное пространство в исследованиях личности. В контексте предлагаемого анализа социального пространства становятся более понятными такие феномены как *психологическое расстояние* (персональная дистанция) и *психологический барьер*, который приходится создавать (защита) или необходимо преодолевать (установление контакта). Эти понятия характеризуют особенности межсубъектного взаимодействия, которое само по себе обладает свойствами *модальности* (селекции и выбора партнера), *дальности* (силы взаимодействия) и *валентности* (знака). С этой точки зрения в социальном пространстве можно обнаружить персональные особенности дистанции, отношений и поведения:

- *дистанция* характеризует баланс межсубъектного взаимодействия — она может сохраняться (поддерживаться), сокращаться (сближение) и увеличиваться (удаление),

- *отношения* детерминируются особенностями спектра взаимодействий со стороны субъекта — они могут быть открытыми (симпатии — антипатии), закрытыми (маскировка и дезинформация), вертикальными (доминирование — подчинение) и горизонтальными (согласие и терпимость),

- *барьеры* могут быть *поведенческими и личностными*. Первые, *поведенческие защиты*, характеризуют индивидуальные формы и особенности социального поведения: реальные (ступор, контакт, избегание; содействие и противодействие, агрессия и жертвенность) и виртуальные, информационные (мимикрия и изоляция, обман и дезинформация, угроза и покорность). Личностные — это преимущественно *интрапсихические защиты* отражения (фиксации, оценки и интерпретации социальных ситуаций и социальных партнеров) и переживания (тревога и стресс, страх и бравада, эйфория и фрустрация).

При этом появляется возможность дать более точное определение некоторых, слабо изученных в рамках прежней психологии, *социальных процессов*, которые следует рассматривать в качестве *особых реалий в жизни* субъекта. К их числу относятся, например, процессы *формирования картины мира и общества, отношения влияния и собственности, отчуждения продуктов деятельности и труда, развития обменных отношений и действий* и т.д. Эти процессы задают реальное многообразие форм и видов *группового знания и социального поведения человека*.

Сами *социальные системы* (общности, институты³⁴, движения, объединения и т.п.) могут быть наделены в таком случае рядом параметров и свойств, характеризующих их отличительные особенности:

- *социальное качество* (территориальные, этнические, культурные, исторические, позиционные и иные общности),

³⁴ Так, например, государство в России становится одним из социальных институтов управления общественными процессами (то есть — процессами реального взаимодействия людей); другим таким институтом становится институт (местного) самоуправления.

- *объем* (сверхбольшие, большие, средние, малые, мелкие объединения),
- *структуру* (вертикальные, древовидные, матричные и др.),
- *состав* (узлы структуры, социальные места и внутренние нормы отношений),
- *функции в обществе* (политические, демографические, экономические и др.), — и т.д.

Как было показано выше, особое значение для психологического анализа приобретает понятие «*социального места*» как обобщающее идею *движения субъекта через различные социальные образования* (в том числе — различные организации).

Движение, замещающее определенные социальные места, можно рассматривать как конкретную *индивидуальную реализацию траектории жизненного пути*, как одну из множества возможных *альтернатив социального поведения* (допустимых изменений спектра межличностных взаимодействий) в реальных или виртуальных «*узлах социальной структуры*». Движение от узла к узлу социального пространства, скачкообразное по своей природе, может рассматриваться в формальном смысле как *катастрофа*, как *кризисная ситуация* на определенном этапе акмеогенеза — на *интервале жизненного пути субъекта* (в его жизненной ситуации). Такой «скачок» неоднократно наблюдается в социальном пространстве в ходе акмеогенеза, в частности, как очевидный факт *перемены роли*, как *перерыв постепенности в последовательном замещении позиции субъекта* (одной из множества возможных в данный момент свободных) в той или иной социальной системе. Примером таких позиций могут служить, например, *учебные места* — в образовательном учреждении, *рабочие места* — в производственной организации, *статусные социальные позиции* — в группе и т.д.

Ментальность или менталитет³⁵ как феномен так называемого *группового сознания*, по нашему мнению, также можно вполне корректно рассматривать в русле предложенного выше более общего понятия *социального пространства*. В указанном контексте ментальность (менталитет) следует интерпретировать, скорее, как более высокий уровень социальной идентичности субъекта, связанный не столько с *идентификацией* его с той или иной общностью, сколько с *дифференциацией* им различных общностей в социальном пространстве. Тогда менталитет выступает (вслед за В.М. Бехтеревым, В.Н. Мясищевым, К.Г. Юнгом и К. Левиным) как *характеристика системы отношений* данного субъекта Sb_1 в его общности — в социальном пространстве данной общности $\{Sb\}_1$, — в сравнении с возможными другими общностями $\{Sb\}_k$ человеческого общества $\{Sb_{чел}\}$.

³⁵ В действующих словарях нет определения ментальности (менталитета), и поэтому мы постараемся придерживаться смысла, принятого в современных дискуссиях по данной проблеме.

Здесь важно подчеркнуть, что мы имеем дело с системой *отношений* субъекта, а не только его действий или «социальных представлений», то есть объектом психологического анализа становятся также ценностные (а не только нормативные или рефлексивные) компоненты взаимодействия субъекта в $\{Sb\}_i$ и в $\{Sb_{\text{чел}}\}$. Эти характеристики приобретают смысл *личностных интенций* в сравнительном анализе специфических систем *персональных оценочных функций* (Ю. Забродин, 1980, 1997, 2002) и становятся *типичными* в рамках той или иной общности (в смысле А. Адлера и К. Юнга), выражая отношения принадлежности, причастности, идентичности, влияния, власти, совести (религии), аффилиации и др.

В таком случае имеет смысл, — в дополнение к важным характеристикам социальных систем и социальных институтов (объектов *менталитета* и источников *социальных представлений*), — рассматривать менталитет как часть *организационной культуры общности*, как особое свойство социального пространства индивида, принадлежащего данной общности, в системе его взаимодействий W_{sb} . Эта система взаимодействий по существу является базой, платформой для строительства отношений данного субъекта Sb_i и, в свою очередь, — основанием его поведения $(\Delta W_{sb})^{36}$.

Тогда в число параметров менталитета логично включать (по аналогии с идеей Ч. Осгуда):

- *силу* (дальность) отношения;
- *модальность* (селективность) отношения;
- *валентность* (знак) отношения.

С точки зрения *валентности* в анализе менталитета важны как *принимаемые*, так и *отвергаемые* элементы (например, ценности, нормы, обычаи и т.п.), как позитивные интенции (цели, образцы, идеалы) — к чему «мы стремимся и кем бы мы хотели быть», так и негативные — «кем бы мы не хотели быть и к чему бы не стремились».

Именно с этой точки зрения менталитет относится как к структурам *восприятия* мира (мировоззрения, образа мира, образа культуры), так и к структурам *регуляции действия* в контексте интенций субъекта Sb_i . В таком случае разработанные нашими учениками Г.З. Сураевой (2002) и М.С. Мышкиной (2004)³⁷ классификаторы позитивных мотивационно-смысловых интенций личности МСИ в исследованиях ментальности должны быть дополнены своим *антиподом* — от чего субъект отказывается, что он не принимает. Такое дополнение выступает

³⁶ Поведение рассматривается и определяется нами как фактическое (наблюдаемое) изменение системы взаимодействий субъекта с миром (Ю. Забродин, 1984, 1997).

³⁷ Г.З. Сураева (2002). Психологические особенности мотивационно-смысловой интенции личности (социокультурный аспект). Автореф. дисс. ...канд. психол. наук. М., 2002; М.С. Мышкина (2004) Психологические особенности мотивационно-смысловой интенции детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста (сравнительный анализ). Автореф. дисс. ...канд. психол. наук. М., 2004.

необходимым отрицательным полюсом аксиологической оси мировосприятия и ценностного отношения к миру как «нравственного закона внутри нас» (И. Кант). Вспомните для примера христианские заповеди: установки «не делай..., не желай ...» в этих правилах не менее важны, чем позитивные поведенческие установки.

Этот отчетливо аксиологический смысл менталитета задает систему поведенческих ориентиров личности, определяет особенности его социального поведения и его социальную позицию в данной общности (к которой он принадлежит) в сравнении с иной общностью (к которой он не принадлежит, но, тем не менее, также себя идентифицирует). С указанной точки зрения ментальность — это не только феномен группового сознания (Г.В. Акопов, В.М. Аллахвердов, О.С. Дейнека, В.Е. Семенов)³⁸, но и следствие социализации субъекта в данной общности. В этом смысле в *субъекте* ментальность выступает как персональный результат социализации и индивидуации, самоидентификации, притязаний на признание и аффилиации, — и таким образом становится, в определенном смысле, парадоксальной основой так называемого «коллективного бессознательного», — которые снова «уходят в основание» психических функций.

В таком случае неосознаваемыми (в ряде случаев вновь) могут становиться те отношения, которые в личностном анализе практически всегда рассматривались как отношения психологически *более высокого уровня* (отношения «субъект — данная общность», общность, к которой он принадлежит). Отметим, однако, что при этом на уровне сознания могут оставаться вполне ясными отношения «другие общности в составе общества».

Такая интерпретация позволяет более строго определить психологическое понимание человеческой *общности* (Б.Г. Ананьев, Б.Д. Парыгин) как особого *множества субъектов*, объединенных (и сходных) вследствие их самоидентификации с данной общностью. Такое определение существенно отличается от чрезвычайно распространенного в социологии и психологии представления об «отдельных общностях» как существующих в форме «коллективного» или тем более «совокупного субъекта» с собственной психикой и сознанием. С нашей точки зрения понятие «совокупного субъекта» следует расценивать не более чем метафору: речь идет о социальных (точнее — общностных, общинных) свойствах психики индивидуального субъекта, возникающих над и вследствие развития процессов идентификации, социализации и социального влияния (социальной позиции) в данной общности. Мы по-

³⁸ Г.В. Акопов. Российское сознание: историко-психологические очерки. Самара, СамГПУ, 2002; В.Е. Семенов. Искусство как межличностная коммуникация. СПб, Изд. СПбГУ, 1995. Ю.М. Забродин. Очерки теории психической регуляции поведения. М., Магистр, 1997. В.М. Аллахвердов. Сознание как парадокс. СПб, Издательство ДНК, 2000; О.С. Дейнека. Экономическая психология. СПб, Изд. СПбГУ, 2000.

лагаем, что именно в этом контексте у маргиналов (например, бомжей и бюрократов) в силу их социальной амбивалентности (космополитичности) отсутствует менталитет как общинное, а не корпоративное, сознание в строгом психологическом смысле слова.

Социально — экономическое пространство и менталитет: структура и возможности психологического анализа. Другую сторону полезности предлагаемой концепции социального пространства (далее — СП) можно увидеть на приведенном ранее рис. 1, где представлена такая область СП, как образовательное пространство с ближайшими областями движения субъекта по его *жизненному пути*. Рисунок позволяет увидеть важнейшие элементы и виды *типичных траекторий движения* развивающегося субъекта в социальном пространстве — *гражданских и профессиональных карьер*, образующие *потoki движения* множества субъектов похожей судьбы — *движения человеческих ресурсов* общества. Можно увидеть, что *социальная и профессиональная принадлежность* субъекта являются лишь частными и весьма специфическими (скорее — функционально — технологическими) проявлениями экономической активности человека на конкретном «рабочем месте».

Иллюстративное изображение областей социального пространства, представленных на том же приведенном выше рис. 1, позволяет также увидеть *критические интервалы жизненного пути* S_b и *кризисные* (для S_b) *точки выбора* дальнейшего движения. Видно, что в каждой *точке выбора* (отмеченной на рис. 1 кружками с цифрами от 1 до 6) существует возможность различного продолжения *карьеры* (реализуемая разной долей из множества — общего потока — реальных субъектов):

- по дальнейшим ступеням образования — вплоть до индивидуального образовательного пути в системе *непрерывного «пожизненного» образования* (long life learning);
- в область социально — трудовых отношений, на свободный и связанный рынок труда, обновляя и пополняя контингент *экономически активного населения* (далее — ЭАН);
- в область неустойчивых социальных норм, *маргинального поведения* и безнадзорности, постоянно пополняя кризисный контингент так называемых *беспорядочных и бомжей*;
- в сферу *криминального пространства*, образуя кризисные группы *делинквентного поведения*.

Психологическое исследование этих реальных потоков и анализ психологических механизмов выбора вариантов развития жизненного пути (жизненных планов) — вариантов карьерного движения субъектов не только нормализует наличное психологическое знание, эффективно и понятно вводит ряд привычных и новых психологических категорий, но и открывает новые области и объекты психологических исследований, в частности:

- характеристики *типичных карьер*, их *ролевые, функциональные и пространственные* (например, позиционные) особенности, а также психологические особенности субъектов, их выбирающих;

- характеристики *потенциала и интенций субъекта* (Ю. Забродин, 1997, 2002) и его выбора: осознанность, социальные влияния, планирование и готовность к реализации выбранного пути и др.;

- *стрессы, защиты и адаптации* «на изломах» карьеры как следствии «разрыва непрерывности» социального пространства — в *точках выбора* (множественность альтернатив продолжения траектории жизни) и в *точках «перемены роли»* на границах структурно организованных подмножеств СП — в организациях, группах, социальных институтах и т.п.

Таким образом, движения человеческого субъекта в человеческом обществе, рассматриваемые как *движения личности в социальном пространстве*, позволяют выявить *специфические траектории этого движения*, а также — обнаружить *критические интервалы жизненного пути* в акмеогенезе (при этом каждый интервал по-своему критичен в контексте перемены социальной роли и социальной функции). Это дает возможность рассматривать в единой картине *типичные потоки и индивидуальные траектории движения человека*, исследовать *процессы акмеогенеза (становления гражданина и профессионала)*, оценивать *эффективность социального поведения*, качество выбора и замещения «социальных мест», исполнения различных ролей, оценить значение различных социальных институтов в жизни развивающегося субъекта.

3.3. Приоритетные направления психологических исследований социального поведения

С учетом предыдущих соображений и перспектив развития теоретической психологии изучение законов и механизмов управления поведением человека становится психологической базой для анализа *целостного жизненного пути человека*.

При этом *индивидуальные судьбы и траектории жизненного пути* отдельных индивидов пересекаются и соединяются в реальном течении *социальных событий и процессов*. Таким образом, важным становится исследование организации обоих типов взаимодействия субъекта — **социального** (межсубъектного взаимодействия и организационного поведения) и **натурального** (предметной деятельности и экономического поведения).

Известно, что работа практического психолога в сфере **акмеогенеза** — *профессионального становления человека и психологического сопровождения его на жизненном пути* предполагает четкое осознание им (психологом) того факта, что *система развития профессиональной ка-*

рьеры и психологической поддержки профессионала выступает как своего рода «социальная смазка» на стыке систем образования и занятости.

Речь идет, в первую очередь, о системах профессионального образования и о занятости в системе общественного производства. Исследование проблем, возникающих на этом стыке, а также создание научной базы для решения практических задач предполагает проведение комплексных исследований в гуманитарной и социальной отраслях науки, разумное соединение фундаментальных исследований образования и развития человека в системах меняющихся социальных институтов с прикладными исследованиями и практическими разработками методологического и технологического характера. При этом в качестве наиболее значимых направлений психологических исследований можно назвать следующие фундаментальные и поисковые проблемы.

В области исследования межсубъектных взаимодействий и организации людей:

- Исследование *взаимодействия* людей (Wsb) в системах взаимодействующих эконитш ЭН (название типов — условное):

(a) Информационное Wsb, когда

$$Sb_1 \leftrightarrow Sb_2, \text{ЭН}^* = 0;$$

(b) Контактное Wsb, когда

$$Sb_1 \leftrightarrow Sb_2, \text{ЭН}^* \neq 0;$$

(c) Объектное Wsb, когда

$$Sb_1 \leftrightarrow Sb_2 \text{ при } \{Ob_o\} \rightarrow \{Ob_i\};$$

(d) Орудийное Wsb, когда

$$Sb_1 \leftrightarrow Sb_2 \text{ при } \{Ob_o\} \xrightarrow{M} \{Ob_i\};$$

(e) Организационное Wsb, когда

$$Sb_1 \leftrightarrow Sb_2 \\ \{Sb_o\} \xrightarrow{[Org]} \{Sb_i\} \text{ при } \{Ob_o\} \xrightarrow{M} \{Ob_i\};$$

(f) Представительское Wsb, когда

$$[Org_i/\{Sb\}] \rightarrow Sb_1 \leftrightarrow Sb_2 \leftarrow [Org_j/\{Sb\}],$$

то есть Sb1 и Sb2 действуют «от имени» организации.

- Исследование процессов *объединения — разъединения* людей во взаимодействиях:

(a) типологические особенности такого рода взаимодействий по важнейшему «фактору действия»:

- «родовые» (по принадлежности «к системе» и по принципу «мы» — «они»);

- «властные» (по признаку «доминирование — подчинение»);

- «функциональные» (по общей цели действия);

- «конкордатные» (по признаку «содействие» vs «конкуренция»);

(b) изучение наблюдаемой динамики организаций:

- рождение организации;

- функционирование организации;

- распад и гибель организации.

- Исследование *динамики поведения* людей в организациях.
- *Организация и ограничения* на поведение субъекта Sb.
- *Отношения людей* в организациях.
- *Динамика отношений* в организации.
- *Проблемы и динамика субъекта* в организациях.
- *Эффективность организации*.
- *Перемены (инноватика)* в организации.
- Психологические основы *социальных явлений и процессов*.
- *Нормы и нормотворчество*.
- *Коррекция «социального» поведения*.

В области социально-трудовых отношений и экономического поведения. Имеющийся в литературе материал и наш собственный опыт работы в этой области убеждает в том, что «сквозными», ориентированными на прямое практическое приложение, проблемами данной сферы, требующими сочетания различных подходов и разного уровня исследований и разработок, становятся следующие:

- Психологическое и социологическое исследование мотивации и ценности труда, как общественно-полезной деятельности.
- Психологические и социологические исследования человека в условиях развивающихся рыночных отношений.
- Психологический анализ профессиональной деятельности.
- Психологический анализ субъекта деятельности.
- Психолого-экономические проблемы занятости, индивидуальной деятельности, ремесленничества, наемного труда и социальных работ.
- Психология и социология акмеогенеза — профессионального становления и профессионального развития человека:
 - проблемы удовлетворенности трудом;
 - проблемы профессионального мастерства;
 - проблемы профессионального отбора и подбора;
 - проблемы эффективной деятельности в экстремальных: неизученных, опасных и особых условиях труда;
 - проблемы профессиональной адаптации и рекреации;
 - проблемы перемены труда и переобучения.
- Психология предпринимательства.

Особого внимания заслуживают ***теоретические исследования проблем, связанных с повышением эффективности деятельности практического психолога:***

- разработка методологии, методов и техники оценки и измерения психологических характеристик человека;
- психолого-математические проблемы моделирования и интерпретации психических явлений;
- создание специализированных информационных технологий и применение автоматизированных рабочих мест практического психо-

лога, профконсультанта в системах профориентации, занятости и психологической поддержки.

Хотелось бы подчеркнуть одну принципиальную особенность нашей точки зрения на ближайшие задачи психологической науки, если иметь в виду социальную (социально-трудовую) сферу: все отмеченные выше проблемы предполагают, прежде всего, исследование *социальной динамики человека*, — изучение его **акмеогенеза**, то есть становления и развития человека как гражданина и профессионала.

В этом контексте на передний план выдвигаются такие важные для сегодняшней практики научные проблемы как исследование процессов формирования ценностей, в первую очередь, ценности труда как «труда для другого»; вопросы развития новых межсубъектных отношений; развития и творчества в труде; проблемы выбора гражданской позиции, профессиональной судьбы и карьеры, выбора и действий в организации; проблемы определения и осуществления перемен в судьбе — перемена «места» в организации, перемена организации, перемена содержания труда, перемена профессии и т.п.

При этом каждая из перечисленных выше позиций требует специального исследования социальных и психологических механизмов формирования и действия основных детерминант человеческого поведения — потребности, цели, задачи, структуры выбора, организации действия и перемены действия, — а в собственно психологическом контексте — исследование субъективных законов отражения, отношения, намерения, действия, удовлетворенности результатом действия и т.д. Мы полагаем при этом, что главная забота Общества — создать условия нормального развития каждого человека таким образом, чтобы **индивид мог сам решать свои проблемы на каждом новом этапе его судьбы лучше, чем на предыдущем, а каждое новое поколение людей — решать свои проблемы лучше, чем прежде.**

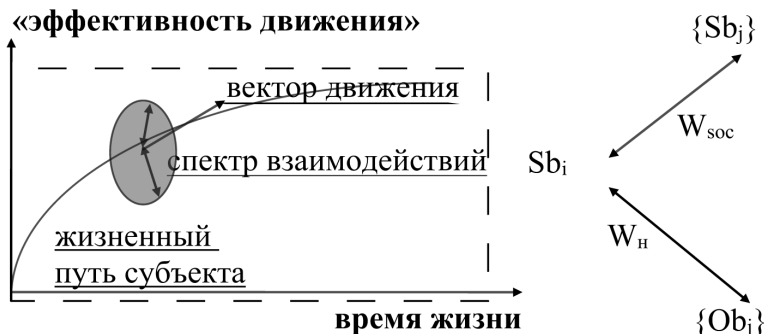
Главное — обеспечить *неубывающий рост интеллектуального ресурса и деятельного потенциала* новых поколений, минимизировать потери на «социальных переходах» между образованием и трудом, то есть обеспечить разумное сочетание непрерывного образования с максимальной занятостью *при осознанном социальном управлении с помощью на всех этапах жизненного пути каждого отдельного человека.* Эти проблемы и так понимаемые задачи мы рассматриваем в качестве главных направлений социального (государственного) **управления человеческими ресурсами, управления программами развития человеческого компонента** социума.

Глава 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

4.1. Общие принципы организации поведения

Выше мы утверждали, что поведение субъекта подчиняется определенным законам, и что эти законы, в принципе, определяют несколько важных обстоятельств жизненного пути человека: на каждом этапе и в каждый момент жизненного пути индивид встречает человеческие организации, сталкивается с человеческими проблемами и вступает в человеческие отношения.

Представим себе снова картину взаимодействия субъекта с окружающим миром:

Ранее мы уже говорили о том, что существует определенная *линия развития субъекта, его траектория в мире*. С этой точки зрения можно рассматривать некоторые отрезки жизненного пути субъекта: *ситуация в настоящее время, оценка перспектив развития ситуации и объемы тех взаимодействий*, в которые в каждый данный момент времени субъект вступает с окружающим миром.

Мы отмечали, что существует определенный *спектр взаимодействий субъекта* в каждый данный момент времени и *вектор вероятного направления развития его траектории* (элемент или интервал жизненного пути).

Мы выделяли также два *принципиально разных типа субъектных взаимодействий*: *взаимодействие с системой объектов и с множеством субъектов как себе подобных*. Эти два типа взаимодействий, по определению, задают *специфику отношений субъекта* с окружающим миром.

Вопрос состоит в том, что в каждый момент мы рассматриваем не только структуру взаимодействия субъекта, не только его динамику и

вероятное направление развития, но и то, как конкретно *регулируется каждый шаг, каждый момент поведения человека.*

Вся сложная структура *текущих взаимодействий*, каждый момент *динамики движения (в том числе, развития) самого субъекта* конечно же, включает в себя текущий момент времени, *наличную ситуацию взаимодействия Sit₀*, поскольку в каждый момент времени есть окружающие человека субъекты (социальная среда) и окружающая его вещественная (объектная) природная среда.

При этом если рассмотреть другой момент движения субъекта по *траектории жизненного пути*, можно увидеть *реальное изменение жизненной ситуации*, которое можно обозначить как *элемент жизненного пути.*

С точки зрения внешнего наблюдателя можно увидеть как *изменение внешнего (по отношению к субъекту) Мира, так и изменение самого субъекта.*

Конечная ситуация, являясь составной частью общего процесса взаимодействия субъекта, в то же время отличается от каждого из предшествующих (и последующих) моментов взаимодействия. Таким образом, существует определенная *начальная ситуация* движения субъекта Sit_0 , в конечном итоге реализуется (и наблюдается) некая *конечная ситуация* Sit_t и есть момент субъектной активности — развития, *преобразования начальной ситуации в конечную ΔSit .*

Нужно отметить, что описанное выше движение из начальной ситуации в конечную рассматривается большинством теоретиков как *преобразование субъектом окружающего мира.*

Как мы видели, можно выделять различные аспекты анализа человеческого поведения в ходе преобразования субъектом его окружения. Один из них, относительно традиционный, связан с исследованием *структуры субъектных взаимодействий*, в которой мы выделяем *два принципиально различных* (и важных для понимания человеческой психологии) вида взаимодействия: взаимодействие субъекта с объектами и взаимодействие с другими субъектами. Первый, *субъект — объектное взаимодействие $W_{об}$* , строится и осуществляется по законам физического мира (по естественнонаучным законам). Второй описывает *взаимодействие субъекта с другими субъектами W_{soc}* и строится по совершенно другим законам, при этом главный механизм взаимодействия данного субъекта с другими субъектами — это *передача сообщений.* В таком случае, естественно, что в организации межсубъектного взаимодействия реализуются другие законы: законы передачи информации, законы движения сообщений, которые не подчиняются известным естественнонаучным законам и не сводятся к ним.

Вместе с тем, важным для психологического анализа становится и другой аспект человеческого поведения: описанная выше *структура движения* взаимодействия субъекта определяет элемент или *интервал*

траектории жизненного пути единичного субъекта, то есть элемент его акмеогенеза; синхронное объединение таких интервалов для множества взаимодействующих субъектов создает элемент социального пространства как пространства человеческих взаимодействий.

В действительности каждый раз, когда мы рассматриваем *жизненный путь и текущий момент движения* единичного конкретного субъекта, важно знать, каковы объемы, каковы реальные возможности и перспективы его взаимодействия с окружающим миром в данный момент. Это важно потому, что в любом практическом контакте с человеком, которому мы хотим помочь (или которого мы хотим проконсультировать), необходимо знать, какова его реальная позиция в настоящий момент и какова вероятная перспектива ее развития.

В принципе, идеи Л.С. Выготского о зонах ближайшего развития³⁹ (имплицитно предполагающие знание направлений ближайшего развития) предусматривают, что при изучении развития человека необходимо проследживать некоторый интервал развития человека в пределах его реальных возможностей. Отметим, что в нашем случае мы рассматриваем все *пространство потенциальных возможностей движения субъекта* в Мире, а не только *функционально заданные или функционально связанные между собой траектории ближайшего развития*. Понятно, что это пространство определяет реальные и реализуемые возможности перспективного развития поведения или будущего движения субъекта в последовательности элементов жизненного пути как элементов индивидуальной человеческой судьбы⁴⁰.

При определении потенциала движения субъекта для нас очень важно оценить *потенциальные возможности субъекта, его интенции и ограничивающие условия среды*. Чем большими возможностями обладает субъект, тем более развернут объем его контактов с окружающим миром; чем хуже и жестче условия среды, тем больше они *сжимают* объем взаимодействий субъекта с окружающим миром.

Подчеркнем, что в данном случае противоречие обнаруживается не между субъектом и окружающей средой, а именно в этом самом объеме его взаимодействий: в структуре и дальности реального взаимодействия реального субъекта. Естественно, что регулирование (коррекция) элементов жизненного пути субъекта как раз предполагает возможность изменений тройкого вида: *изменения среды, изменения возможностей субъекта и изменения интенции субъекта*, которая определяет его ближайшие намерения.

Таким образом, видно, что есть возможность изменения субъектного поведения через три фундаментальных фактора.

³⁹ Л.С. Выготский. Собрание сочинений. М., тт. 1–6, М., 1982–1984.

⁴⁰ Ю.М. Забродин. Очерки теории психической регуляции поведения. М., Магистр, 1997; Ю.М. Забродин. Теория личности и управление человеческими ресурсами. М., Финстатинформ, 2002.

- Можно пытаться управлять *возможностями субъекта*. В своей сути эти возможности предполагают эффективное использование *способностей субъекта и его ресурса*. Заметим, что *развитие способностей* — это классическая задача обучения (правда, в несколько другой формулировке).

Развитие человеческого ресурса — это довольно новая для теоретической психологии проблема. В течение последних лет она активно изучается, в том числе, экспериментально: ведутся обширные исследования скрытых возможностей человека, оценка его резервных возможностей; исследуется процесс высвобождения ресурсов, возможности целенаправленного и произвольного их регулирования. Мы полагаем, что в определенном смысле, речь идет об *объективной оценке и возможностях управления психическими состояниями человека*.

- Другим потенциальным фактором управления становятся *ценности, интересы, предпочтения* субъекта. Потенциально это тоже довольно большой спектр специальных состояний субъекта, которые определяют его *отношение к образам* ситуаций и событий, которые упорядочиваются по степени субъективного предпочтения. Понятно, что в этом случае речь должна идти об *индивидуальных смыслах, о субъективной семантике* Мира. Важно подчеркнуть, что упомянутый спектр предпочтений и отношений субъекта к тому, что происходит во внешнем мире и в нем самом, довольно жестко определяет направление дальнейшего движения субъекта, и поэтому исследование возможностей управления индивидуальными смыслами, структурой индивидуального семантического пространства напрямую связано с возможностью управления поведением человека.

То, что происходит сейчас в индивидуальном сознании жителей России, в основном, касается семантической области: происходит радикальное изменение индивидуальных и общественных ценностей, приоритета интересов, ожиданий, настроений, надежд и т.д.

- Отметим, наконец, *условия среды*, которые также можно использовать для того, чтобы управлять поведением. Здесь можно выделить три различных непересекающихся группы социальных механизмов, так или иначе формирующих среду жизнедеятельности человека. Это, прежде всего, классическая система обучения и воспитания подрастающих поколений, начиная от вопросов образования, экологического воспитания, экономической и социальной политики. Эта система важна потому, что из анализа структуры человеческих отношений вытекает возможность анализировать элементы движения человеческой среды.

О дуальном характере психологической феноменологии. Выше мы установили, что существуют два важных компонента в анализе психологической (в частности, человеческой) феноменологии, которые принципиально различают два разных уровня анализа: изучение *собственно поведения* как наблюдаемой части жизнедеятельности субъек-

та и раскрытие *механизма управления поведением* или психологического механизма регуляции. Эти два компонента становятся действительным объектом психологического анализа.

Оценка концептуальной базы любой теории позволяет понять, как тот или иной исследователь видит эти явления и компоненты, и несмотря на (иногда принципиальные) различия во взглядах, фактически любая психологическая теория имеет дело, с одной стороны, с анализом самого *поведения*, а с другой стороны, — с раскрытием *механизма его регуляции*.

Это, по крайней мере, частично объясняет, почему в истории психологии возникало так много коллизий, методологических трудностей, и почему некоторые школы никак не могут между собой договориться, — дело, как мы полагаем, в том, что отсутствовало четкое различие этих двух планов анализа при понимании их сущностного единства, что породило два принципиально различных подхода к исследованию и объяснению психической жизни субъекта.

Таким образом, принципиально важным является *внутренний дуализм психологического анализа*: в любом случае он предполагает изучение самого *поведения как наблюдаемой (внешним наблюдателем) реальной составляющей жизни субъекта* и — *исследование механизма управления поведением как внутренней, ненаблюдаемой (внешним наблюдателем) функции* самого субъекта. [Как будет показано далее, в принципе такой подход соединяет в себе идеи синтеза субъектного и задачного подходов в изучении индивидуальной психики⁴¹].

План поведенческого анализа можно рассматривать как план классического феноменологического подхода. В этом случае внешний наблюдатель непосредственно наблюдает реальные, объективно регистрируемые явления субъектных взаимодействий. Этот план задает тон так называемого объективного теоретического анализа, в котором основные категории связываются именно с объективно наблюдаемыми событиями и их элементами. Он достаточно разумен, поскольку мы видим и запоминаем другого человека, наблюдая и запоминая его действия, поступки, отношения — то есть именно *объективно наблюдаемые реалии*. В этом контексте любое реальное отношение, действие, поступок, высказывание субъекта, любая его реакция — поведенческая, речевая или мимическая — выступают как объекты психологического изучения, которые можно не только видеть, но и зафиксировать с помощью фотокамеры, магнитофона, средств видеозаписи и т.п. Будучи зафиксированными, эти реалии (точнее — их *следы*) становятся воспроизводимыми.

⁴¹ См. также Ю.М. Забродин. Модели личности в психодиагностике. М., 1994; Ю.М. Забродин. Очерки теории психической регуляции поведения. М., Магистр, 1997; Ю.М. Забродин. Теория личности и управление человеческими ресурсами. М., Финстантформ, 2002.

Все, что касается второго плана — это *субъективные реалии*, которые скрыты от глаз внешнего наблюдателя, и поэтому они не имеют статуса позитивного знания в естественнонаучном контексте. Более того, исследование субъективных феноменов часто оценивается как несерьезный акт, как спекулятивное рассуждение, не имеющее под собой достаточного эмпирического основания. Однако, экспериментальная психология XIX века впервые и достаточно основательно сделала эти ненаблюдаемые извне феномены внутреннего душевного мира субъекта предметом (и объектом) самостоятельного научного исследования. Разработанный в тот период метод интроспективного анализа стал принципиально новым методом научного познания сферы психических явлений.

Не обсуждая деталей и взаимоотношений так называемого *объективного метода* изучения психики и интроспективного, *субъективного метода* наблюдения и анализа психического, отметим только, что это принципиальное различие методов познания породило принципиальное различие двух основных направлений теоретической и экспериментальной психологии — бихевиоризма и интроспекционизма⁴².

Предлагаемый нами подход⁴³ предполагает обязательное соединение феноменологического плана (плана наблюдаемых явлений) с планом самонаблюдения, и при этом основная идея состоит в том, чтобы указанное соединение осуществлялось с помощью теоретических моделей механизмов, объясняющих причинные связи между этими двумя рядами феноменов. В этом мы видим главную роль *каузальной психологии*. Исследование психологических механизмов необходимо как раз для того, чтобы объяснить, почему и как в данных условиях возникают именно эти поступки и действия, множество которых определяет формирование соответствующих типов, классов, типологических характеристик поведения, и как сам субъект представляет себе собственное поведение в окружающем его мире. Упомянутые *психологические механизмы мы и рассматриваем в качестве механизмов организации и управления поведением субъекта*.

4.2. Механизмы психической регуляции: феноменология и функции

Рассмотрим далее, как на микроинтервале жизненного пути организуется само поведение субъекта и какой механизм реализует так назы-

⁴² Подробнее смотри П. Фресс, Ж. Пиаже (ред.). Экспериментальная психология. Т. 1., М., 1966.

⁴³ Ю.М. Забродин. Модель личности в психодиагностике. М., 1994; Ю.М. Забродин. Очерки теории психической регуляции поведения. М., Магистр, 1997; Ю.М. Забродин. Теория личности и управление человеческими ресурсами. М., Финстатинформ, 2002.

ваемую психическую регуляцию поведения. Предположим, что имеется некоторый конкретный субъект, который находится в реальной ситуации взаимодействия с окружающей его средой. Естественно, что в таком случае существует и некоторая текущая ситуация (структура и значение взаимодействий субъекта в данный момент времени). Естественно также, что через некоторый промежуток времени вся ситуация может измениться, и субъект может продвигнуться в любом направлении.

Возникает вопрос: как и почему это происходит в реальности? Существование этого вопроса состоит в том, чтобы понять, как и почему меняется взаимодействие субъекта в данной ситуации, почему у субъекта *появляется желание* изменить саму ситуацию, изменить взаимодействие? Простейший ответ мы находим в опыте наблюдений над животными и в опыте самонаблюдений — если ситуация, в которой субъект находится сейчас, по каким-либо причинам его не устраивает, тогда *возникает идея изменения* ситуации. Другими словами, у субъекта возникает желание данную ситуацию как-то изменить (и это желание задает интенции движения на жизненном пути (см. выше).

Следовательно, проблема регуляции (в частности, изменения) поведения начинается с того, что субъект ощущает в себе или внутри себя потребность в изменении текущей ситуации, то есть *ощущает появление проблемы*.

Понять, *почувствовать, что проблема возникла* — как раз и есть первый шаг к тому, чтобы *захотеть что-то изменить* в ситуации текущего взаимодействия. Активное разрешение этой проблемы состоит в том, чтобы с помощью каких-либо действий изменить либо состояние внешнего мира, либо характер взаимодействия, либо — самого субъекта. Важно подчеркнуть, что прежде, чем что-либо реально меняется в текущей ситуации, возникает идея изменения, и эта идея изменения базируется на фундаментальном предположении о том, что *если в данной ситуации субъекту что-то не нравится, то у него потенциально существует представление о другой ситуации, которая может быть лучше текущей*.

Это означает, что у субъекта существует реальная *возможность отразить* текущую ситуацию, т.е. субъект имеет возможность построить *образ данной ситуации*. Во-вторых, субъект имеет возможность *оценить* (по образу) качество текущей ситуации. Значит, в число базовых психических функций следует внести механизм отражения и механизм оценки.

Логически понятно, что для осуществления оценки образа текущей ситуации его необходимо зафиксировать, а это значит, в свою очередь, что *механизм оценки не может действовать*, если у субъекта *отсутствует* такая психическая функция, как *память*. Этим психика любого субъекта принципиально отличается от простого зеркального отражения. Но это предполагает, что в самой структуре физиологических

процессов появляются и остаются определенные изменения, которые связаны со структурой внешних событий, и благодаря выделению соответствующих инвариантов в физическом (физиологическом) потоке событий, *субъект становится независимым от реальной ситуации, а психический образ становится независимым от того, что он отражает.*

«Отрыв» образа от объекта отражения теоретически или феноменологически проявляется в том, что мы называем памятью субъекта. Основная примечательная черта памяти состоит в том, что субъект может *воспроизвести образ ситуации тогда, когда ситуации уже нет.* Почему это происходит, каков механизм работы памяти — это другой, особый разговор; в данном случае важно отметить, что основная функция памяти очень проста — *сделать образ объекта независимым от самого объекта.*

Однако относительно независимое существование образа ситуации еще недостаточно для того, чтобы каким-то образом начала выстраиваться регуляция поведения. Таким образом, независимость образа ситуации от самой ситуации является условием необходимым, но не достаточным для организации поведения.

Для реализации функции оценки необходимо также, чтобы у субъекта имелся *организованный опыт* прошлых взаимодействий, который содержал бы в себе множество тех образов прошлых ситуаций, которые, оторвавшись от своего объекта, сохранились в его памяти. При этом речь идет не только об образах состояний внешнего мира: ведь сама ситуация, как мы указывали выше, включает в себя и взаимодействие, и объекты взаимодействия и субъекта. Можно показать, что у взрослого человека в нормальном состоянии этот Образ ситуации сразу же *разделяется на три части, формируя отдельно существующий образ самого субъекта, образ его взаимодействия и образ объективной ситуации.*

Нужно сказать, что *опыт субъекта* как бы складывается из всего того, что сохранилось и накопилось в его памяти, что структурируется, классифицируется, организуется тем или иным образом. При этом в индивидуальном опыте сохраняется не только образ прошедшей внешней ситуации, внешнего мира, но и образ того, каким был сам субъект в этой ситуации, каков был характер его взаимодействия и его эффект: полезный или вредный, опасный или неопасный, удовлетворяющий или не удовлетворяющий. В этом случае и возникает самая возможность оценки образа данной текущей ситуации на множестве образов прошедших жизненных событий.

Формирование систем оценок и ценностей *сразу связывает образ с отношением субъекта.* По нашему предположению, все это вместе взятое образует структуру *семантического пространства* данного субъекта, его личный смысл. В результате появляется реальная возможность *оценить данную ситуацию по отношению к другим,* и тогда та ситуация, в которой субъект оказался сейчас, рассматривается им во множестве

образов вероятных или возможных ситуаций. Оценка качества данной ситуации как не самой лучшей возможна тогда и только тогда, когда у субъекта возникает образ другой ситуации, которая, в принципе, лучше, чем та, в которой он находится сейчас.

Принципиально не важно, каким является конкретный *критерий оценки*, он позволяет *упорядочить множество образов, задать на нем направление*, оценить, что может быть лучше, чем положение в текущей (нулевой) ситуации, то есть, определить *разницу между образом желаемой ситуации (Im Sit/t) и образом наличной ситуации (Im Sit/o)*, который реально существует в пространстве психических образов данного субъекта.

Теперь сформулируем важный психологический закон: ***поведение субъектов, точнее — интервал поведения, есть прямая функция от разницы образов.*** Это положение исключительно важно, потому что его подтверждает вся эмпирическая феноменология психологии, которая накоплена в ней, начиная с середины XIX в.

Следовательно, если у субъекта имеется разница между образами наличной и желаемой ситуаций, тогда возможно начало движения субъекта, то есть — организация поведения. Если нет этой разницы, никакого поведения не будет. Приведенные рассуждения как раз и показывают, что проблема возникает внутри субъекта тогда, когда у него появляется образ наличной ситуации, отличный от образа желаемой. Если эта разница образов обнаруживается «внутри» субъекта, в его семантическом пространстве, тогда возникает возможность изменения его поведения. Тогда само появление указанной разности означает наличие ощущения, что ситуация, в которой субъект оказался, сейчас может быть лучше или хуже, чем те ситуации, которые субъект переживал раньше — это ощущение разницы упорядоченных (в том или ином смысле) образов ситуаций и есть само *состояние проблемы*.

Проблема, таким образом, *есть ощущение, отражение* того, что ситуация, в которой мы находимся, может быть изменена: улучшена с точки зрения субъекта, который предполагает, что имеет некие варианты вероятного развития событий.

Напомним, что вся указанная работа происходит во множестве субъективных психических образов. Отсюда так важна роль психического образа — при любом анализе поведения необходимым становится изучение того, что происходит в образной сфере человека: каков его опыт, каковы его оценки и ценности, каковы те критерии, по которым он сравнивает образы различных ситуаций и есть ли у него возможности находить различия между разными образами.

Есть несколько особых случаев организации поведения: один из них связан с тем, что образ ситуации оказывается неполным или нечетким, другой — когда ситуация оценивается как нетерпимая, — это экстре-

мальные случаи организации поведения, и их мы рассмотрим в другом месте.

В связи с предыдущим возникает вопрос, каким образом, начиная с какого момента и с какого различия между образами ситуаций, данный субъект оказывается чувствительным к проблеме, возникает проблема оценки субъективной *чувствительности к проблеме*. Понятно, что по этой характеристике люди могут очень сильно различаться: одни хорошо и адекватно чувствуют проблему, и для них даже небольшая разница в упомянутых образах ситуаций оказывается весьма важной, а для других — весьма заметные различия на множестве образов не выступают как важные.

Итак, предположим, что образное представление ситуаций оформилось в упорядоченном семантическом пространстве. Существует образ наличной ситуации. Предполагается, что у субъекта есть также более или менее точно сформированный образ другой, желаемой ситуации, которая существенно отличается от наличной, и эта разница ощутима для субъекта. В этом случае последний образ можно рассматривать как образ ситуации, в которую субъект хотел бы попасть — то есть как образ — цель.

Для нас очень важно, что цель — это не та ситуация, которая есть в окружающем мире (в отличие от концепции Н.А. Бернштейна), а то *представление* о желаемом будущем, которое пока существует только внутри субъекта, в пространстве его психических образов. Поэтому формирование различий и оценка расстояния между образом наличной ситуации и образом цели обладает рядом обстоятельств и психологических ограничений.

Во-первых, в настоящий момент *желаемая ситуация (оцениваемая как желаемая)* не существует. Напомним, что в результате действия функции памяти субъект оказался способен отделить образ от объекта отображения, при этом он получил реальную возможность создавать образы независимо от того, в какой ситуации он в данный момент оказался. Это означает, что лишь в психике субъекта одновременно существуют два образа — образ текущей ситуации (в которой субъект сейчас находится) и образ другой, желаемой ситуации, которой сейчас нет⁴⁴. Исследованный в данной работе процесс формирования образа цели и образа реальной ситуации показывает, почему и как выбирается образ цели. Отметим, что люди могут строить эти образы достаточно произвольно, и значит — реально ставить себе как достижимые, так и недостижимые, нереальные цели.

Во-вторых, мы отмечали, что обсуждаемые процессы подчиняются действию особых законов, которые действуют в сфере хранения,

⁴⁴ Б.Ф. Ломов, Е.Н. Сурков. Антиципация в структуре деятельности. М., 1984; П.К. Анохин. Очерки теории функциональной системы. М., 1987.

транспорта и преобразования образа; с их помощью выстраивается обработка проблемной ситуации, и результатом ее является формирование образа цели как образа той ситуации, в которой *субъект хотел бы быть, но которой сейчас нет*.

Эти две составляющие, в принципе, определяют цели субъекта, его отношение к реальной текущей ситуации, его желаемое будущее состояние.

Однако чтобы достигнуть этого желаемого состояния, необходимо совершить операцию, в известном смысле обратную по отношению к операции отражения — нужно осуществить «опредмечивание» цели⁴⁵ — это один из главных аспектов человеческого существования. Может быть, впервые настолько очевидной становится проблема соединения двух образов — наличной ситуации и образа цели: это соединение осуществляется с помощью *построения субъективного образа действия*. Понятно, что образ действия может быть так же нереален, как и те образы, которые он связывает между собой. К сожалению, эти вопросы разбираются относительно подробно только в области психологии труда и инженерной психологии.

Образ действия связан со знанием объективных законов преобразования мира. Независимо от субъекта, ситуация, в которой он находится сейчас, может быть преобразована в ситуацию, которую он хочет, только с помощью и в рамках тех законов, по которым живет мир. Вариации исполнения в рамках действующих законов существования мира, в какой-то мере зависят от субъекта, но образ движения мира оказывается от него независим⁴⁶.

В применении к данному случаю речь идет о том, что *ощущаемая* субъектом проблема оформляется в виде *структуры образных компонентов*, которые позволяют найти мысленное разрешение проблемы. Таким образом, исследование того, с чего и откуда начинается движение субъекта во внешне наблюдаемом пространстве его взаимодействий, привело к понятию образного представления проблемы, стоящей перед субъектом. Это представление проблемы, детально проработанное в образах, их оценках, в их предметном наполнении и заключенное в связку: образ наличной ситуации — образ действия — образ цели, оформляется в виде сложной психической структуры, которую я называю *структурированной задачей*. В результате сложной работы психических функций реальная проблема субъекта отражается им и превращается в структурно оформленную задачу со всеми обозначенными выше компонентами.

Таким образом, та часть психической деятельности, которая касается работы над проблемой в образном плане, завершает процесс и завершается структурированием задачи.

⁴⁵ А.Н. Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

⁴⁶ См. также Н.А. Носов. Виртуальный человек. М., 1997.

4.3. Психологические механизмы решения задачи. Структура и критерии регуляции поведения человека

Речь как раз пойдет о *задаче*: мы полагаем, что с помощью анализа процесса решения задачи можно попытаться подойти к механизму *управления поведением*, т.е. к той таинственной психологической реальности, которая скрыта от глаз постороннего наблюдателя и которая часто недоступна самому субъекту поведения.

Здесь мы находим вторую важнейшую функцию психики — *функцию регуляции*. Функция регуляции как раз в том и проявляется, что *психический образ субъекта становится реальным регулятором его поведения*. Представления человека определяют характер и последовательность его действий, а с точки зрения внешнего наблюдателя, — здесь начинается наблюдаемое движение, появляется динамический компонент жизненного пути, на котором происходит наблюдаемый сдвиг текущей ситуации, начинается активное проявление поведения: движения и действия субъекта, организованные совершенно определенным образом в виде прямого действия с объектами (которые подчиняются обычным законам материального мира) или информационные действия, связанные с языком и речью, с передачей сообщений. В этих двух видах взаимодействия посторонний наблюдатель замечает изменения, производимые самим субъектом; эти изменения, по нашему предположению, происходят в логике той задачи, которая принята и структурирована субъектом и в соответствии с тем образом действия, который он для себя выбрал в ходе ее решения.

Естественно, возникает вопрос, как человек выбирает траекторию движения, где и почему он заканчивает выбранную последовательность действий.

Начав реализацию движения, человек должен остановиться. Мы будем рассматривать точку остановки действия как момент разрешения проблемы или достижение цели, поставленной в данной задаче. Здесь очень важно понять, что если и когда задача *решена теоретически (мысленно)*⁴⁷, она должна быть решена и в практическом смысле. Однако в ходе практической реализации выбранного решения сразу же появляются новые динамические образы: как только начинается реальное действие, в результате работы функции отражения немедленно изменяется образ текущей ситуации.

Теперь появляется возможность сравнивать то, что получилось в результате того или иного действия субъекта, как при этом изменилось состояние внешнего мира и самого субъекта. В действительности это очень тонкий момент — как оценить разницу между текущим действием субъекта, которое привело к изменению окружающего мира и тем,

⁴⁷ А.П. Чернов. Мысленный эксперимент. М., 1982.

что он может получить позднее при дальнейшем развитии выбранного варианта решения. Здесь фактически происходит «отслеживание» эффектов нашего движения, и затем — коррекция или продолжение выбранного действия. В действительности всегда, несмотря на более или менее точное теоретическое решение, в ходе его практической реализации будут осуществляться какие-то частные, постепенные шаги, которые субъект все время корректирует. Это — правильный, естественный способ реализации любого действия.

Такая психологическая *феноменология решения задачи* была описана еще в начале XX в. известным психологом Джоном Дьюи⁴⁸, который дал некоторые основные этапы решения задач, они довольно хорошо известны теперь в области общей теории управления и менеджмента. К сожалению, многие уже забыли, что эти результаты были получены в рамках психологической науки: выдвигается некоторая гипотеза о том, что можно каким-то движением изменить ситуацию и получить некий желаемый результат; совершается практическая деятельность, действие; эффект действия сравнивается с тем, что субъект задумал; далее — происходит коррекция или возврат к начальному пункту приведенной последовательности.

Конечно, в наше время выполнено множество экспериментальных работ, раскрывающих особенности выполнения этой последовательности, ее структуру, шаги и алгоритмы действия. Тем не менее, и здесь остается еще ряд нерешенных проблем, которые связаны с тем, как строится реальная траектория движения субъекта.

Ранее мы рассмотрели важный вопрос о том, как начинаются действия субъекта; теперь можно по аналогии поставить другой естественный вопрос: как они заканчиваются. Понятно, что, в принципе, каждый результат решения задачи приводит к конкретному изменению ситуации в окружающем мире, то есть изменяется реальное взаимодействие субъекта с окружающим миром. Это можно зафиксировать совершенно объективными средствами наблюдения. Единственное, чего мы не можем видеть, это почему началось движение именно в данном направлении и, точно так же — не можем видеть, почему оно закончилось именно в данной точке траектории движения субъекта.

При рассмотрении момента начала движения мы говорили о чувствительности к различию образов: чтобы началось движение, необходимо иметь (ощущать и принимать во внимание) разницу между образом наличной ситуации и образом цели. Точно так же — при окончании движения субъект должен сделать достаточно малым (незаметным или не обращающим на себя внимание) достигнутое различие между образом полученной ситуации и образом той, которую он хотел получить.

⁴⁸ Д. Дьюи. Исследование ума. СПб., 1911.

Это легко понять при оценке любого человеческого действия: оно завершается тогда, когда человеку кажется, что он достиг желаемого результата или он видит, что (несмотря на то, что желаемая цель не достигнута) разница между тем, что он хотел достичь и тем, чего достиг — пренебрежимо мала или достаточно мала.

Приведенный механизм можно сравнить с рассмотренным ранее, но если раньше речь шла о *чувствительности субъекта к проблеме*, то теперь речь идет о *качестве решения*.

Здесь возникает возможность понять те самые внутренние механизмы и факторы, которые прекращают дальнейшую работу субъекта над практическим разрешением данной задачи и — возникает возможность перехода к другому поведению.

Поиск новой проблемы, формирование новой задачи, снова включает в действие работу того же самого механизма.

Всякая история наблюдаемого поведения человека на его жизненном пути может быть разбита на отдельные, самостоятельные элементы. Эти элементы есть практическое разрешение возникшей проблемы через решение принятой и структурированной субъектом задачи. При этом мы фактически разбиваем непрерывную траекторию человеческого поведения на отдельные самостоятельные отрезки, которые есть *разрешение проблемы через решение задачи*.

Конечно, перед субъектом всегда существует некоторое множество проблем; естественно возникает вопрос выбора проблем, расстановки приоритетов. Напомним, что возможный отказ от решения проблем — это тоже человеческий выбор: у субъекта всегда есть возможность как выбора проблемы, так и выбора — решать или не решать эту проблему. Мы полагаем, что одним из ведущих оснований для этого снова являются *субъективные оценки ожиданий, потенциальных возможностей субъекта и его ресурсов*. И хотя вопрос этот относится к другой психологической теме — психологии полезности, отметим здесь, что для субъекта важно иметь в виду не только то, какую цель или какую ситуацию он хочет достичь, но и сколько это будет стоить. Таким образом, проблема соотношения наличного ресурса субъекта с принципиальной полезностью вероятного решения становится одним из главных критериев в субъективной оценке возможности и необходимости решения данной задачи.

Вообще говоря, проблема субъективных критериев есть предмет специального психологического анализа. Однако для примера следует привести некоторые из них. Так, в качестве критериев оценки качества поведения могут выступать рассмотренные ранее критерии оптимального поведения. Одним из чисто ресурсных критериев может быть время, необходимое для достижения этой цели. Другим критерием становится полезность (для себя и для других), которая прямо связывается с качеством деятельности.

Качество, с точки зрения общества, — это всегда полезность в самом широком смысле. Мы видим, что конечный результат решения задачи может оцениваться с точки зрения собственной позиции и с точки зрения другого субъекта. Это означает, что субъект часто решает не только свои собственные задачи, что задача может быть задана извне, в том числе, в связи с целями некоторой организации. Проблема здесь состоит в том, как в таком случае формируется задача самим субъектом. Не менее важно понять психологический механизм того, как она может быть навязана субъекту.

Поставленная извне проблема тоже должна быть принята самим субъектом, а ее решение часто оценивается также с точки зрения критериев, внешних по отношению к субъекту. Общий подход состоит в том, что у субъекта должно возникнуть *ощущение законченной работы*. Это проблема, которая становится одной из важнейших в психологии — проблема удовлетворенности и мотивации труда, — которая в рамках организационной психологии переопределяется в проблему соединения и согласования разных интересов в разрешении общей задачи⁴⁹.

⁴⁹ С.Н. Тидор. Психология управления: от личности к команде. Петрозаводск, 1996.

Глава 5. ПРОБЛЕМЫ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ СОБСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СУБЪЕКТА

5.1. Концептуальные основы исследования психических состояний (история подходов)

В истории психологических исследований человеческой жизнедеятельности и поведения проблема и понятие психического (в частности, функционального) состояния оказались, пожалуй, одними из наиболее запутанных. В то же время практические задачи оценки психической напряженности и ее последствий в работе человека при управлении движущимися объектами, контроле сложнейших технологических процессов и других областях, которые можно отнести к сфере производительной человеческой деятельности — настоятельно требуют поиска конструктивных решений проблемы оценки, анализа и управления психическим состоянием человека⁵⁰.

Развиваясь и проявляясь в деятельности человека, психические состояния могут «продолжаться» за ее пределы и приводить к более или менее стойким сдвигам его функционирования, влияя на нормальное течение всех его жизненных процессов. Теоретическое и экспериментальное изучение психических состояний является одним из важных условий оценки этого нормального функционирования, в том числе — диагностики и профилактики «выхода» человека в предпатологические и патологические области, в аномальные режимы жизнедеятельности. При этом общий смысл фундаментальных исследований психических (функциональных) состояний должен составить научную основу конструктивных практических решений.

Такие конструктивные решения невозможны без ясного понимания специфики отношений в системе «теория — эксперимент — практика», без раскрытия психологической сущности практических задач и объяснения места и роли в этих задачах «человеческого фактора» и человеческого ресурса. Для этого необходимо уточнение смысла основных подходов к изучению функционального состояния, определение путей синтеза имеющегося знания в направлении конкретной практической задачи.

Анализ материалов конкретных исследований показывает, насколько сложной является проблема идентификации и оценки функ-

⁵⁰ Г. Селье. Очерк об адаптационном синдроме. М., 1960; Он же. Стресс без дистресса. М., 1979; Л.С. Хачатурьянц, Л.П. Гримак, Е.В. Хрунов. Экспериментальная физиология в космических исследованиях. М., 1976.; Э.Л. Носенко. Эмоциональные состояния и речь. Киев, 1981; Психологические состояния Л., ЛГУ. 1981.

циональных состояний работающего человека. Так, во многих случаях психическое функциональное состояние рассматривается как фон, на котором разворачиваются различные психические процессы, например, процессы приема, переработки информации, принятия решений и формирования управляющих действий человека⁵¹. Однако, как только мы начинаем рассматривать состояние как фон, мы сразу же обнаруживаем, что его можно зарегистрировать или идентифицировать лишь как изменение, происходящее либо в свойствах, либо в структуре процессов, протекающих в человеческом организме, в человеческой психике, в его поведении и деятельности. Попытки идентификации состояния с помощью так называемых «объективных» показателей, в том числе с использованием разного рода психофизиологических, физиологических и биохимических индикаторов лишь показывают, что эти индикаторы далеко не всегда адекватны целям исследования состояния, если иметь в виду его психологический смысл.

Нужно отметить, что лишь наблюдая реальные изменения в структуре и характере жизнедеятельности человека, психологических механизмах, регулирующих эту деятельность, — мы связываем эти изменения с функциональным состоянием человека. Таким образом, функциональное состояние перестает быть просто фоном, но становится существенной особенностью динамики реально наблюдаемых характеристик поведения и деятельности. Основная трудность здесь состоит в том, что при анализе профессиональной деятельности мы рассматриваем, главным образом, стационарные оценки параметров того или иного психического процесса, а когда обнаруживается их изменение в разные моменты времени, связываем эти изменения с изменением функционального состояния человека.

Принято выделять две основные группы психических (функциональных) состояний, которые при анализе профессиональной деятельности относятся даже к разным уровням: стресс (напряженность) и утомление. Именно они яснее всего сказываются и на характеристиках деятельности, и на характере субъективных оценок состояния. Иногда в отдельную группу выделяются также эмоциональные состояния, хотя такое выделение и не всегда оправдано, поскольку практически здесь же речь идет об операциональной и эмоциональной напряженности человека⁵².

Как один из стабильных феноменологических результатов рассматривается зонное строение функционального состояния типа напря-

⁵¹ Психические состояния и эффективность деятельности. М., 1983; Психологические проблемы деятельности в особых условиях. Под ред. Б.Ф. Ломова, Ю.М. Забродина, М., 1985; Ю.М. Забродин, В.Г. Зазыкин, Э.Д. Саакян. Деятельность оператора в монотонных условиях. Ереван, 1985; В.А. Пономаренко. Авиация — черное и белое. М., 1995.

⁵² Чебыкин А.Я. Эмоциональная регуляция в трудовой и учебной деятельности. М., 1987.

женности: существует так называемая оптимальная зона, а в случаях недогрузки (недонапряженности) и перегрузки (перенапряжения) наблюдается снижение эффективности деятельности. Здесь можно обнаружить известную аналогию с законом Йеркса-Додсона, и функциональное состояние тогда получает окраску в физиологическом контексте: оно связывается с состоянием активации организма. Кроме того, в таком ракурсе оказывается возможным соотносить некоторые предельные режимы функционирования человека с особенностями и ограничениями функционирования нервной системы.

Справедливости ради следует сказать, что известная кривая работоспособности (зависимость эффективности работы от ее продолжительности) также носит в целом аналогичный характер: она имеет выраженный максимум при заметных спадах в начале и конце работы. Таким образом, функциональное состояние имеет уровневую специфику и нелинейно связано с действием ряда факторов, одни из которых можно отнести к факторам физиологического, а другие — к факторам психологического порядка.

С нашей точки зрения, есть существенное различие в оценке и интерпретации изменений в эффективности деятельности человека при психологическом решении задач профотбора и профессиональной подготовки, с одной стороны, и задач функционирования человека (оценки функциональных состояний) — с другой. Различие это состоит в том, что при решении первых — основной акцент ставится на анализ *интериндивидуальных вариаций* исполнения, при решении вторых — на изучение *интраиндивидуальных вариаций*. Можно сказать, что существо проблемы функциональных состояний заключается именно в том, что эффективность жизненных процессов одного и того же человека (в другом контексте — работоспособность) изменяется во времени и в зависимости от характера и условий деятельности.

Собственно, практическая задача и состоит в том, чтобы «вывести» работоспособность человека на некий «оптимальный» уровень, т.е. воспрепятствовать изменениям работоспособности, которые реально наблюдаются (чаще всего — воспрепятствовать стойкому патологическому снижению работоспособности).

Решение этой задачи, прежде всего, требует понимания специфики самих функциональных состояний, раскрытия связи между ними, а также между особенностями психических функций и эффективностью деятельности человека. Другими словами, нужно понять, раскрыть и объяснить природу интраиндивидуальных вариаций работоспособности. Здесь необходимы теоретические усилия для того, чтобы разорвать «логическое кольцо» определений.

В самом деле, мы традиционно определяем психическое (функциональное) состояние через эффективность и адекватность поведения и деятельности. В то же время, изучая работоспособность, мы определя-

ем ее изменение как следствие изменения функционального состояния человека. Выше сказанное требует вернуться к теоретическому, фундаментальному аспекту проблемы функциональных состояний (и психических состояний вообще); необходимо найти разумные подходы и теоретическую базу первичной классификации состояний, уточнить психологическую сущность самой этой проблемы.

5.2. Теоретический анализ проблемы психических состояний

Как известно, проблема психических состояний является одной из самых мало изученных и одной из самых трудных в психологической науке, особенно в ее прикладных разделах. Нужно также сказать, что само состояние как феномен, как явление, подлежащее исследованию, недостаточно четко определено в теоретической и экспериментальной психологии.

В самом деле, что имеется в виду, когда речь идет о психическом состоянии? С одной стороны, представляется очевидным, что состояние есть некоторая временная характеристика системы психики, а с другой стороны — состояние есть некоторый срез временной характеристики психического. Состояния могут рассматриваться как динамическая система (например, состояние напряженности или утомления). При этом в большинстве случаев операционно состояние идентифицируется по возможной смене самих состояний (так, состояние напряженности, например, определяется лишь по тому, что бывают иные состояния).

Это означает, что в природе самого состояния заключена и динамика, и стабильность. Именно в понятии психического состояния мы пытаемся связать *два важнейших момента психического: устойчивость и изменчивость.*

Теоретически это весьма сложная задача, и поэтому необходимо специальное развитие основных идей системного подхода применительно к анализу психических состояний, в первую очередь — функциональных состояний. Как сохранить, удержать в теоретическом анализе реальный диапазон возможных состояний, отразить их динамику, оценить интраиндивидуальные и интериндивидуальные различия в этих феноменах? В частности, в рамках теоретического анализа крайне важно найти некоторые критические, стабильные области в множестве состояний, между которыми могут существовать промежуточные, переходные состояния. Ведь по своему смыслу состояние означает стабильность, а мы в психологии изучаем его преимущественно как изменение. Таким образом, сам термин психическое состояние оказывается внутренне неустойчивым до тех пор, пока не будет найдено ясное его определение.

Важно отметить, что в указанном выше смысле психическое (функциональное) состояние теоретически почти всегда рассматривается как

результат изменения, а фактически (эмпирически) исследуется как переходный процесс «смены состояний», поскольку изменение параметров некоторого психического процесса ассоциируется со сменой состояния.

Таким образом, определение психического состояния оказывается вопросом непростым, потому, что и те, кто изучает эти состояния теоретически, и те, кто исследует их экспериментально, в конечном итоге всегда имеют в виду эти два аспекта: первый — временную динамику состояний; второй — некоторое структурное описание самого состояния.

В конкретных исследованиях психическое состояние одновременно выступает в этих двух формах, и часто довольно трудно оценить как по методу работы, так и по описанию результатов, с каким именно аспектом психического состояния мы имеем дело. И в теоретическом, и в практическом отношении важно рассмотреть обе эти стороны функционального состояния, однако при этом необходимо каждый раз уточнять, с каким именно аспектом изучения этого сложного класса психических явлений мы имеем дело.

Со *структурной* точки зрения психическое (функциональное) состояние оказывается фиксацией некоторых событий, которые происходят в наблюдаемой нами системе, т.е. некоторым «мгновенным», а точнее — синхронным значением ее параметров. Тогда состояние — это как бы зафиксированный «временной срез» значений параметров системы, отображение ее структуры в каждый данный момент (интервал) времени, а психическое состояние — его субъективное отражение. Трудность здесь состоит в том, что под таким отображением мы понимаем не просто «временной срез», т.е. некоторое фиксированное число взаимосвязей в совокупности явлений, но — в действительности — временной интервал, т.е. такое отображение, при котором структура взаимосвязей остается зафиксированной, неизменной в течение произвольно выбранного промежутка времени (произвольного интервала). Конструктивно это означает, что существует множество разных способов определения и выделения такого рода соотношений (инвариантов) в зависимости от длины произвольного интервала или — от величины временной базы, на которой мы отыскиваем тот или иной инвариант. Конечный результат здесь будет зависеть как от свойств системы, так и от длины выбранного интервала анализа. Поэтому в результате анализа психических состояний часто находят не общие, а некоторые весьма частные, т.е. каждый раз ограниченные выбранной временной базой, временные инварианты.

В качестве примера реального существования таких временных инвариантов мы можем привести конкретные формы самых разнообразных психических состояний (состояния ожидания, бдительности, тревоги, неуверенности и т.п.). Поэтому важно, во избежание ошибок, выбирать эти временные интервалы так, чтобы не нарушать пространственно-временной целостности интересующей нас системы.

Так, при изучении «состояния» того или иного психического процесса необходимо, чтобы он полностью «уложился» в анализируемый временной интервал. Понятно, что множество найденных таким образом интервалов в первом приближении определяет множество возможных состояний изучаемой системы.

Одно из естественных движений такой системы как субъект связано с его преобразованием, и тогда обоснование и выработка «дидактик», тактик и «технологий» преобразования этого субъекта в значительной мере зависят от того, к каким уровням, к каким блокам, системам и подсистемам психики мы апеллируем. Отсюда естественное желание рассмотреть структуру и динамику системы психики, которая сама является системой регуляции, системой управления человеческим поведением и деятельностью. В некотором смысле можно сказать, что первая задача проектирования субъекта деятельности от разрозненного, неупорядоченного, неорганизованного контингента до организованного целенаправленного коллектива, — в соответствии с общей логикой — должна быть подчинена поиску *границ или пределов возможных преобразований самого субъекта*, т.е. оценке спектра его психических состояний.

Тем самым, решение этой задачи требует определенной методологической «увязки» всей структуры психических явлений, — т.е. в первую очередь, функций, процессов, состояний и свойств, в некоторое упорядоченное и связанное множество. Кроме того, необходимо выяснить границы действия тех законов, которые определяют динамику этого движения субъекта. Таким образом, важной теоретико-психологической задачей становится отыскание возможных зон, выделение границ возможных и невозможных преобразований субъекта, т.е. определение области возможных решений для класса задач преобразования субъекта.

Одно из естественных движений системы во множестве состояний, — это ритмы — собственные ритмы или «навязанные» извне, — которые показывают, как часто и каким образом система возвращается в то или иное состояние. Выбирая различные критерии оценки синхронности и разные интервалы для «базы», на которой оценивается искомый инвариант и рассматриваются «состояния», можно обнаружить огромное количество самых разнообразных ритмов. Важно отметить, что практически все параметры работы физиологических систем, характеристики психической активности и показатели эффективности деятельности обладают более или менее выраженной *колебательной, ритмической* характеристикой. [Собственно, именно благодаря этому можно выделять закономерные, *инвариантные* связи и отношения в изучаемых явлениях]. Это означает, что все они, меняясь во времени, многократно принимают (т.е. «проходят через») те же самые значения параметров, иначе — повторяются. Интервал повторяемости, если он оказывается стабильным, становится инвариантной характеристикой

выделенного ритма (это, нужно заметить, инвариант другого порядка, в отличие от инварианта состояния).

Ритмы, таким образом, выступают как та *инвариантная во времени структура*, которую можно «снять» или наоборот, использовать при анализе психических состояний. Можно рассматривать систему ритмов в специальных временных срезах, а также в срезах состояний, т.е. оценивать не только их временные свойства и взаимосвязи, но и их диапазон, характер движения в множестве состояний: сколько, какие именно состояния и в какой последовательности «проходит» система в своем колебательном движении. Такие ритмы действительно существуют, и мы очень хорошо их знаем.

В зависимости от характера интерпретации сюда могут входить так называемые ритмы работоспособности, сна и бодрствования, переменных состояний сознания, «биологические» ритмы (годовые, суточные, часовые и т.д.) и некоторые другие, в том числе, связанные с характером деятельности. Упомянутый выше временной инвариант позволяет «снять» эти состояния как регулярно повторяющиеся изменения.

Второй аспект состояния — *динамический* — имеет дело, в основном, с нерегулярными (чаще всего, навязанными) изменениями состояния. Однако и здесь важно отметить, что именно с точки зрения повторяющегося изменения, повторяющегося состояния, мы и можем увидеть как бы другое лицо функционального состояния: систему процессов перехода их одного состояния в другое, т.е. *движения во множестве возможных состояний*.

И теоретически, и экспериментально психическое (функциональное) состояние существует и интересно для нас лишь тогда, когда мы умеем фиксировать некоторое изменение состояния. Это означает, что в психологии состояние изучается не столько тогда, когда оно *существует*, сколько тогда, когда оно *переходит* из одного состояния в другое. Так, с точки зрения *структуры состояния* мы имеем дело с частными временными инвариантами системы психики, относительно которых каждый раз должно быть точно определено то временное начало и тот интервал, в котором ищутся некоторые инварианты повторяющихся (или длящихся) событий. Такими временными реперами могут быть, например, время поступления сигнала, появления значимого события или время достижения нужного результата и т.д.

Напротив, в контексте *динамики, содержания состояния*, как уже отмечалось, мы всегда имеем дело с относительным состоянием, т.е. с обнаружением смены или перехода некоторой синхронной системы (связанных явлений) из одного устойчивого положения в другое. При этом нужно помнить, что из одного положения в другое *переходит вся система*, которую мы изучаем, т.е. *изменяется состояние всей системы*.

Таким образом, для полного анализа функционального состояния необходимо рассматривать совместно (один относительно другого) как мини-

мум два разных частных инварианта, о которых речь шла ранее. Это могут быть, например, два структурных инварианта состояния или структурный инвариант состояния и инвариант переходного процесса. Весьма вероятно при этом, что эти частные временные инварианты окажутся разными по базовому временному интервалу, который также включается в анализ.

Следовательно, при анализе функциональных состояний всегда ищется некоторый исходный момент, некоторая система отсчета, и само состояние оценивается по отношению к этой точке отсчета как к некоторому фону. В большинстве случаев под «фоном» можно понимать некоторое более или менее стационарное или наиболее привычное, т.е. «нормальное» состояние субъекта. Кроме того, «фон» выступает не только как *наиболее часто повторяющееся (длжащееся)*, но и как более «развернутое», более масштабное по времени состояние, т.е. *как инвариант более высокого порядка*. Важно отметить, что фон может рассматриваться как некое *состояние покоя* и тогда психические (функциональные) состояния будут выступать в виде больших или меньших отклонений от этого фонового состояния (покоя) в ответ на какое-либо внешнее или внутреннее воздействие, возмущение.

С этой точки зрения психическое (функциональное) состояние может выглядеть, по крайней мере, внешне, как реакция, хотя и довольно специфическая, на данное внешнее или внутреннее воздействие. Таким воздействием может быть введение лимита времени, ограничение входной информации, создание неудобных условий, усложнение деятельности, появление помех и препятствий к достижению цели, введение ложной информации, подкрепление разного рода, лишение сна, фармакологические и иные воздействия⁵³.

Действительно, в экспериментальном исследовании психические состояния всегда реально рассматриваются как реакция на внешние или внутренние возмущения, которые изменяют характеристики психической системы и организма в целом (по отношению к состоянию до и без этих возмущений — покою).

Отсюда следует, что основной эмпирический материал, накопленный в исследовании функциональных состояний⁵⁴, позволяет, прежде всего, вести анализ изменения состояний субъекта, т.е. изучать изменения характеристик некоторой психической системы, которое, в случае работы в особых условиях, на научном жаргоне мы привыкли называть изучением деформированных состояний, или состояний «деформированного оператора».

⁵³ См. Ю.М.Забродин. (отв. ред.) Психические состояния и эффективность деятельности, М., 1983.

⁵⁴ Психические состояния и эффективность деятельности. М., 1983; Деятельность оператора в монотонных условиях. Ереван, 1985; Психологические проблемы деятельности в особых условиях. М., 1985; Чебыкин А.Я. (отв. ред.) Эмоциональная регуляция трудовой и учебной деятельности. М., 1987.

Смысл исследований функциональных состояний как раз и заключается в том, что именно эти «деформации» мы хотим зафиксировать, по возможности измерить и понять, как и почему они возникают, с какими факторами связаны.

В этой связи особую роль приобретает упомянутое ранее состояние покоя, которое легко рассматривать как естественную систему отсчета при оценке других психических состояний. Существенный момент состояния покоя как стационарного (по определению) состояния заключается в том, что это *состояние длится*, продолжается во времени. Это означает еще раз, что покой (как впрочем, и любое другое состояние) имеет реальную временную характеристику и ей нельзя пренебрегать, в отличие от изучения других психических явлений, функций, свойств и даже процессов⁵⁵. Состояние всегда *«течет» и остается* в ограниченном интервале времени. Именно по отношению к ограниченно длящемуся состоянию (например, покою) можно рассматривать человека, работающего в особых условиях, как «деформированного», измененного и изменяющегося субъекта деятельности. Если учесть, что принципиально всегда имеется возможность *повторения состояния* (по крайней мере, с теоретической точки зрения), то *состояние, как класс психических явлений, является не только ограниченно длящимся во времени, но и потенциально многократно достижимым* и, следовательно, *изменение состояния принципиально обратимо*.

5.3. О пространстве психических состояний

С учетом всего предыдущего становится ясным, что каждый субъект жизнедеятельности потенциально может находиться в одном из множества различных состояний. Это означает, что эта система психики, как и сам субъект деятельности, имеет множество внутренних степеней свободы. Таким образом, мы реально видим, как субъект и его психика оказываются многомерными и по своим проявлениям, и по своему бытию. Однако с теоретической точки зрения, важно то, что при некоторых допущениях представляется возможным использовать для анализа психических (и, в первую очередь, функциональных) состояний формальный аппарат и понятия, близкие к понятиям алгебры отображений.

Пусть состояние некоего индивида измеряется по отношению к произвольному исходному состоянию (например, состоянию покоя или фона), такому, которое, в известной мере, само себя воспроизводит (длится) в отсутствие возмущающих воздействий.

Тогда иное состояние есть деформация, изменение исходного, т.е. переход от одной системы синхронных событий к другой аналогичной

⁵⁵ См. Л.М. Веккер. Психические процессы. Тт. 1, 2, 3. Л., ЛГУ, 1974–1981.

системе. Поскольку же — в силу предыдущего рассмотрения — таких переходов оказывается много, постольку полезно взглянуть на множество психических состояний как на *систему автоморфизмов субъекта*, то есть как на *множество отображений самого субъекта в свое собственное бытие* (будем предполагать, что субъект «не выходит из себя»).

Судя по эмпирическим данным и исходя из теоретических соображений, имеется масса степеней свободы субъекта; поэтому (потенциально) имеется множество возможных синхронных событий в системе, и поэтому теоретически полезно анализировать проблему функциональных состояний в контексте указанной системы самопреобразований субъекта или «самопереходов» в нем, т.е. именно *автоморфизмов*.

С целью более строгого определения примем, что психические состояния как временные явления, как длящиеся и повторяющиеся во времени события, отличаются от всех остальных автоморфизмов субъекта тем, что они *обратимы*. В соответствии с этим мы определяем *функциональное состояние человека* как особое *подмножество множества обратимых автоморфизмов (самопреобразований) субъекта, связанных с его профессиональной деятельностью*. Это означает, что мы можем обнаружить и исследовать функциональное состояние субъекта, только понимая, что состояние

- длится, но не бесконечно;
- что оно существует, но не разрушая субъекта;
- что оно изменяется во времени — т.е. что можно «войти» и «выйти» из данного состояния.

Теперь, если взглянуть на функциональное состояние человека как на некоторую систему обратимых его автоморфизмов, так и с экспериментальной точки зрения: в этом случае психическое (функциональное) состояние выступает как некоторое актуальное значение, как некоторый паттерн на множестве разных потенциальных значений параметров психической системы в целом. Это означает, что *функциональное состояние выступает как (отличимый от других) элемент множества обратимых интраиндивидуальных вариаций психической деятельности субъекта, его психики в целом, а физиологические и поведенческие характеристики индивида есть косвенные (опосредованные) индикаторы этого состояния*.

Отсюда можно перейти к конструктивному теоретическому анализу и продуктивному экспериментальному исследованию функциональных состояний как множества самопреобразований индивида, оценивая границы возможных обратимых автоморфизмов, т.е. определяя характеристики пространства потенциальных состояний как такого множества состояний, в которые субъект может «войти» и «выйти», или такого пространства, в которые могут быть отображены любые состояния данного субъекта.

Тогда, во-первых, нас интересуют особые свойства такого пространства и прежде всего, возможное количество реальных состояний, в которые может войти и из которых он может сам (или, в крайних случаях, с посторонней помощью) выйти. Более точно: нас интересует *мощность такого пространства, его природа и размерность, характеристики его границ*. Мы можем попытаться определить границы этого пространства, рассматривая особые, предельные, пограничные или граничные состояния. В частности, одной из границ такого пространства может выступать уже упоминавшийся фон, или покой, т.е. то очень разлитое состояние, которое мы фиксируем как некоторую отсчетную точку для всех других состояний.

Во-вторых, с этой точки зрения, можно подходить к постановке вопроса о том, что собой представляют *ортогональные или базисные шкалы (оси) этого пространства*. Можно более определенно ставить вопрос о том, что является действительной, естественной базой для классификации психических состояний; как эту классификацию можно было бы строить не только с точки зрения определения самих осей, не только с точки зрения формального определения оснований классификаций, но с точки зрения психологической интерпретации этих оснований.

В-третьих — важно определить так называемые *порождающие преобразования самих автоморфизмов* и образуемые разными типами автоморфизмов классы состояний, их возможную *типологию*. Каждый, занимающийся проблемой психологических состояний, имеет в виду некоторый, определенный его интересами, круг психических явлений, некоторую собственную систему классификации, что не позволяет пока еще, к сожалению, говорить о единой постановке проблемы изучения психических состояний. Так, речь может идти об эмоциональных состояниях; о состояниях, как реакциях на некоторые события; о состояниях нормальных и патологических; есть также состояния, мобилизующие психические проявления и т.п.

Таким образом, одна из ближайших серьезных задач состоит в том, чтобы уточнить саму феноменологию состояния; определить как границы самих состояний, так и границы изменения состояний. Важно также понять — как и по какой оси изменяется состояние, которое мы идентифицируем. Если, например, мы рассмотрим в этом контексте состояние тревоги, то остается открытым вопрос — где начинается и где заканчивается состояние тревоги, из чего оно «происходит» и в какое другое состояние переходит⁵⁶.

Стремление определить границы variability, изменчивости каждого состояния внутри самого себя должно привести к поиску (и нахождению) *естественной метрики психических состояний*. Нужно

⁵⁶ Ю.М. Забродин, Л.В. Бороздина, И. Мухина. Влияние уровня тревожности на оценку временных интервалов. В кн.: Измерение психических характеристик человека-оператора, Саратов, 1986.

отметить, что мы привыкли изучать психические состояния, измеряя некоторые параметры и фиксируя характеристики, которые, вообще говоря, с этими состояниями прямо не связаны. Это несколько напоминает ситуацию, которая сложилась в профессиональном отборе⁵⁷, когда берется произвольное и огромное множество различных психологических характеристик и делаются попытки зафиксировать субъекта в этом необозримом множестве плохо связанных друг с другом явлений, слабо соотносимых друг с другом методик, неопределенного набора параметров⁵⁸.

Как же выход из этого положения? Мне кажется, что упомянутый выше анализ через отнесение состояния к *его собственной временной динамике и к некоторому относительно стабильному фону* становится одним из реальных подходов к поиску *естественной метрики состояний*. На основании опыта исследований и собственного опыта мы хорошо знаем, что «внутри» самого субъекта существует значительное многообразие состояний.

Второй путь — это подход к *естественной метрике состояний через отнесение каждого из состояний субъекта к множеству всех субъектов*. Так, например, когда мы рассматриваем *состояние нормы или патологии*, то имеем в виду, что во всем множестве субъектов существует вполне отчетливое распределение этих состояний. При этом, однако, возникает одна неочевидная трудность, которая заключается в том, что, выбирая достаточно большое (репрезентативное) множество людей, мы предполагаем, будто в этом множестве удастся реализовать все возможные субъективные состояния, т.е. можно оценить *все степени свободы вероятных движений*, которые характерны для каждого субъекта. В действительности, указанная трудность проявляется в том, что «эргодическая теорема» в этом случае не работает. Поэтому как бы много субъектов мы ни взяли, всегда есть большой риск, с одной стороны, недостаточно полно отразить во множестве состояний индивидуальность конкретного субъекта, а с другой стороны — существует опасность растворить внутреннее индивидуальное богатство состояний данного индивида во множестве индивидов.

Таким образом, поиск естественной метрики пространства состояний может быть перспективен в двух направлениях: с одной стороны — двигаясь от внутреннего богатства состояний субъекта и рассматривая их по отношению к фону или к тому, что известно об этом субъекте, с другой стороны — относя наблюдаемые состояния к полному множеству проявлений всевозможных человеческих состояний, т.е. ко всему существующему человеческому бытию.

⁵⁷ См. Проблемы формирования профпригодности специалистов. М., 1985.

⁵⁸ Ю.М. Забродин, Проблемы разработки практической психологии, ПЖ, т. 1, № 2, 1980; Ю.М. Забродин. Очерки теории психической регуляции поведения. М., Магистр, 1997.

Поскольку в обоих случаях при изучении состояний обнаруживается, что система психических явлений, которую мы, так или иначе, наблюдаем, меняется по множеству параметров, то для оценки состояния как события оказывается совершенно естественной техника *полирегистрации*. Это означает, что каждый раз необходимо анализировать множество координат точек системы, чтобы понять, в каком состоянии она находится. С этой точки зрения полирегистрация есть не просто дань моде или дань традиции, а есть необходимое условие понимания *психического состояния, как Состояния Системы*. В этой связи мы оказываемся перед важной теоретической проблемой, которая, по-моему, еще даже не ставилась в психологии состояний: сколько параметров нужно «снять» или зафиксировать, чтобы идентифицировать состояние системы? Этот вопрос только представляется тривиальным: насколько известен опыт экспериментирования в области психических состояний, именно так этот вопрос не возникал. Мы, действительно, сейчас не знаем, сколько нужно иметь независимых точек отсчета или параметров системы для фиксации того или иного ее состояния, и достаточно ли, например, 15 физиологических отведений и, скажем, 10 поведенческих параметров; надо ли «писать» различные вегетативные реакции организма или можно ограничиться электроэнцефалограммой.

С экспериментальной точки зрения это означает, что необходимо точно интерпретировать вопрос об адекватных «индикаторах» состояния; о достаточности набора значений параметров этих индикаторов, как особых «точек» отсчета; об их отношении к реальному состоянию системы.

Часто, говоря о психических состояниях, забывают, что те параметры, которые измеряются, имеют весьма опосредованное отношение к психическим состояниям. Теоретически не так просто понять как, например, относятся свойства движений, действий, другие характеристики человеческой жизнедеятельности к психическому состоянию самого субъекта; как связаны с ним соматические и вегетативные реакции организма; как связаны с теми же психическими состояниями функциональные реакции мозга. Совершенно ясно, что здесь мы имеем дело с фундаментальной проблемой *связи состояний и действий и свободы действий субъекта в различных состояниях* (внутренней свободы самого субъекта от своих переживаний). При этом также становится ясным, что движения, вегетатика и изменение мозговых потенциалов не есть психические реакции, т.е. это не есть прямое свойство той системы, состояние которой мы хотим идентифицировать. Здесь особенно остро проявляется проблема психофизиологической интерпретации психических и организменных явлений, обоснования связи тех параметров и характеристик, которые мы изучаем, с действительными психическими состояниями.

Поскольку психическое состояние рассматривается нами двояко: и как изменяющееся, и как некоторое зафиксированное на определенном промежутке времени (синхронное) поведение некоторых элементов и событий психической системы, постольку нужна не просто *полирегистрация параметров системы, но фазовая полирегистрация*. Это означает, что необходимо осуществлять временное сравнение наблюдаемых реализаций поведения и органических функций субъекта. При этом речь идет о реализации разного рода поведенческой и организменной активности: действий, реакций, деятельности субъекта; функциональных характеристик работы мозга, динамики вегетативных систем и т.д. Следовательно, необходимо предусмотреть множественную регистрацию на разных уровнях, и обязательно сравнивать результаты измерений, полученных в разные моменты времени, строя как бы *«фазовую характеристику движения» системы*. При этом фазовое, временное сравнение наблюдаемых явлений делает необходимой не только определенную организацию эксперимента, но и требует определенным образом изменять обработку получаемых данных. Поскольку приходится рассматривать характеристики состояния как изменяющиеся во времени, постольку для обработки данных следует использовать специальный математический аппарат, который позволяет чувствовать эту изменчивость состояния во времени, но чувствовать ее как изменчивость повторяющуюся, т.е. инвариантную относительно фиксированных сдвигов во времени. Это оказывается и экспериментально, и математически не так просто.

Предыдущий анализ показывает, что нужно фиксировать некоторые синхронные, т.е. совпадающие во времени изменения в определенных параметрах активности субъекта, значения которых оказываются повторяющимися; следовательно, необходимо научиться делать это *конструктивно*, т.е. прямо в экспериментах и в реальной практике. Тот факт, что существует множество потенциальных состояний системы, в которые она может приходиться сама или под влиянием внутренних или внешних воздействий, — для экспериментатора — вопрос, в известной мере, второстепенный: можно вводить некоторые специальные воздействия, которые будут изменять состояния, т.е. синхронное поведение системы и эти воздействия можно достаточно точно измерять (поскольку мы сами их синтезируем). Воздействия эти можно рассматривать как некоторые факторы, которые могут быть не связаны с деятельностью, но которые изменяют либо самое деятельность, либо ее эффективность.

В этом, с моей точки зрения, заключается основная трудность, и не тривиальность ситуации состоит в том, что раньше мы изучали в эксперименте стимулы и соответствующие им реакции, оценивали влияние цели и результата на поведение субъекта. В новом контексте и стимулы, и реакции, и цели, связанные с деятельностью, нас интересуют

менее, чем раньше. Те воздействия, которые мы применяем, изменяют и деятельность, и характеристики психики в значительной степени независимо от конкретного содержания деятельности. В то же время они опосредованно влияют на поведение, на эффективность работы, на структурные параметры психических функций и процессов. Другими словами, психическое состояние оказывается слабее связанным с содержательной стороной поведения и деятельности субъекта, а влияющие на него факторы или воздействия могут оказываться совершенно разной природы.

Действительно, если с этой точки рассматривать процедуры, с помощью которых изменяется состояние, то контролируемые воздействия оказываются очень разной природы и часто не сопоставимы друг с другом. Есть физические воздействия, при которых изменяются параметры среды (температура, влажность и т.п.); механика движения и т.д. Известно большое количество химических воздействий, способных изменять состояние субъекта или его отдельных психических и нейрофизиологических структур. Есть чисто биологические воздействия. Есть также воздействия психологического свойства и воздействия социальные. Нас должно интересовать, как и в каких вариациях это множество разного качества и разного уровня воздействий на субъекта срабатывает и как можно целенаправленно управлять психическими состояниями, как меняются от верхних уровней к нижним характер, сама природа психического состояния.

В конкретных экспериментах мы изменяем среду, изменяем внешнее окружение субъекта, ограничиваем возможности его поведения и т.п., и отсюда становятся понятными и ограничения любых наших экспериментальных процедур и теоретических выкладок; здесь можно увидеть достоинства и недостатки разных подходов, ограничения и преимущества разных моделей состояния, методов их изучения, способов и средств обработки. Но все те, кто экспериментально занимаются психическими состояниями, знают, как трудно иной раз бывает понять, в чем достоинство и в чем ограничения той или иной модели используемой процедуры, в чем особенности теоретической и экспериментальной позиции, которую занимает тот или иной исследователь при анализе этих сложных человеческих явлений.

Изучая психические состояния, мы каждый раз имеем дело с целостным субъектом, и именно к этому целостному субъекту следует стремиться как в теории, так и в практике, управляя, модифицируя, изменяя состояния, изменяя характеристики и саму жизнедеятельность субъекта. В конце концов, главная задача — это не просто идентифицировать и описать состояния, но и изменять их. Для этого же необходимо знать, в каких пределах можно направленно воздействовать на субъекта с тем, чтобы в результате получить *эффективное и нужное поведение*.

5.4. Начала системного анализа психических (функциональных) состояний

К сожалению, работая в тесном контакте со специалистами разного профиля, мы, за редким исключением, пока не находим общего языка и той общей системы, которая позволила бы увидеть психические состояния в их целостном виде. Особенность современного состояния и развития психологии состоит в том, что в настоящее время пока нет такой общей основы для конкретного анализа многих психических явлений. На мой взгляд, эта основа может быть создана лишь в процессе решения серьезных практических задач. Однако во многих практических случаях термины, способы анализа психических явлений и структур остались теми же, какие существовали еще в конце прошлого века. И это несмотря на то, что отношения человека и общества, роль и место человека в общественной жизни за столетие радикально изменились.

Возникают и становятся все более явными противоречия между уровнем, сложностью, объемом и спецификой практических задач, которые должны решать психологи, и прежним теоретическим и методическим арсеналом психологической науки. Эти противоречия становятся все более заметными; можно сказать, что в психологии наступает период революционных изменений. Развитие теоретических основ современной психологии, по-видимому, не будет идти по линии построения универсальных категорий и тем более, поиска единственной универсальной категории. Построение более общей и более точной психологической теории требует опоры на систему базовых категорий. При этом некоторые из них внутри психологии могут не объясняться, но они должны быть хорошо понятны, хотя бы даже на интуитивном уровне; некоторые же могут получать объяснение в смежных науках.

Здесь следует еще раз подчеркнуть, что такие хорошо известные и широко применяемые категории, к примеру, как деятельность, общение, сознание, личность и т.д. — пока еще не получили ясного и конструктивного определения внутри психологии.

В этом же контексте можно сказать, что категория или концепция состояния, о которой шла речь выше, также пока не имеет точного психологического определения. Если проанализировать упомянутые основные категории и их взаимосвязи, а на их базе — теоретические конструкции, то можно увидеть, как велики различия в терминологии и насколько существенно разнится понимание самой сути рассматриваемых явлений. Хорошо известно, что субъект развивается и существует не изолированно, не в простом наборе отдельных качеств, функций, процессов, состояний, — и в то же время большинство из них теоретически выделяются и практически изучаются как изолированные. Не вызывает сомнений, что человеческая психика существует в контакте с окружающей субъекта действительностью, и поэтому идеи взаимодей-

ствия организма со средой, наверное, правильны; и именно поэтому мы не можем при психологическом анализе безболезненно экстрагировать из системы психики ни отражение, ни взаимодействие, ни состояние субъекта.

Исследование психических состояний осложняется в трех отношениях: во-первых, экспериментально изучая работу человека, мы строим некую модель реальной ситуации, реальной деятельности. Однако до сих пор еще нет ясных психологических критериев степени подобия, степени адекватности моделей деятельности по отношению к самой деятельности. Отсюда — тот изумляющий исследователей разрыв между экспериментальными и практическими данными, и те трудности, с которыми встречаются при переносе результатов лабораторных испытаний в практику.

Второй источник сложностей состоит в том скрытом представлении о психических явлениях, которое неявно определяет характер научных рассуждений данного исследователя. Во всех случаях — это особое «внутреннее» представление о том, каковы строение, природа и свойства изучаемого объекта. Указанные представления не есть следствие только теоретических рассуждений; они обобщают индивидуально-субъективный опыт работы с человеком, опыт изучения тех или иных сторон его жизнедеятельности. Проблема состоит в том, что на основе таких представлений, выступающих как модели реальности (но уже интеллектуальные, а не практические модели), нужно суметь выйти «за пределы субъекта» путем объединения знаний и опыта различных специалистов. От понимания системности психики необходимо перейти к комплексному исследованию жизни и деятельности человека, от абстрактного предмета исследования — к реальному объекту.

Знания о психических процессах достаточно велики: например, известно множество более или менее полных моделей памяти, моделей восприятия и принятия решений и т.п. Более того, эти модели и эти знания можно соединять в более сложные, целостные структуры, что в принципе позволяет рассматривать отдельные виды и алгоритмы человеческой деятельности значительно более подробно, анализируя их вплоть до уровня системы взаимодействующих психических процессов. В то же время понятно, что знания эти частично теряются, а частично — искажаются, когда мы переходим к другим уровням и другим аспектам исследований. Поэтому третий источник сложностей в изучении состояний состоит в концептуальном разрыве между смыслом понятия «психологический механизм деятельности» и тем, что понимают обычно под механизмами психической деятельности. Необходимо, с моей точки зрения, строго различать психологические и нейрофизиологические механизмы. Существуют, следовательно, различные группы моделей механизмов, — при этом отношения между ними могут быть весьма мобильны, и все еще нет хороших критериев их синтеза.

До сих пор не вполне ясно, почему в одних ситуациях функционирование системы на почти предельных режимах приводит к очень малым изменениям в психических процессах и к малым изменениям в результатах деятельности. А в других — наоборот, почти ничего не меняется на уровне нервной системы, но наблюдаются резкие скачки в психической деятельности и в поведении человека.

Таким образом, в наших рассуждениях явно или неявно присутствуют три группы моделей — модели деятельности, модели явления и модели механизмов, и в каждой из этих групп пока мало уделяется внимания сложным взаимоотношениям между самими моделями и тем, что они моделируют, между различными теоретическими представлениями об объекте и самой его природой. Рассмотренные выше сложности отразились в характере конкретного научного, в том числе экспериментального материала.

Обратимся снова к практическим задачам. При их решении мы, по сути, должны выполнить три важных функции: прежде всего, необходимо провести диагностику явления (понять, что происходит в каждом конкретном случае), затем, — сделать некоторые прогнозы развития явления на будущее (на основании его прошлого, нашего собственного опыта и на основании имеющихся научных знаний). Наконец, надо научиться так или иначе этим явлением управлять (т.е. найти методы управления явлениями). Реальная научная и практическая работа по диагностике, прогнозу и управлению психическими явлениями обладают разной значимостью и разным методическим аппаратом⁵⁹. В диагностике, в частности, мы имеем дело с конкретным объектом и идентифицируем этот объект в терминах научных знаний (например, идентифицируем то или иное состояние). Когда речь идет о прогнозе, то в наши рассуждения включаются представления о естественной динамике изучаемого объекта. Беда и сложность психологического прогноза состоит в частом предположении, что эта динамика является непрерывной в математическом и логическом смысле: *предполагается, что малые изменения окружающих условий, малые отклонения в специфике функционирования отдельных элементов приведут к малым изменениям характеристик системы в целом.*

При этом часто забывают о таких сложных нелинейных явлениях, как резонансные явления, возбуждения, срывы и т.д., когда характер изменения влияющего фактора совершенно не соответствует тому, как изменяются результаты функционирования организма. Можно возразить, что в некоторых случаях этот «постулат непрерывности», постепенности изменений, работает, и можно его реально применять. Тем не менее, исследовательский опыт содержит примеры того, что незначи-

⁵⁹ См. последующие главы настоящей книги.

тельный сдвиг функционального состояния может существенно изменить течение наблюдаемых событий, существенно изменить ту шкалу оценок, которую мы получали в нормальных условиях.

В частности, типология индивидов, разработанная в области дифференциальной психофизиологии, кажется достаточно устойчивой, и мы привыкли с ней работать как в диагностических целях, так и в целях прогноза⁶⁰. Однако, данные профессионального (производственного и клинического) опыта показывают, как сильно меняются корреляции между типологическими свойствами нервной деятельности и эффективностью жизнедеятельности в измененных функциональных состояниях. Построение типологии со стороны общего строения личности, вероятно, более психологично; однако и в этом случае существуют потенциальные источники ошибок диагностики и прогноза, поскольку пока неизвестно, как будут меняться характеристики личности в стрессовых ситуациях. Недостаточно ясно также, как увязываются общие свойства личности с профессиональными способностями человека, с мотивацией, с выбором и постановкой цели и т.д. Таким образом, при решении практических задач диагностики и прогноза поведения никак нельзя забывать о нелинейной природе связей между различными функциями и свойствами системы психики.

5.5. Проблемы диагностики и прогноза в оценке психических состояний

Следует заметить, что когда речь идет о диагностике, прогнозе и управлении в области функциональных состояний, мы, главным образом, рассматриваем профессиональную готовность⁶¹ человека к той или иной деятельности. Вообще говоря, более правильным представляется ставить вопрос о формировании профессионально важных качеств человека и о проявлении их в соответствующей деятельности, в частности, о том, какие из них являются устойчивыми, не поддающимися формированию, а какие — можно и нужно развивать. Если в качестве системы отсчета рассматривать самого индивида, структуру его способностей, то готовность, пригодность, подготовленность и связанные с ними понятия определяются, скорее, внешними, объективными, от профессии или от деятельности идущими критериями, т.е. ведут свое происхождение не от собственных свойств субъекта, а от того, что он должен делать⁶².

⁶⁰ В.М. Русалов. Психология и психофизиология индивидуальных различий: некоторые итоги и ближайшие задачи системных исследований. ПЖ, т. 12, № 6, 1991.

⁶¹ См. Главу 6 настоящей книги.

⁶² В.Д. Шадриков, Проблема системогенеза профессиональной деятельности. М., 1983.

Это становится особенно ясным, когда субъект попадает в условия особые⁶³. По тем же качествам и в той же логике можно смотреть деформацию, «деструкцию» этих свойств, и вводя критерии пригодности и готовности, либо снимать человека с деятельности, либо пытаться компенсировать «деструкцию», управляя развитием профессионально важных качеств или функциональным состоянием данного индивида.

Строго говоря, неверно отрывать исследование готовности от изучения общих проблем управления человеческими ресурсами: ориентации, профессионального отбора, распределения людей, функционирования их в процессе конкретной работы, т.е. от общих характеристик различных этапов психологического проектирования профессиональной деятельности человека⁶⁴.

С этой точки зрения формирование профессиональной пригодности и готовности — это только часть реализации общего проекта деятельности. При этом, в определенном смысле, психологам следует действовать так же, как действуют инженеры-конструкторы, когда они проектируют отдельные блоки «машин», не забывая, откуда взят каждый из них и как потом могут быть собраны все эти блоки в целостную систему.

Очерчивая контур психологических воззрений на психические состояния в профессиональной деятельности человека, следует иметь в виду общую идею психологического проектирования деятельности. Возьмем для примера деятельность космонавта. Труд космонавта — не просто операторский, он включает и исполнительские, и исследовательские компоненты⁶⁵. Психологическое проектирование деятельности космонавтов, в частности, заключается в рациональном сочетании задач репродуктивных и задач творческих для каждого члена экипажа. Очень важно найти оптимальное соотношение того и другого типа задач, распределить поток задач во времени с учетом особенностей каждого, подготовить к эффективному их решению. В конечном итоге, главное здесь — это построить психологически обоснованную систему методов управления функционированием экипажа, управления его работоспособностью.

Проблему такого управления в нашем контексте мы обсуждаем сейчас только для одной сферы психических явлений — функциональных

⁶³ Б.Ф. Ломов, Н.Д. Завалова, В.А. Пономаренко. Образ в структуре психической регуляции деятельности. М., 1988.

⁶⁴ Ю.М. Забродин. Методологические проблемы психологического анализа и синтеза человеческой деятельности. В кн.: Эффективность деятельности оператора. М., 1982; Он же. Психологическое проектирование и анализ регуляции операторской деятельности. В кн.: Проблемы психологической поддержки операторов СЧМ. Саратов, 1983; Ю.М. Забродин. Теория личности и управление человеческими ресурсами. М., Финстатинформ, 2002.

⁶⁵ Л.С. Хачатурьянц, Л.П. Гримак, Е.В. Хрунов. Экспериментальная физиология в космических исследованиях. М., 1976; В.Н. Кубасов, В.А. Таран, С.Н. Максимов. Профессиональная подготовка космонавтов. М. 1985.

состояний. Действительно, изменение работоспособности как интегральной психической характеристики мы связываем с изменением состояния, и управлять ею стремимся, управляя состояниями человека. Однако весьма часто мы стремимся решить задачу управления состоянием, не умея точно диагностировать его, не зная, как прогнозировать его изменение. Здесь четко видна необходимость синтеза знания: пока мы не определили состояние как объект, мы не можем диагностировать его; поскольку нет точной диагностики, мы не знаем, что за объект перед нами, и нет возможности прогнозировать его дальнейшее изменение; следовательно, нет возможности им управлять.

Вместе с тем, в истории психологии известны разнообразные эмпирические методы управления состоянием, действие которых еще не до конца ясно, — от психофизиологического до социального уровня, от различных форм обучения до аутотренинга.

В последние годы эффективно работает еще одна важная процедура, которая, в некотором смысле, сродни внушению или аутотренингу в группе, но поднимается на более высокие уровни межличностного взаимодействия. Это — совместная деятельность, которую можно рассматривать как своеобразный социальный фактор управления состоянием индивида и совокупного субъекта, т.е. сам факт такого изменения его состояния может привести к тому, что работоспособность повысится, либо — понизится⁶⁶.

Таким образом, проблема функционального (психологического) состояния оказывается теснейшим образом связанной с психологическим проектированием профессиональной деятельности, особенно в той его (психологического проекта) части, которая относится к профессиональной подготовке и функционированию субъекта деятельности. Так, если речь вести об актуализации, «приведении в действие» системы профессионально важных качеств /ПВК/ субъекта, следует отметить существенное различие между «состоянием» профессиональной пригодности, когда важно оценить потенциальные уровни формирования и сформированности ПВК, с одной стороны, а с другой — состоянием профессиональной готовности, с актуальным уровнем ПВК, когда система психики «готова» действовать эффективно в данный момент времени, в данном месте, при решении данных профессиональных задач. Система потенциальных уровней ПВК связана с общими требованиями профессии, система актуальных уровней ПВК — с необходимостью эффективно решать конкретную текущую задачу.

В практике часто возникают такие ситуации, в которых внимание следует уделять не столько тому, как *формировать ПВК, сколько тому, как использовать их в реальной деятельности наилучшим образом.* Как

⁶⁶ В.В. Новиков, Ю.М. Забродин. Психологическое управление производственной организацией. М., 1991.

видно, здесь возникают другие задачи и нужны другие психологические методы. Ясно, что формирование профессиональной готовности отличается от задач отбора и распределения людей. По сути, при проектировании деятельности, реализуются проблемы психологического управления в двух типах:

- когда мы готовим людей к деятельности, мы, управляя ими в индивидуальном процессе обучения, формируем профессиональные способности, строим систему нужных ПВК, а затем — приводим их «в действие»;
- когда мы выбираем и распределяем людей, то делаем то же самое по отношению к контингенту, к множеству претендентов на рабочее место.

Таким образом, мы также управляем характеристиками ПВК, только в одном случае комбинируем, изменяем внутрииндивидуальные вариации ПВК, а в другом — работаем с интериндивидуальными вариациями тех же самых ПВК для тех же профессий. Эти сходства и различия элементов одной и той же системы психологического управления часто не ощущаются: кажется, что обучение, отбор, тренаж, восстановление функций и другие элементы психологического проектирования — это все как будто совершенно разные задачи.

С точки зрения практики это кажется очевидным именно потому, что существуют ясные практические различия в форме и методах решения этих задач. Следовательно, всегда существуют, как минимум, два разных аспекта анализа ПВК и, решая содержательно указанные проблемы, необходимо найти соответствующие критерии и меры этих качеств; а поскольку мы рассматриваем психические качества, то критерии и меры эти следует искать в психологии. Для этого приходится разбираться в психологическом содержании деятельности, в ее реальных механизмах, в тех свойствах, которые обеспечивают эффективное решение задач, как элементов этой деятельности, т.е. необходимо вновь обратиться к содержательно психологическому анализу деятельности и ее нормативных аспектов, который представляет собой попытки создать «психологический портрет» как профессии на разных уровнях анализа и синтеза профессиональной деятельности, так и самого субъекта этой деятельности.

Правильно отмечая недостатки исторического опыта, состоящие в том, что при традиционном профессиографическом анализе и синтезе ПВК часто упускаются из вида ошибки, качество управления, нечетко вводятся меры (оценки) напряженности и эффективности труда, мы должны отметить здесь известную полезность самой профессиографии, указав границы и цели ее реализации.

Профессиография в современном виде опирается на технологическую структуру деятельности и целью ее является получение перечня требуемых ПВК человека. Иные задачи стоят перед психографическим

описанием — оно должно более точно описывать механизмы регуляции деятельности, ее динамику, и служить следующим приближением к психологическому описанию профессионала. Оба эти уровня анализа и синтеза профессиональной деятельности имеют целью отразить психологические требования к профессионалу, двигаясь от задач деятельности к ее субъекту. Сила этих методов оценивается по тому, насколько точно они позволяют дифференцировать различные профессии.

Мы обсуждали здесь проблемы специфики описания профессий, формирования требований к ПВК и проблемы их развития, т.е. некоторые аспекты системы профессиональной подготовки. Обсуждались проблемы анализа психических функций и процессов, которые являются основными для того или иного рода деятельности, и возможности изменять эффективность работы, управляя функциональным состоянием. Однако, можно управлять состоянием, изменяя также внешние характеристики, структуру и параметры самой деятельности. Это значит, что надо знать пределы и возможности такого «внешнего» управления.

Изменение структуры и средств деятельности, управление характером и распределением во времени последовательности (потока) задач позволяет изменять функциональное состояние человека, влиять на его работоспособность. Так, известны способы управления бдительностью оператора-наблюдателя, когда в целях борьбы с состоянием монотонии в поток сигналов вводятся дополнительные сигналы, искусственно созданные конструкторами и руководителями его работы. Аналогичным образом, представляется полезным вариантом управления состоянием человека формирование связной, зависящей от результатов работы оператора, последовательности решаемых задач — т.е. управление потоком задач. В этом случае, видимо, включаются в действие не только механизмы внешней регуляции, но и саморегуляции состояния, произвольной регуляции эффективности работы.

Одна из таких попыток была реализована в одном исследовании ИПАН СССР⁶⁷: в процессе работы оператора шла перестройка циклограммы в зависимости от результатов решения предыдущей задачи, и это дало возможность повысить активность и качество работы оператора. Однако нужно отметить, что сравнительный анализ обычной и экспериментальной циклограмм показывает, что при этом может нарушаться целостная картина деятельности.

Следует обратить внимание на один методический вопрос, который, однако, является прямым следствием недостаточно прочных связей между методологией, теорией и экспериментом; между психологической наукой и практикой проектирования профессиональной деятельности. С точки зрения общей теории мы понимаем, что все

⁶⁷ См. в кн.: Психологическая устойчивость профессиональной деятельности. Москва-Одесса, 1984.

процессы по природе своей динамичны и все-таки, в конкретных разработках и экспериментах «снимаем» эту динамику при обработке и анализе данных.

Это в особой мере относится к психическому состоянию, поскольку подход к изучению его природы можно найти лишь через изучение структуры и динамики явлений психики, через изучение критических точек динамики психических процессов. При этом крайне важно помнить об особой динамике психических функций, состояний, процессов и их характеристик: следует разводить друг от друга динамику индивидуальную и динамику интраиндивидуальную. Эта сложная «двухуровневая» динамика психики имеет существенное значение. Если интер- и интраиндивидуальные вариации некоторых параметров психики одинаковы, то отсюда следуют одни логические выводы; если они не совпадают (а часто это нам наверняка известно), — тогда нужно иначе подходить к оценке этих параметров, нужно строить «двухуровневые» иерархические классификации психических явлений и качеств для соответствующих классов специальных задач. Может быть, одна из наиболее важных идей состоит в том, чтобы посмотреть на деятельность не только как на объект теоретического анализа, но как на реальность, которая существует в мире, реальность, которая влияет на формирование человека и сама изменяется под влиянием индивидуальных, субъективных характеристик.

С этой точки зрения мне кажется весьма перспективным то, что психология переходит к многоаспектному, уровневому, т.е. системному анализу человеческой деятельности: не только как трудовой; не только как деятельности со сложными орудиями труда в современных человеко-машинных системах; не только как к деятельности нормативной, т.е. исключающей из себя субъекта (с психологической точки зрения), но как к комплексному целостному образованию, в котором субъект деятельности есть действительный и не менее важный объект психологического анализа. Сама деятельность при этом не существует изолированно и реализуется не только «с помощью» орудий труда, но прежде всего, направляется активностью субъекта в разных, в том числе и очень трудных, необычных условиях.

Дальнейшие направления нашей работы можно было бы сформулировать следующим образом. Во-первых, конечно, необходимо строгое и точное включение в психологический анализ деятельности самого субъекта, индивидуального и совокупного, во всей его динамике и вариациях, сложности и целостности. Естественно, что в таком случае следует уделять особое внимание его социальной сущности; рассматривать личность как некоторый интеграл индивидуальных характеристик; оценивать индивидуальность, с точки зрения возможности потенциального изменения ее функциональных характеристик как в процессе выполнения разных видов деятельности, так и разных условиях.

Именно в этом смысле следует изучать психические состояния в разных контекстах, отыскивая возможности их естественной диагностики.

Таким образом, психодиагностика субъекта, психодиагностика его деятельности, психодиагностика условий его работы и, конечно же, психодиагностика его состояний есть первое ближайшее направление нашей работы.

Во-вторых, важное направление — это разработка средств и методов психологического управления. Психологи, в принципе, могут управлять деятельностью, формируя ее режим и алгоритмы, могут управлять функциями и сложностью орудий труда, как это делается в инженерной психологии, могут управлять условиями труда, как это делается сейчас в лабораторных и натуральных исследованиях. Естественно поэтому ставить задачей управление самим субъектом: психологическими средствами и на базе психологического анализа при ясном понимании психологических механизмов такого управления.

Поскольку управление можно рассматривать как перевод некоторого объекта из состояния текущего (наличного) в нужное (заданное), то мне кажется естественным, что в таком контексте возникает ряд вопросов, которые относятся к проблеме «диагностика субъекта и управление его состояниями».

Важно отметить здесь принципиальную возможность управления его «движением», его функционированием в деятельности с помощью всего спектра внешних и внутренних факторов — от социальных до физико-химических, с учетом возможностей и особенностей его регуляции и саморегуляции. Имеется в виду как направленное формирование нужных качеств (например, профессиональное обучение), так и восстановление этих функций (например, рекреация). Короче говоря, полезно в более полном объеме рассмотреть вопросы, связанные с динамическими факторами проектирования профессиональной деятельности, точнее — с психологически обоснованным проектированием: *формированием и управлением состояниями субъекта профессиональной деятельности.*

5.6. Возможности управления психическими состояниями

Прежде всего, необходимо рассмотреть общую проблему управления психическими состояниями в теоретическом аспекте и раскрыть собственно психологическую сторону состояний как специальных чувств (психического отражения внутренних состояний субъекта) и их источника — собственно состояний индивида. Таким образом, *психические состояния не тождественны функциональным состояниям, а последние не тождественны внутренним состояниям организма Sb.* Первые — суть психическое отражение последних (внутренняя психо-

физика), а средние — сплав их в реализации и регуляции жизнедеятельности конкретного Sb.

Выше мы показали, что в теории психических состояний существуют определенные трудности, поскольку при всем многообразии исследований, при феноменологии, богатой и пестрой как восточный базар, при наличии массы различных подходов к проблеме психических и функциональных состояний человека, — до сих пор еще не ясны самые важные, теоретические, основания, по которым выделяется этот класс психических явлений из их многообразия, а также — неясен основной метод их изучения. [Такой метод выявится лишь при развитии теоретического описания этих явлений, создании «идеального объекта», и этот метод есть, по нашему мнению, психофизический метод. Речь идет об описании психического состояния как специальной формы внутреннего отражения состояния организма Sb].

Хотя отечественная медицина давно сформулировала правильный научно-практический принцип: лечить не болезнь, а больного, и хотя все прекрасно знают, сколь богат спектр различных психических состояний; сколь важно знать действительное психическое состояние (поскольку оно исключительно сильно влияет на общее поведение и жизнедеятельность организма и Sb, на стремление Sb выйти из болезни, победить ее; на тот психический или даже психофизический импульс движения Sb, который в значительной степени влияет на то, как на Sb будут действовать те или иные факторы, те или иные процедуры, в том числе различные медикаментозные и хирургические способы воздействия), — тем не менее, общая ситуация в теории психических состояний оказывается весьма неудовлетворительной.

Поэтому следует тщательно разобраться с проблемами и подходами к возможной классификации психических состояний человека (которые могут быть весьма разного типа и требуют множества оснований классификации); рассмотреть вопросы, которые могут иметь отношение к вероятным теоретическим объяснениям природы и свойств психических состояний, — и что особенно важно для «стыка» психологии и медицины — так называемых пограничных состояний, т.е. охватывающих ту область, которая уже не норма, но еще не болезнь.

Эта пограничная область есть поле совместной работы теоретической психологии и теоретической медицины, в которой (в результате) мы должны дать в руки практическим работникам (врачам и психологам) разумные, надежные и научно-обоснованные методы диагностики «пограничных» состояний, — с одной стороны, и разумные, надежные средства профилактики их, препятствующие выходу этих состояний за необратимые, патологические пределы, — с другой.

Таким образом, особое звучание в этом контексте приобретает понятие «нормы», и ясной становится необходимость тщательного исследования (в общем случае, нечеткой, размытой) границы «норма-патоло-

гия». Вопрос этот приобретает сейчас особую остроту, и хотя, возможно, в других областях медицины эти понятия определены достаточно четко, этого нельзя сказать в отношении психических состояний, психических особенностей человека и психических (в т.ч. психогенных) патологий вообще.

Недавние теоретические разработки в области общей психологии позволяют, по нашему мнению, более конструктивно подойти к разрешению этих трудных проблем. Приведенное выше определение психического состояния как (в общем случае, обратимого) автоморфизма (самопреобразования) психики и внутреннего состояния субъекта позволяют более четко связать проблемы психических состояний с вопросами внутренней регуляции и саморегуляции субъекта жизнедеятельности.

Рассматривая спектр возможных автоморфизмов субъекта с точки зрения их обратимости-необратимости, можно обнаружить естественное разбиение множества состояний S_b (и его психических состояний как отражения этих внутренних состояний) на несколько классов; и хотя эти классы образуют перекрытие (т.е. граница между ними размыта), тем не менее, каждый класс обладает четкой функцией принадлежности, и следовательно, естественным критерием различимости.

Таблица 1

Возможные виды и характеристики психических состояний

Вид (класс) состояния (прагматический аспект)	Его основная характеристика (функция принадлежности)
<i>Функциональные состояния</i>	<i>Обратимо:</i> — само (самовосстановление) — при произвольной регуляции (саморегуляции)
<i>Пограничные состояния</i>	<i>Обратимо:</i> — при произвольной регуляции (саморегуляции) — при внешней регуляции (гетеротренинг)
<i>Патологические состояния:</i> <i>а) временные</i> <i>б) хронические</i>	<i>Обратимо лишь при внешнем воздействии</i> — психотерапии; — медикаментозном воздействии; — хирургическом воздействии. <i>Необратимо</i> (негативное и позитивное развитие)

На табл. 1 показана схема предварительной классификации общего множества состояний, не различающая пока реальные состояния организма S_b и (отраженные) психические его состояния⁶⁸. Особый класс

⁶⁸ Напомним, что общее состояние человека, согласно нашему определению, складывается из состояния (внутренних) систем организма и отражения этих состояний в психике самого субъекта. В этом отношении такое толкование близко к пониманию субъективного отражения и взаимодействия $S_b \leftrightarrow \text{Мир}$.

образуют состояния, «выводящие за пределы» области существования систем, как следствия *разрушающих воздействий* в области органики (соматики) и психики: летальные состояния и суицидальные состояния.

Таким образом, спектр возможных состояний организма и психики (отражения) *Sb* образуется как изменение, сдвиг состояния субъекта вследствие непредвиденных и предвиденных изменений во взаимодействии субъекта со средой. В случае предвидимых изменений (воздействий) состояния субъекта можно рассматривать в двух следующих аспектах: как *реакцию на воздействие* (реактивное состояние в широком смысле) и как *рекреацию* (след и «стирание» следа воздействия).

В случае предвидимых изменений (воздействий) этот спектр расширяется и можно рассматривать три разных типа состояний субъекта: преднастройка (профилактика, самонастройка, готовность и т.п.), реакция на воздействие (ослабленная⁶⁹, по сравнению с предыдущим случаем) и запредельная (сверхкритическая) реакция.

С представленной точки зрения легко понять «зонный» характер различных состояний человека, и в этом смысле — наблюдаемую нечеткость, размытость (образа) психического состояния, а иногда — и полную его «беспредметность». В указанном же контексте можно установить границы этих (в общем случае — перекрывающихся) зон: произвольной саморегуляции, произвольной саморегуляции, внешней регуляции и т.д.

Одно из любопытных следствий этого положения состоит в том, что субъект может (и даже должен) устанавливать пределы саморегуляции состояний и тем самым — устанавливать границы допустимых (с его точки зрения) и комфортных состояний, зависящих от условий взаимодействия со средой (окружающей его), т.е. приемлемые для субъекта границы его функционирования. Тогда «резерв» субъекта как системы вычисляется в первом приближении как «разность» между принятой (допустимой) зоной функционирования⁷⁰ и зоной его существования (неразрушения). Так же, в первом приближении, область перекрытия зон саморегуляции и внешней регуляции на этапах рекреации образует так называемые «пограничные состояния».

Трудности, наблюдаемые при исследовании и практической работе с пограничными состояниями, имеют своим происхождением не только исходную нечеткость их существования (отражаемую в их феноменологии). Дело в том, что на границе психологии и медицины исторически сложились несколько специальных (частных) дисциплин. Среди них: медицинская психология, патопсихология и психопатология, нейропсихология, психосоматика и др. Однако, поскольку каждая из них

⁶⁹ Специальный интерес представляют парадоксальные случаи, когда *реакция* после преднастройки оказывается сильнее (по своим последствиям), чем без последней.

⁷⁰ Границы этой области, как показывает практика, могут изменяться как под влиянием внешних (в т.ч. социальных) воздействий, так и самим субъектом.

не определила еще достаточно ясным образом свой предмет и метод, а также — области взаимодействия, остается открытым вопрос о построении общей базы (как конкретно — методологической, так и теоретической), на которой возможны научные и практические контакты между психологией и медициной по всему спектру проблем охраны здоровья и повышения «качества народонаселения» страны.

В то же время, практические потребности общества явно выдвигают на повестку дня вопрос о создании службы психологического обеспечения или психологического сопровождения (физиологической, биологической и социальной) реабилитации предпатологических и патологических «отклонений» в жизнедеятельности конкретного человека.

Вообще говоря, речь идет о более общих и широких задачах: диагностике и прогнозе, профилактике и терапии этих временных, нежелательных «отклонений» на жизненном пути человека, построенных на общей базе психологических и медицинских знаний (научно-обоснованного «сопровождения» человека в болезни как при вхождении, так и при выходе из нее). При этом «психологическое сопровождение», как показывает практика, оказывается крайне важным при разного рода стрессовых состояниях, при снятии «боязни боли и болезни», при снятии «страха риска» и т.п., — которые снижают психический «потенциал сопротивляемости» больного человека (при родах, хирургических операциях, в случае онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний и других «болезней века»). Во всех этих случаях «психологическая помощь» человеку оказывается весьма эффективной и тому есть немало примеров.

Возвращаясь к общетеоретическим вопросам, отметим, что одна из «больных точек» современной психологии — это отсутствие простых и надежных средств психологической диагностики различных психических состояний (особенно — их кратковременных сдвигов). В принципе, психологическая наука и практика накопила значительный арсенал различных методик и процедур психодиагностики состояний на разных уровнях, начиная от психофизиологических методов (так называемого «объективного» контроля состояний), которые базируются на вполне определенной теоретической концепции связи психического и физиологического, и кончая собственно субъективными (в частности, интроспективными) психологическими методами⁷¹, которые имеют в своей основе совершенно иные теоретические представления о природе, о методах изучения психики. Не вдаваясь в детальное обсуждение и критику различных концепций и методов, могу отметить лишь, что часто они дают взаимоисключающие результаты, и теоретико-экспериментальные исследования здесь, по нашему мнению, только начинают приобретать прочную научную основу. Важнейшие теоретические про-

⁷¹ См., например, Б.В. Зейгарник. Теории личности в зарубежной психологии. М., 1982; Е.Т. Соколова. Проективные методы исследования личности. М., 1980; А. Анастаси. Психологическое тестирование. М., 1982.

блемы лежат на стыке психологии и медицины в обсуждаемом классе явлений: они относятся к созданию научно-обоснованной классификации различных состояний (включая понятия нормы и ненормы), теоретическому анализу их природы и динамики, а также — разработке надежных методов их идентификации (диагностики).

Следует отметить, что разрешение этих проблем, по нашему мнению, есть единственно разумный путь к научному (а не эмпирически) обоснованному управлению психическими состояниями человека и к управлению состоянием человека в целом. Теоретическая ясность в этих вопросах позволит снять мистический, мифический, а иногда — и шарлатанский, покров с проблем и методов психорегуляции и управления состоянием человека, в том числе, со всей сферы психосоматических отношений в широком толковании. Имеются в виду многочисленные, но слабо научно обоснованные (и понятые) феномены медитации, «психотренировки», измененных состояний сознания и т.д., а также целые течения психорелигиозного толка.

Таким образом, ясно, что в области управления состоянием существует множество своих особых проблем, и есть свои трудности. Начиная от того, что не получает еще достаточно ясного теоретического (и правильного методологического) объяснения и обоснования обширная область «внутренней психофизики» или — психосоматика.

Слабо исследованы реальные возможности и диапазоны произвольной регуляции (саморегуляции) состояний субъекта, неясна пока даже в общих чертах специфика этой саморегуляции.

Наконец, плохо (с психологической точки зрения) изучены различные методы регуляции и саморегуляции состояний (механизмы и области их действия, эффекты и ограничения, показания и противопоказания): суггестия и аутотренинг, психотренировка и медитация (в том числе, с мысленными «приказами» самому себе⁷²) и др.

Все же, несмотря на пессимистическую картину, в этой области наблюдается расширяющийся прогресс, и он связан не только с растущим (вновь) интересом к «таинственным явлениям» человеческой психики. Становится все более ясным, что управление (и самоуправление) состояниями человека оказывается возможным на различных уровнях психической реальности: на уровне эмоций и чувств, на уровне ощущений и образов, на уровне мысленного (волевого) приказа и т.д.

Факты и экспериментальные исследования показывают, что практические эффекты такой «внутренней психофизики» или психосоматики достаточно велики, а проблемы — теоретические и практические — также оказываются сложнее и фундаментальнее, чем представлялось ранее.

Оценивая в общем ракурсе разнообразные методы управления состоянием человека (в том числе, психическим состоянием), нужно

⁷² См., например, Х. Алиев. Защита от стресса. М., 1996.

признать также, что в настоящее время при всем их многообразии и изрядной (порой) эффективности всех их объединяет отсутствие ясного ответа на один важный вопрос.

Этот вопрос имеет и методологический, и теоретический аспекты — само воздействие на «внутреннее движение» субъекта оказывается пока еще не очень ясным по «точке», месту и времени его приложения, по необходимой и достаточной его дозировке. [Напомним, что существуют достаточно сильные разного рода плацебо-эффекты; известно, что одни и те же воздействия дают в разное время диаметрально противоположный эффект и т.п., — а это означает, что пока еще много неясного в отношении показаний и противопоказаний применения разных методов и средств управления состоянием].

Это особенно важно, поскольку все больший интерес и распространение получают различные методы внушения и самовнушения (существуют весьма экзотические формы таких процедур, довольно хорошо технологически проработанные и дающие полезный практический эффект, а также разнообразные методы гипно- и ауто-тренинга). Теоретический анализ накопленного опыта работы с нормальными здоровыми людьми показывает, что нормальная (неэкзотическая) саморегуляция и регуляция состояний охватывает три (уже привычных для психологии) уровня: природный (среда), субъектный (произвольное управление) и социальный (общение, речь и социальные нормы).

При этом уровень природных взаимодействий включает в себя «низшие», неосознаваемые уровни регуляции как со стороны внешних воздействий (среды), так и внутренних состояний субъекта. Субъективный уровень, по преимуществу, связан с проблемой формирования более или менее устойчивых образов состояний и даже образов, связанных с различными состояниями (сравни различные техники медитации и формулы ауто-тренинга). Социальный уровень включает, помимо прочего, осознанные образы состояний не только самого субъекта, но и внешнего мира, в том числе образы мотива и цели (и их проекции на внешний мир, при осуществлении практической деятельности).

Один из возможных теоретических путей в исследовании произвольного управления состоянием (в том числе, функциональным состоянием в профессиональной деятельности) состоит, по нашему мнению, в теоретическом развитии идеи анализа деятельности с помощью понятия задачи и исследовании состояния субъекта как его внутреннего движения, изменения (автоморфизма) при взаимодействии с Миром. Суть этого подхода в применении к управлению состоянием заключается в том, что психическое состояние есть субъективный образ объективного внутреннего движения и изменения (автоморфизма) самого субъекта.

При этом, во-первых, этот образ есть элемент пространства психических чувств (интенционных — влечение, стремление, аффект и т.п.; оценочных — эмоции, эмпатии и т.п.; «собственных» чувств — настрое-

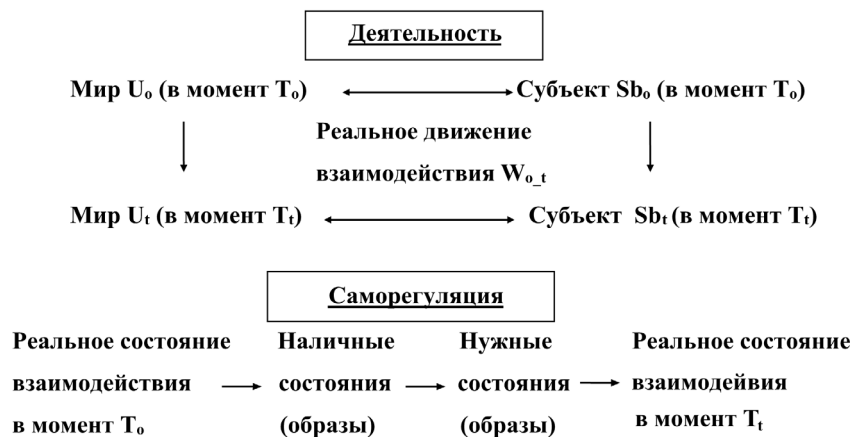
ний, состояний и реактивных образований — переживание удачи и неудачи, фрустрации, стресс и т.д.), и образ этот достаточно неопределен, размыт и часто — неадекватен (сравни с психическим отражением внешнего мира).

Во-вторых, в случае произвольной саморегуляции, возникает специальная задача саморегуляции как управления внутренним движением субъекта. Тогда, по аналогии с задачей преобразования внешнего Мира, можно построить теоретическую схему решения задачи саморегуляции, где есть свой мотив и своя цель, обращенные «внутри» субъекта: это образы наличного Sb_0 и потребного Sb_t состояний самого субъекта.

В этом случае в решении задачи саморегуляции образуется некий вектор саморегуляции, в известной мере, аналогичный вектору «мотив U_0 — цель U_t », образуемому при регуляции человеческой деятельности во внешнем мире.

Здесь хотелось бы отметить факт, экспериментально обнаруженный в Институте психологии АН СССР В.В.Семикиным. В лабораторных экспериментах он показал, что так определяемый вектор саморегуляции может расходиться по направлению с «вектором» деятельности, определенным как «мотив-цель»⁷³. Теоретическое значение этого факта, по-видимому, выходит за пределы регуляции работоспособности оператора (где он был обнаружен), и имеет общепсихологический смысл.

Рассмотрим теоретически ситуацию взаимодействия субъекта с Миром и отражения этого взаимодействия:

Суть приведенной схемы состоит в том, что в реальном мире *происходит движение действительного взаимодействия* Субъект — Мир, в целом. При этом изменяется (целенаправленно) внешний мир (из U_0 в U_t), но также изменяется (целенаправленно) и субъект (из Sb_0 в Sb_t).

⁷³ Б.Ф. Ломов. Методологические и теоретические проблемы психологии, М., 1984.

В естественном движении субъекта во взаимодействии с миром само взаимодействие отражается целно и адекватно задаче (цели). Но когда ставится *сознательная задача* преобразования мира (U_o, U_t) и одновременно — *сознательная задача* произвольной саморегуляции, тогда теоретически возможно «расщепление» отражения взаимодействия $W_{от}$, и субъект решает *одновременно* две разных (сознательно поставленных) задачи.

Экспериментальные данные доказывают, что субъект действительно может решать эти задачи как *две разные, несовпадающие во времени и в пространстве взаимодействия* W . Тем самым доказывается факт «расщепления» компонентов взаимодействия (в сознании Sb), и косвенно подтверждается возможность «потери» образа взаимодействия — с одной стороны, и движения (в отражении) субъекта в пространстве — времени самого взаимодействия, т.е. «расщепления» *движения на пространственную и временную составляющие*.

В таком случае возникает множество частных теоретических следствий и экспериментальных задач, имеющих ясный практический смысл. Так, возникает проблема формирования (точнее — восстановления) связи Sb_o с U_o и Sb_t с U_t , поскольку возможно *изолированное независимое преобразование* U_o в U_t и Sb_o в Sb_t , а это означает, что U_t и Sb_t могут не сойтись в общей (желаемой) точке конечного взаимодействия W_t , т.е. *конечное состояние* субъекта деятельности будет *не соответствовать конечной цели* — преобразованному состоянию мира U_t .

Этот пример показывает, что данный подход приоткрывает возможность исследования и объяснения многих практических проблем:

- «потеря» реального движения на отрезке $[W_o, W_t]$ не дает возможности отразить и предвидеть все последствия достижения цели U_t ;
- анализ только результатов практической деятельности U_o, U_t («экономической задачи») оставляет за пределами научного исследования субъектную сторону деятельности и реальное изменение Sb_o, Sb_t в процессе этой деятельности («социальную» задачу);
- изучение только состояний Sb_o, Sb_t «открывает» проблемы регуляции деятельности (в т.ч. функциональных состояний) и рекреации S_b в ходе и после самой трудовой деятельности, но в свою очередь, ограничено центрацией на субъекте. Последнее, в частности, может привести к тому, что медико-психологическое сопровождение движения Sb (из Sb_o в Sb_t) отрывается от целостного анализа существенных моментов жизненного пути человека — его трудовой деятельности и т.д. и т.п.

Рассмотренные выше проблемы диагностики и управления состоянием (в т.ч. психическим состоянием) человека образуют, помимо фундаментальных психологических проблем, два важных направления, принципиально лежащих на стыке сфер действия психологических и медицинских наук. Это, во-первых, развитие теории состоя-

ний, исследование их природы и сущности, диапазонов их собственного движения, идентификации и классификации состояний (в крайней, узкой прагматической направленности, это — построение границ, «норма — не норма»). Во-вторых, это исследование возможностей и методов управления состоянием, как внутренним движением (самопреобразованием) субъекта в целостном процессе его взаимодействия с Миром⁷⁴.

Таким образом, отправляясь от фундаментальных проблем *психических состояний*, можно подойти к проблеме *функциональных состояний*, затем, от них — к *функциональной патологии*. Указанные направления имеют существенное значение как для развития самой науки (в т.ч. медико-психологического цикла), так и для решения практических вопросов, связанных с повышением эффективности трудовой деятельности человека и улучшением качества его собственного развития.

⁷⁴ Г. Селье. Очерки об адаптационном синдроме. М., 1960; Он же. Стресс и дистресс. М., 1967.

Глава 6. ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

6.1. Общая теоретическая постановка проблем психологии профессионального становления

Общие принципы дуального подхода. Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов: данных литературных источников и наших собственных теоретических и эмпирических исследований (результаты которых приведены в предыдущих наших публикациях⁷⁵), позволяет теперь сформулировать основные принципы изучения процессов профессионального становления человека с позиций принятого нами дуального подхода к *акмеогенезу человека* (суть которого также была сформулирована в нашей книге⁷⁶).

Важным отправным пунктом этого подхода является показанная нами выше возможность практического соединения *субъектного и за-дачного подходов* в общем анализе проблем, связанных с психологическим исследованием и практической помощью в решении задач *акмеогенеза* — формирования и развития человека как гражданина и профессионала.

В результате такой постановки и осуществления психологического анализа, как показывают результаты многочисленных исследований как наших собственных, так и наших учеников и сотрудников⁷⁷, мы выделяем новые направления в изучении проблем профессионального становления, которые прежде не были намечены в психологических разработках: они включают целые классы проблем, связанных с деятельностью практического психолога и психологических служб как механизмов социального управления процессами общественного производства человека. Их функциональная схема позволяет понять общее строение тех функций, процессов и явлений, с которыми сталкивается практический психолог в ходе решения конкретных задач диагностики, психологической помощи и поддержки человека как становящегося профессионала на его жизненном пути.

Нужно подчеркнуть, что эта схема в целом представляет результаты обобщения теоретических подходов, имеющихся в общей, возрастной и педагогической психологии с позиций психологического ана-

⁷⁵ См. Ю. Забродин 1970—1996 гг.

⁷⁶ Ю.М. Забродин «Модели личности в психодиагностике». М., 1994; Ю.М. Забродин. Очерки теории психической регуляции поведения. М., Магистр, 1997; Ю.М. Забродин, В.Э. Пахальян. Психодиагностика. М., Эксмо, 2010.

⁷⁷ См. Труды ВНЦ профориентации и психологической поддержки. Вып. 1 и 2, 1994, 1997.

лиза профессионального становления человека, специфицированного с точки зрения нашего видения и нашего понимания этих проблем. Если рассмотреть основные этапы жизненного пути субъекта, можно обнаружить как бы два рода «кризисных», критических для профессионального развития моментов: возрастного развития и «включения» в разные социальные институты (образовательные, профессиональной подготовки и профессиональной занятости).

Мы уже отмечали эту особенность дуального подхода: она предполагает неразрывное единство всех связей и отношений субъекта на его жизненном пути⁷⁸, изучение субъекта в двух системах, определяющих его профессиональное становление и развитие. Эти две системы суть:

- система естественных законов его «движения», в которой мы изучаем субъекта как развивающегося индивида;
- система его социальных связей и социальных институтов, в которой он выступает как становящаяся, социально обусловленная, личность — профессиональный работник.

При этом в отличие от классических исследований, выделяющих прежде всего этапы, связанные с развитием человека в его собственном возрастном аспекте, мы придавали приоритетное значение критическим моментам его движения в социальной сфере: через общеобразовательную и затем — профессиональную школу в сферу профессионального труда. Напомним, что в соответствии с этой логикой мы и выстраивали наш анализ ранее, рассматривая социальные проблемы профессионального труда в современных условиях⁷⁹, подходы и модели профессионального становления личности, структурные модели личности⁸⁰, технологические требования профессии к человеку и собственно специфику работы практического психолога⁸¹.

В силу особой актуальности мы выбрали для конкретного изучения вопросы психологии профессионального становления, включающие процессы, протекающие на фоне общих процессов человеческого развития. Такое сужение области анализа, однако, не означало, что мы разделяем процессы личностного развития на два непересекающихся класса — процессы гражданского и процессы профессионального становления. В этом состоит вторая особенность дуального подхода: мы рассматриваем личностное развитие человека на разных этапах его

⁷⁸ Смотри, например, Б.Г. Ананьев. О проблемах современного человекознания. М., 1977; В.С. Мерлин. Об интегральном исследовании индивидуальности. Пермь, 1977; Б.Ф. Ломов. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984; К.К. Платонов. Система психологии и теория отражения. М., 1982 и др.

⁷⁹ Ю.М. Забродин, Н.А. Носов (ред.) Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы. М., 1997.

⁸⁰ Ю.М. Забродин Модели личности в психодиагностике, М., 1994; Ю.М. Забродин. Очерки теории психической регуляции поведения. М., Магистр, 1997.

⁸¹ *op.cit.*, Ю.М. Забродин в кн.: Сборник научных трудов ВНИЦ профориентации, вып. 1, М., 1994; «Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы», М., 1997.

жизненного пути в неразрывном единстве формирования общих установок и ценностей, отношения к миру и обществу, к той ситуации, которая реально складывается на современном рынке труда и профессий.

Третья особенность дуального подхода прямо вытекает из предыдущего: он предполагает выделение трех компонентов общей проблемы внутри области, которую мы обозначили как «психология профессионального становления». Когда мы говорим о «трех компонентах» психологии профессионального становления, то естественно, что прежде других речь идет о *феноменологии и психологических закономерностях возрастного развития личности, о специфике профессионального становления в субъектном плане*, и этот план составляет первый компонент психологии профессионального становления.

Второй компонент непосредственно связан с *деятельностью практического психолога*, с теми реальными задачами, которые ставит перед ним социальная практика, и которые он должен решать в современных условиях, когда «прямые» государственные связи между сферами образования и занятости по существу разрушены и заменяются новыми, которые только еще складываются в новой социально-экономической ситуации. В таком случае специальный психологический анализ деятельности практического психолога становится вторым, необходимым компонентом психологии профессионального становления. Изучение структуры этой деятельности, ее технологических, процедурных особенностей должно, по нашему мнению, стать дополнением существующих работ по исследованию социальной функции психологических служб и конкретизацией общего профиля тех работ, которые стоят перед практической психологией (просвещение, профилактика, диагностика, консультирование и коррекция).

Третий компонент психологии профессионального становления также связан с требованием времени: необходимо заранее знать вероятные последствия психологического «вмешательства» в судьбы отдельных людей, в развитие личности, в процессы личностного выбора. Поэтому *изучение с помощью «каузальных моделей»* (а на данном этапе — всего лишь каузальных гипотез) возможных «эффектов действия» практического психолога, то есть усиление прогностического момента в его работе, также должно стать предметом специального изучения в ближайшем будущем.

С учетом высказанных соображений и на основании результатов исследований, описанных выше, как раз и удалось построить более точную модель такой трехкомпонентной структуры, которая развивает общую идею, которая подразумевает учет технологических особенностей деятельности практического психолога в ходе решения реальных задач психологической поддержки и помощи человеку на разных этапах его профессионального развития и которая раскрывает роль и место процессов прогнозирования упомянутых ранее «эффектов действия».

Поскольку реальный субъект существует реально в системе всех своих отношений: «натуральных» (субъект — объектных) и «социальных» (субъект — субъектных), постольку психологический анализ не может исключить из сферы своего внимания ни проблемы «отношений» субъекта к реальности (его видения Мира и его ценностных ориентаций в нем), ни проблем отображения реальности (знаний и представлений о «мире людей» и «мире профессий»), ни проблем преобразования этой реальности (активной деятельности самого субъекта именно как субъекта профессиональной деятельности).

В этом последнем аспекте мы видим также необходимость рассмотреть в качестве особых вопросов психологии профессионального становления проблемы профессиональной пригодности, подготовленности, готовности к профессиональному выбору и готовности к профессиональной деятельности. А это означает, что кроме классических вопросов соотношения способностей к деятельности и требований к субъекту со стороны «мира профессий», необходимо изучать, наряду со структурой способностей и направленностью личности, ее общее отношение к труду, ее психологическое состояние, возможности и механизмы личностной защиты в неблагоприятных условиях профессионального конфликта (прежде всего, внутрилличностного). При этом как раз и выявляется необходимость увидеть значительный отрезок жизненного пути человека на общем фоне тех социально-экономических условий и обстоятельств, которые складываются в обществе в настоящее время: «связка» между системами образования и занятости оказывается «открытой», находящейся как бы вне прямого государственного контроля.

Неоднократный «личностный выбор» демонстрирует новое явление, которое обнаружило себя на российском «рынке труда» и характерным признаком которого становится относительно свободное «движение» субъекта между отдельными компонентами этого рынка: системой профессионального обучения и переобучения («рынком» учебных мест), «рынком рабочих мест» (вакантными рабочими местами) и «рынком рабочей силы» (контингентом лиц, не занятых в сфере общественного производства).

Наличие такой «свободы» движения профессионального работника обращает наше внимание на проблемы личностного статуса, психологического состояния субъекта в совершенно новом ключе: это состояние становится одним из важнейших факторов дальнейшего движения субъекта по его жизненному пути. Оно психологически детерминирует новую, не известную ранее в нашем обществе, «критическую точку» в профессиональном становлении и профессиональном развитии человека: состояние личности в этот момент определяет характер и особенности «второго» личностного выбора — принятия решения о прекращении работы и о дальнейшем развитии профессиональной карьеры.

Понятно, что «социальный фон», на котором разворачивается этот выбор, стал совершенно другим в настоящее время, и структура личностного выбора задана совершенно определенными социальными ограничениями: возможностью продолжения работы, которая часто не зависит прямо от желания работника; переменной «характера» социального статуса в сфере занятости («наемный рабочий», государственный служащий, предприниматель, индивидуальный «ремесленник», временно занятый «социальный работник» и т.п.); переменной «социальной роли» («трудоустроенный» — «безработный»).

Необходимо принять во внимание также необычную для цивилизованных стран специфику реально складывающегося в России рынка рабочей силы, примерный прогноз развития и упоминавшаяся ранее «каузальная модель» которого были сделаны сотрудниками Министерства труда и социального развития России и ВНЦ профессиональной ориентации и психологической поддержки⁸².

Учитывая, кроме того, резко возросшую «личную ответственность» самого субъекта за выбор жизненной перспективы, да еще в условиях осложненной конкуренцией и расширенного экономическими условиями спектра вариантов выбора, можно представить, что такое решение становится мощным стрессогенным и фрустрирующим фактором в реальной жизненной ситуации личности.

Психологическая помощь в осознании и в преодолении возникших жизненных трудностей на данной критической точке становится просто необходимой, и заключается она совсем не в решении привычных проблем «matching», диагностики ПВК, профессионального отбора и подбора. Эта ситуация принципиально ставит практического психолога «по одну сторону баррикады» с попавшим в нее человеком, она требует отчетливой гуманистической ориентации психолога, поскольку на него ложится значительная часть (прежде гарантированных государством) функций социальной защиты личности.

Практическое появление таких случаев и вынудило нас ввести в качестве одного из эффективных критериев профессионального становления и профессионального развития психологическое состояние человека (теоретический анализ состояний см. выше в главах 5 и 6).

Понятно, что при этом исследование и разработка способов «выхода» и «вывода» личности из таких неблагоприятных ситуаций, которые в ближайшем будущем станут массовым явлением, заставляет нас изменить всю точку зрения на процесс профессионального развития человека, и рассматривать его как процесс ***акмеогенеза, становления взрослого человека как гражданина и профессионала.***

⁸² См. Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы. М., 1997; Ю.М. Забродин. Теория личности и управление человеческими ресурсами. М., Финстанформ, 2002.

В процессе выработки новой точки зрения, в нашем теоретическом обобщении мы, конечно же, стремились использовать все те результаты, которые были получены в исследованиях наших коллег и предшественников. Вместе с тем, мы должны отметить еще раз теоретическую неразрешенность в рамках психологической науки указанного нами противоречия между *линией развития человека* (и исследованиями этого развития) и *логикой развития общества* (динамикой сфер образования и занятости).

Отмеченное противоречие, возникающее как социальное, становится на индивидуальном уровне специальным объектом изучения психологии профессионального становления: оно включает в себя, с одной стороны, вопросы развития общих и специальных способностей; интересов и склонностей; жизненных планов и намерений индивида, его конфликтов и кризисов в ходе движения по профессиональной карьере; с другой стороны, — динамики социального и научно-технического прогресса, который часто радикально меняет характер взаимоотношений между сферами образования и занятости и характер самих этих сфер; а с третьей стороны — требует включения профессионально подготовленного психолога в новый социальный механизм, обеспечивающий оптимизацию разрешения этого противоречия.

В приведенных выше положениях, раскрывающих нашу точку зрения на психологию профессионального становления, мы видим принципиальную особенность дуального подхода. Знание специфических закономерностей «личностного контакта» с «миром профессий», которое может быть дано профессиональным психологом, требует активного участия психолога в виде помощи становящемуся и действующему профессиональному работнику при определении, «снятии» и профилактике тех трудностей, с которыми субъект встречается на своем жизненном пути.

Расширяющееся применение психологических знаний в практической деятельности людей всякий раз возрождает к жизни давний вопрос о формах, методах и собственно технологии работы практического психолога. При этом попытки описать психологический инструментарий и составить некоторое руководство к его применению постоянно вызывали и вызывают острую и часто обоснованную критику. Действительно, хорошей конструктивной теории или хотя бы достаточно прочных научных основ разработки, создания и применения техники и методов практической психологии до сих пор нет. Да и сама деятельность психолога-практика до сих пор рассматривалась более как искусство, нежели как профессионально выверенные правила и алгоритмы организации соответствующих процедур, смысл и цель которых в большинстве случаев состоит в извлечении, систематизации и упорядочении специальной информации о конкретном человеке и сопоставлении ее с системой психологических категорий, теорий, концеп-

ций и моделей. В этом отношении из всей массы методов практической работы специалиста-психолога никак особо не выделяются и те из них, которые образуют первую фазу «интерперсонального контакта» специалиста-психолога и того, кто к нему обратился, — мы имеем в виду психодиагностические методы.

Мы хорошо помним устойчивую, хотя не всегда оправданную, негативную реакцию «классической психологии» на попытки применения психодиагностических тестов: считалось, что за тестами «нет настоящей глубокой теории», что их отчетливый прагматизм не опирается на научную основу, а если таковая и есть, то она не соответствует принятым в нашей стране концепциям и подходам. Тем не менее, так называемые «тесты» получали и получают широкое, хотя и полуправильное распространение в исследовательских лабораториях, в клинической практике, на предприятиях, в школах и т.п. Несмотря на критическое и даже пренебрежительное отношение к тестам, существует, на наш взгляд, по крайней мере, один веский аргумент в их пользу: все эти психодиагностические процедуры позволяют получать информацию об индивидуальных психологических особенностях конкретного человека, о его отличии от других людей.

Понятно, что этот аспект применения психодиагностических методов можно рассматривать как один из важных критериев эффективности тестов, как и любых других конкретных психодиагностических процедур: насколько полна, точна и надежна получаемая с их помощью информация, насколько она поддается научному толкованию и специальной интерпретации⁸³.

Мы уже указывали, что проблема интерпретации данных психодиагностического метода теснейшим образом связана с понятием валидности теста. Эта связь, однако, не вполне очевидна и не проста: дело в том, что она лежит «в стороне» от привычной логики оценки теста, поскольку большинство специалистов по психодиагностике, в силу совершенно понятных психологических причин выпускает из вида то обстоятельство, что «интерпретация» психодиагностических данных, во-первых, имеет два уровня: интерпретация в терминах принятой математической модели обработки данных и интерпретация в терминах психологической концепции, принятой тем или иным специалистом⁸⁴.

Психологические причины «выпадения» из поля внимания специалистов отмеченного выше обстоятельства лежат в особенностях организации мыслительного процесса: при обсуждении той или другой предметной реальности люди не отдают себе отчет в том, что каждый

⁸³ А. Анастаси. Психодиагностические методы М., 1987; Ю.М. Забродин. Проблемы разработки практической психологии. ПЖ, т. 1, № 1, 1980; Ю.М. Забродин. Теория личности и управление человеческими ресурсами. М., Финстаинформ, 2002.

⁸⁴ Ю.М. Забродин, С.А. Николаев. Социально-психологические принципы организации деловых контактов. В кн: Сборник научных трудов ВНИЦ профориентации, М., 1994.

из них «видит» (говоря психологическим языком — отображает) одну и ту же реальность по-своему.

Поэтому-то психологическое умение интерпретировать диагностические данные и расценивается как «искусство», поскольку крайне редко (а в специальной литературе — почти никогда) не обсуждается вопрос о соответствии этих разных моделей: модели реальности, существующей «в голове» специалиста (то есть его собственных представлений о психической реальности, его психологических знаний и предпочтений); математической модели обработки данных тестирования (то есть части технологического процесса применения метода); психологической модели реальности, принятой «конструктором» теста (то есть психологической основы для создания методики, выбранной ее автором).

Если учесть к тому же, что все эти модели так или иначе интегрируются в рамках «модели решаемой задачи», о которой мы говорим при обсуждении содержательной стороны деятельности практического психолога, то станет совершенно понятным, что их стихийное, неосознаваемое и не отраженное в рациональных понятиях соотношение — без которого и невозможна адекватная интерпретация данных — в действительности сильнейшим образом зависит от личного опыта и вкуса практического психолога, и в действительности в таком случае является скорее искусством, чем наукой.

Напомним, что практически все тесты достижений и тесты профессиональной успешности являются более или менее удачными имитаторами реальных ситуаций, в том числе: орудий труда (машин, органов управления, информационных досок и приборов, с которыми работает человек); задач, которые он решает; условий и обстоятельств, в которых ему приходится работать, — и все они требуют от человека актуализации тех общих или частных знаний, навыков и умений, которыми он располагает к моменту тестирования⁸⁵.

Напомним также, что представление об измеряемом психическом феномене существует только «в сознании» исследователя, то есть не имеют прямого наблюдаемого представления в предметной реальности. Черты характера и темперамента, способности и интеллект относятся к числу таких феноменов. Разработчик, исследователь может лишь строить гипотезу о существовании того или иного психического явления, о формах и характере его проявления.

Поскольку проявления названных феноменов в поведении, деятельности человека многообразны и неоднозначно указывают на тот или иной «психологический конструкт» (в смысле R. Kelly⁸⁶), процедура установления конструктивной валидности менее определена, чем

⁸⁵ См. D. Meister. Behavioral Analysis and Measurement Methods. N.-Y., 1985.

⁸⁶ Ф. Франселла, Д. Баннистер. Новый метод исследования личности. М., 1987.

при установлении валидности по содержанию и по критерию. В данном случае особенно очевидной становится опасность рассогласования умозрительных психологических конструктов (в нашей терминологии — моделей) у создателей тестов, с одной стороны, и у их пользователей — с другой.

Обратимся за конкретному примеру: если допустить правомерным существование такой характеристики личности, как экстраверсия, то в качестве поведенческих проявлений этой характеристики (лежащих в обосновании этого психологического конструкта) можно рассматривать такие объективные реакции, как интенсивность мимики и жестикуляции, число слов в единицу времени, число социальных контактов в течение дня и многие другие. Каждый из этих объективных показателей поведения, по всей вероятности, дает определенную, хотя и не исчерпывающую информацию об экстраверсии человека, но даже в совокупности они не являются адекватными индикаторами этой характеристики.

В связи с этим необходимыми становятся статистические сопоставления результатов выбранного теста как с данными других методик, с помощью которых оценивается эта характеристика, так и с объективными или принимаемыми за таковые поведенческими реакциями человека.

Как мы отмечали выше, проблема валидности психодиагностических процедур оказалась теснейшим образом связанной с проблемой интерпретации тестовых данных. Продолжая рассмотрение проблемы интерпретации, мы должны подчеркнуть, что в современном тестировании есть одно обескураживающее несоответствие: с одной стороны, разработаны и продолжают развиваться строгие статистические процедуры обработки данных, утверждаются в действующей практике строгие критерии измерения психических явлений, а с другой — налицо явно «нестрогие» правила обоснования соответствия теста изучаемому явлению и чрезвычайно затрудненная для практического решения задача конкретной и точной интерпретации полученных результатов в терминах теоретического знания психологии.

Мы отмечали также, то это несоответствие в значительной степени является основанием критики метода тестов вообще⁸⁷. Вместе с тем, наш анализ позволяет увидеть, что современные специалисты по теории тестирования, обсуждая эту проблему, ограничиваются лишь первым уровнем интерпретации, построенным исключительно на привлечении количественных критериев. Так, Г. Линерт в книге «Построение и анализ тестов» (Берлин, 1969) в гл. XVI «К интерпретации объективных результатов тестов» рассматривает лишь вопросы взаимосвязи стандартной ошибки измерения с надежностью индивидуальных

⁸⁷ Ю.М. Забродин. Развитие советской психологии и задачи психологической службы. ПЖ т. 6, № 6. 1984.; Рубцов В.В., Забродин Ю.М. Компетентностный подход как концептуальная основа связи профессионального образования и профессионального труда // Вестник практической психологии образования. 2012, № 3, с. 3–13.

тестов, обсуждает идею использования уравнений простой регрессии при интерпретации результатов тестирования и т.д.

Конечно одной из важных составляющих научного тестирования и основой научной интерпретации результатов тестовых испытаний является наличие психологически и статистически обоснованных норм. Однако, вся современная литература по тестологии буквально «зациклилась» на этом моменте, и тестовая норма понимается теперь не иначе, как *установленное на базе репрезентативной выборки усреднение количественных данных в результатах выполнения теста*. Существует обширная дискуссия по этому вопросу, в ходе которой разработано даже специальное «деление» норм: на групповые, профессиональные, школьные, национальные, универсальные и др. «Размножение» норм уже переходит всякие мыслимые границы.

Можно согласиться, что без количественного обоснования квалифицированная интерпретация тестовых данных действительно невозможна, но можно утверждать, что применение только количественных подходов и создает то исключительно неудобное положение для практикующего психолога, в котором чрезвычайно ответственное и чрезвычайно важное значение приобретает не знание, а интуиция исследователя при описании, обобщении и объяснении эмпирических данных.

6.2. Компетентностный подход как концептуальная основа связи профессионального образования и профессионального труда

За прошедшее десятилетие система образования России претерпела существенные изменения. С одной стороны, эти изменения понятным образом обусловлены действием новых социальных факторов, оказывающих влияние как на общество, так и на образование. В числе таких факторов можно назвать изменение социального устройства и смену уклада жизни, экономическую нестабильность и военные конфликты, развитие новых информационных технологий и возросшее влияние средств массовой информации, девиации социального поведения и др. С другой стороны, сегодня мы вполне ответственно говорим о заметном изменении социальной роли института образования в обществе. Это изменение выражено, по крайней мере, в двух обстоятельствах — в отсутствии определенной идеологии в образовательном и воспитательном процессе и в значительном расширении ассортимента образовательных услуг.

В этой ситуации остро ощущается разрыв между эффектами существующей системы образования и требованиями, которые предъявляет растущему человеку современное общество, в первую очередь, профессиональный труд. Знания, умения и навыки по отдельным учебным

дисциплинам зачастую превращающиеся в самостоятельные смыслы, слабо связаны с реальными требованиями жизни.

Социологические, психологические, педагогические исследования и практические разработки позволяют обнаружить некоторые негативные тенденции, устойчиво проявляющиеся в российском образовании:

- наблюдается повсеместное экспериментирование в образовании и с образованием, разрушающее существующий базовый формат образования;

- неоправданно перегружен характер содержания образования;
- снижается качество образования, падает престиж учительского

труда;

- остро ощущается и требует скорейшего разрешения проблема воспитания и социализации молодежи;

- увеличивается число детей с девиантным поведением, налицо повышение уровня криминогенности в подростковой сфере;

- слабо учитываются индивидуальные особенности, склонности и интересы ребенка, образование все в большей мере приобретает характер «сложной проблемы» для детей и родителей;

- снижаются показатели психического и физического здоровья, эмоционального благополучия детей (особенно это относится к младшему школьному и подростковому возрастам).

В условиях, когда позиция системы образования относительно негативных явлений современной жизни четко не определена, сама школа часто становится источником целого ряда поведенческих факторов, опасных для учащихся⁸⁸. Вместе с тем, в настоящее время как никогда остро ощущается потребность в модернизации прежней психологической службы в связи с изменением социального запроса и сменой приоритетов в российском образовании. Как показывает опыт, кардинальное сокращение числа детей школьного возраста вне школы⁸⁹, возможно только и, прежде всего, за счет *переопределения и согласования функций и роли* всех основных социальных институтов общества: образования, здравоохранения, правоохранительных и силовых институтов. Сегодня в системе образования России существует необходимый базис для

⁸⁸ В качестве только одного примера можно привести данные социологических исследований, полученные на выборке в 20 000 школьников. Эти данные, в частности, показывают следующее: 5,5% школьников регулярно носят в школу холодное оружие; 8% подростков сказали, что в школе им предлагали купить или попробовать наркотики. Если учесть, что первое легальное наркотическое вещество — это табак, то регулярно курят с 14 лет 32% школьников. Поведенческие риски в конечном итоге отражаются на медицинской статистике. На первом месте среди причин гибели российских школьников стоят травмы. По темпам роста ВИЧ/СПИДа среди молодежи Россия является одной из лидирующих стран при том, что оптимальной модели охраны здоровья детей, которая бы делала профилактические мероприятия выгодными, не существует.

⁸⁹ В том числе, снижение количества детей - социальных сирот, сокращение контингента безнадзорных и беспризорных детей, а также числа детей, оставшихся без попечения родителей.

создания гибкой инфраструктуры, объединяющей работу психологов, медиков, социальных педагогов, юристов с ребенком, семьей и педагогом в целостную систему деятельности, востребованную детством, государством и обществом.

Развитие современных информационных технологий, научно-технический прогресс и глобальное изменение видов профессиональной деятельности резко расширили возможности получения образования и участия в трудовой деятельности граждан, традиционно относящихся к категории «лиц с ограниченными возможностями здоровья». Это является предпосылкой для того, чтобы люди, ранее обреченные быть на иждивении у государства, становились полноценными членами общества.

Решение проблем образования и развития молодых поколений требует инновационного изменения государственной политики в сфере образования, — она должна быть направлена на реализацию прав на образование, на создание комфортных и безопасных условий развития самых различных категорий детей. Совместные усилия государственных органов, органов местного самоуправления, общественных организаций и объединений позволят создать необходимые условия нормального развития детей, нуждающихся в социальной, психологической, педагогической, правовой и иной поддержке.

В настоящее время существует возможность обозначить **приоритетные цели и задачи инновационного развития системы психолого-педагогического сопровождения образования**, как их можно было бы сформулировать с учетом достижений современной психологической науки и образовательной практики⁹⁰. Сегодня в различных сферах социальной и экономической практики нашей страны психолог из исследователя и преподавателя становится одним из наиболее востребованных специалистов. В России появились новые области профессиональной деятельности психолога, специалисты для которых сегодня вообще не готовятся в существующих ВУЗах (юридическая и ювенальная психология, клиническая психология раннего возраста, перинатальная психология и т.д.). Однако профессиональное образование по-прежнему консервативно, академический характер подготовки не совместим с практико-ориентированным принципом современного обучения, низок уровень самостоятельной работы студентов, они перегружены аудиторной нагрузкой. Система психологического образования не отвечает на новые запросы практики. Основными проблемными точками здесь являются:

- традиционный академический характер подготовки, не совместимый с практико-ориентированным принципом обучения, низкий уро-

⁹⁰ Рубцов В.В., Забродин Ю.М. Компетентностный подход как концептуальная основа связи профессионального образования и профессионального труда // Вестник практической психологии образования. 2012, № 3, с. 3—13.

вень самостоятельной работы студентов, перегруженность аудиторной нагрузкой, несоответствие образовательного процесса параметрам Болонского соглашения;

- отсутствие ряда специализаций, ориентированных на те новые области профессиональной деятельности психолога, в которых такой запрос сложен (юридическая и ювенальная психология, клиническая психология раннего возраста, перинатальная психология и т.д.);
- существенное снижение уровня фундаментальной подготовки, связанное с отсутствием инвестиций в создание современной научной и аппаратной базы, что приводит к «вымыванию» естественнонаучных компонентов из системы психологического образования;
- снижение роли современных информационных и математических методов в психологии, приводящее к увеличению разрыва между уровнем накопления, обработки и интерпретации данных, невысокой их достоверности;
- низкая насыщенность образовательного процесса результатами современных, в т.ч. зарубежных исследований в силу слабой языковой подготовки студентов, отсутствия доступа к международным базам данных по психологии;
- отсутствие гибкой системы допуска к профессиональной деятельности на основе независимого профессионального экзамена, интернатуры, постдипломного образования, супервизии.

В этих условиях **стратегическая цель** — *преодоление разрыва между требованиями, предъявляемыми к профессиональной деятельности психолога в различных сферах социальной практики, и сложившейся в России системой психологического образования.* Университеты — победители в национальном проекте в ближайшие годы должны задать реальную перспективу модернизации российского педагогического и психологического образования на качественно новой основе, создать качественно новую информационную, технологическую и материальную базу, построить образовательный процесс на мировом уровне теории и практики образования. Нужно обеспечить междисциплинарное взаимодействие, хорошую научно-исследовательскую кооперацию высшей школы с учреждениями РАН, РАО, РАМН на современной технологической основе, создавать учебно-научные центры совместного пользования. На основе принципов Болонского процесса должна быть реализована система высшего профессионального образования, позволяющая выстраивать индивидуальные траектории обучения с учетом пожеланий работодателей.

Содержание психологического компонента при модернизации педагогического образования предполагает, в числе первоочередных, разработку новых программ качественного психологического образования и психологической подготовки всех участников образовательного процесса, в первую очередь, психологов образования, педагогов (учите-

лей) и администраторов образовательных систем по следующим трем направлениям:

1. *Модернизация психологической подготовки педагогов* — разработка инновационных образовательных программ и качественная модернизация системы *психологической подготовки учителей (педагогов)* разного профиля и разного уровня — бакалавров, специалистов и магистров по направлению «Педагогика». Эффективный результат в этом направлении может быть получен на основе интеграции конкурсных проектов трех российских вузов — победителей национального инновационного проекта «Образование»: РГПУ им. А.И. Герцена, МПГУ и МГППУ.

2. *Психологическая подготовка менеджеров образования* — разработка нового класса инновационных образовательных программ и создание системы *психологической подготовки руководителей образовательных учреждений и органов управления образованием государственного и муниципального уровня* — программы бакалавриата, магистерские программы и программы последипломного образования по направлению «Менеджмент». Этот раздел может быть подготовлен с учетом опыта работы факультетов управления и менеджмента, имеющихся в ряде педагогических вузов.

3. *Модернизация всей действующей системы психологического образования и принципиально новая подготовка самих психологов образования* — разработка инновационных образовательных программ разного уровня (бакалавров, специалистов и магистров, программ последипломного образования) для подготовки психологов широкого профиля по направлению «Психология». В основу этой модернизации может быть положен инновационный проект МГППУ как вуза — победителя второго раунда национального конкурса инновационных образовательных проектов.

В качестве принципиального основания («идеи») инновационного развития современного образования можно говорить об образовании как социально-культурном и здоровьесберегающем ресурсе, обеспечивающем защиту детства, сохранение и развитие генофонда нации. Это не означает, что главная задача образования — высокое качество образования — отменяется или подменяется. Она сохраняется в качестве приоритетной, но приобретает новый статус и требует поиска новых форм взаимодействия образования, государства и общества. При ее решении необходимо:

- учитывать социальные, индивидуальные, личностные, возрастные факторы жизни ребенка, закономерности психического и физического развития детей в разные периоды их взросления;
- ориентироваться на необходимость поддержки различных категорий детей — одаренных и с ограниченными возможностями развития; с жизненными трудностями, аддикциями и девиациями поведения; детей-сирот и детей, оказавшихся в трудных жизненных обстоятельствах;

- исходить из понимания того, что в современных условиях невозможно правильно ставить и решать вопросы образования без широкого вовлечения в этот процесс всех участников образовательной ситуации, без вовлечения различных служб и социальных институтов, и главное — без привлечения института семьи.

В известном смысле речь идет о том, чтобы сформировать **новый национальный эталон профессиональной подготовки психологов и психологической подготовки педагогов**, и это может радикально поменять ситуацию в гуманитарном профессиональном образовании России, создать принципиально новый корпус педагогических кадров российской школы.

Развитие образования в России предполагает «формирование через систему образования социальных отношений, наиболее благоприятных для развития каждого человека и страны в целом, развития гражданского общества...», что предполагает формирование уже в базовом образовании востребованных на сегодня компетентностей инновационного поведения..., создание возможностей «гибких индивидуальных программ» (Государственная программа «Образование и развитие инновационной экономики: внедрение современной модели образования в 2009—2012 гг.).

Указанные задачи предъявляют принципиально новые требования к подготовке педагогических кадров. Современный педагог, способный обеспечить гибкое индивидуально-ориентированное обучение и воспитание, формирование компетенций, необходимых для инновационного развития страны, способный развивать креативные способности учащихся и научить одному из центральных умений — «умению учиться самостоятельно», сам должен владеть принципиально иными по сравнению с традиционными средствами организации учебно-воспитательного процесса.

Одним из важнейших ресурсов, на основе которого можно существенно менять систему профессионального педагогического образования, является качественно иная по содержанию и форме психологическая подготовка современного педагога. При этом необходимо понимать, что ориентация на формирование компетенций учащихся, их развитие в процессе обучения, учет их возрастных и индивидуальных особенностей не достигается за счет простого увеличения числа психологических дисциплин в образовательных программах высшего педагогического образования и количества часов, отводимых на их изучение. Изменение парадигмы педагогического образования и превращение его по существу в образование психолого-педагогическое, означает необходимость задания в программах подготовки педагога такого содержания, которое позволит ему осуществлять в процессе своей профессиональной деятельности обучение, ориентированное на развитие учащихся, учет их особенностей и всестороннее раскрытие их интеллектуального и личностного потенциала.

Система основных образовательных программ высшего профессионального образования для всей социально-гуманитарной сферы может быть основана на культурно-историческом и деятельностном подходе, разработанном выдающимися отечественными учеными Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, Д.Б. Элькониным, А.В. Запорожцем, В.В. Давыдовым и их учениками.

Применение этого подхода при разработке проекта образовательного стандарта психолого-педагогического направления делает основными для подготовки специалистов понятия «деятельность» и «возраст». Это означает, что главным («универсальным») содержанием, объединяющим в единое направление все профили подготовки данного направления, является формирование у будущих специалистов таких знаний и компетенций, которые позволят им вне зависимости от конкретных профессиональных задач организовывать и осуществлять процессы воспитания и обучения по типу игровой, учебной и учебно-исследовательской деятельности учащихся.

Конкретные виды деятельности взрослых и детей, самих детей становятся в данном случае условием развития учащихся, а формирование требуемых компетенций выступает как результат возрастных достижений, неразрывно связанный с ведущей для данного возраста деятельностью учащегося.

Коллективом разработчиков нового поколения ФГОС ВПО по направлению «Психолого-педагогическое образование»⁹¹ были проанализированы и изучены основные виды профессиональной деятельности по указанным выше профилям направления. К специфике данного направления следует отнести тот факт, что в большинстве развитых стран мира бакалавр данного направления не получает возможности доступа к самостоятельной профессиональной деятельности из-за недостаточного уровня его практической подготовки. Для психолога образования, например, в соответствии с нормами Европейского Совета («Европейский диплом психолога») обязательной является программа профессиональной подготовки, которая описывается формулой «4+2+3», т.е. бакалавр (4 года) + магистр (2 года) + обязательное постдипломное образование (3 года) в условиях супервизии.

Руководствуясь этим опытом, коллектив разработчиков считает целесообразным изменение существующей нормативной базы и введение интернатуры в образовательных учреждениях для бакалавров всех профилей психолого-педагогического направления.

Построение основных образовательных программ (ООП) высшего профессионального образования принципиально должно позволять

⁹¹ Данный проект ФГОС ВПО (федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования) третьего поколения разработан сотрудниками Московского городского психолого-педагогического Университета в 2008–2009 гг.

выстраивать гибкие индивидуально-ориентированные траектории обучения будущей профессиональной деятельности. В таком случае базовые части ООП профессионального цикла бакалавра и магистра, а также базовые части гуманитарно-социального и математико-естественнонаучного циклов бакалавра и общенаучного цикла магистра, — должны составлять универсальное ядро общекультурных и профессиональных компетенций, общих для всех видов профессиональной деятельности, что и позволяет реализовать индивидуальные траектории обучения на переходе от бакалавра к магистру. Это означает, например, что бакалавр психолого-педагогического направления любого профиля сможет продолжить свое обучение в магистратуре и быть подготовленным к профессиональной деятельности в смежной области. Так, бакалавр по профилю «учитель начальных классов», уже получив достаточно глубокую психолого-педагогическую подготовку, в магистратуре может осваивать профессиональную деятельность психолога образования.

Реализация таких «сопряжённых» маршрутов, основанная на компетентностном подходе, в полной степени отвечает целевым установкам создания системы непрерывного образования в РФ: она позволяет координировать жизненные и профессиональные планы выпускника после начала его профессиональной деятельности в связи с изменениями на рынке труда; открывает свободу выбора и для магистров, готовящихся к научно-исследовательской работе, и для разработчиков и экспертов в области образовательных программ и технологий и др. Смена профиля в пределах направления позволяет на практике осуществить подготовку педагогов, способных решать сложные профессиональные задачи организации учебной, организационно-управленческой или научно-методической деятельности, ориентированных на развитие учащихся, задачи построения индивидуальных образовательных траекторий с учетом возрастных и личностных особенностей учащихся.

6.3. Компетенция: концепция, ее содержание и некоторые применения

Конструктивистский и объяснительный подходы, характерные преимущественно для США, произошли из представления о компетенции как результате контекста, в котором она используется, где «работник и работа формируют общую сущность через переживаемый опыт работы» (Sandberg, 2000: 50). Компетенция определяется через то значение, которое работа имеет для работников в их опыте (Stoof с соавт., 2002; Velde, 1999). Dreyfus и Dreyfus (1986), использующие объяснительный подход в исследовании компетенций летчиков и других, обнаружили, что атрибуты, используемые для выполнения работы, связаны с контекстом работы, независимо от уровня достигнутой компетентности и

что в реальных ситуациях работы люди приобретают ситуативные или контекстно-зависимые знания и навыки. В других «объяснительных» исследованиях, проведенных на нянях (Benner, 1984) и офицерах полиции (Fielding, 1988a, 1988b), объективно продемонстрировано, что свойства (атрибуты) становятся зависимыми от контекста в результате опыта. Одно из преимуществ объяснительного подхода состоит в том, что он признает наличие «контекстных» знаний и навыков (Polanyi, 1967), которые можно «не заметить», если компетенции рассматриваются как свободные от контекста, так как способ, которым люди выполняют работу на практике, редко согласуется с формальным описанием работы. «Контекстные» компетенции не только профессионалов (Eraut, 2000) но также и «чернорабочих» (Kusterer, 1978), могут влиять на успешность предприятия (Flanagan et al., 1993).

Как полагают англо-американские специалисты, компетенции, в большей степени являясь поведенческими характеристиками, в отличие от индивидуальности и интеллекта, могут быть сформированы через обучение и развитие (Mc Clelland, 1998). Эта традиция особенно сильна в США, где компетенции определяются в терминах «основных характеристик людей», которые «причинно связаны с эффективным или превосходным выполнением работы», и «проявляются в различных ситуациях, в течение длительного периода времени» (Boyatzis, 1982; Spencer и Spencer, 1993). Hay Group (1996) продемонстрировала широту использования этого подхода в компаниях США. Точно так же Спенсер и Спенсер (1993) продемонстрировали возможности использования методологии оценки компетенций McClelland / McBer (JCA) на анализе 650 рабочих мест, с целью создания «общих» моделей видов работ.

***Для них компетенции включают:** мотивы, черты, я-концепцию, отношения или ценности, содержание знаний, когнитивные и поведенческие навыки — любые индивидуальные особенности, которые могут быть измерены или подсчитаны, надежны и способны дифференцировать «превосходных» и «средних» исполнителей, или эффективных и неэффективных. (Spencer и Spencer, 1993: 4)*

Даже в рамках поведенческого подхода многие концепции компетенций теперь включают знания и навыки наряду с отношениями, поведением, рабочими привычками, способностями и личностными особенностями (Gangani с со авт., 2004; Green, 1999; Lucia и Lepsinger, 1999; Naquin и Wilson, 2002; Nitardy и Mc Lean, 2002). Более обширные модели компетенций, появляющиеся в США, включают в себя *стандарты видов работы и процессов наряду со знаниями* (Cooper, 2000; Evers с со авт., 1998).

Модели компетенций широко используются для выравнивания индивидуальных способностей относительно «ядерных» компетенций организации (Rothwell и Lindholm, 1999). Модель компетенций обычно рассматривается в качестве механизма, связывающего HRD

с организационной стратегией: «описательный инструмент, который идентифицирует навыки, знание, особенности личности и поведения, необходимые для эффективного выполнения работы в организации и помогает бизнесу достигать стратегических целей» (Lucia и Lepsinger, 1999: 5).

В то время как поведенческий подход к компетенциям все еще очень популярен США, в мировой практике формируется более широкая концепция компетенций, которая подчеркивает важность связанных с работой функциональных навыков и знаний.

В Великобритании главный подход основывается на функциональной компетентности, однако некоторые работодатели стали развивать собственные модели компетенций для менеджеров. Некоторые организации адаптировали модель компетенций Най МакБер (Mathewman, 1995; Cockerill, 1989). Hodkinson и Issitt (1995: 149) призывали к более целостному подходу к компетентности, объединяющему знания, понимание, ценности и навыки, которые «присущи людям, которые являются профессионалами». Cheetham and Chivers (1996, 1998) развивают целостную модель профессиональной компетентности, включающую пять наборов связанных компетенций и компетентностей, и, соответственно, включает пять измерений:

- *Когнитивные компетенции*, включающие не только официальные знания, но также и неофициальные — основанные на опыте. *Знания* (знают — что), *подкрепленные пониманием* (знают — почему), и эти феномены отличаются от *компетенций*.

- *Функциональная компетентность* (навыки или ноу-хау), включает, что «человек, который работает в данной профессиональной области, должен быть в состоянии сделать... [и] способен продемонстрировать».

- *Личностные компетенции* (поведенческие компетенции, «знают, как вести себя»), определяются как «относительно устойчивые характеристики личности, причинно связанные с эффективным или превосходным выполнением работы».

- *Этическая компетентность*, «личное мнение и профессиональные ценности, способность принимать основанные на них решения в рабочих ситуациях».

- *Мета-компетенции* относятся к способности справляться с неуверенностью, также как и с поучениями и критикой.

Эта модель была применена для анализа будущих потребностей в навыках менеджеров в Великобритании, по заказу Министерства образования (Winterton с соавт., 2000), и в модифицированной версии (где этическая компетентность была включены в категорию личностных компетенций, как в Модели личностных компетенций MCI) исследования, выполненного по заказу британского агентства налогообложения (Winterton и Winterton, 2002). Из данных британских

исследований следует, что в Великобритании понятие компетенции расширяется, чтобы охватить базисные знания и характеристики, а не просто функциональные компетенции, связанные со спецификой работы⁹².

Типология компетенций. В целом исследования показывают, что одномерные структуры (модели) компетенций неадекватны и уступают *многомерным структурам (моделям)*. *Функциональные и когнитивные* компетенции были добавлены к *поведенческим* компетенциям — в США, в то время как в Великобритании *когнитивные* и *поведенческие* компетентности дополнили модели *профессиональных функциональных* компетенций. Франция, Германия и Австрия, выйдя на «арену» позже, изначально приняли более целостную структуру, рассматривая *знания, навыки и поведение*⁹³ в качестве составных элементов модели компетенций. Видно, что целостная типология значительно полезнее для понимания характера взаимодействия *знаний, навыков и социальных компетенций*, которые являются *ключевыми* для выполнения профессиональной деятельности.

Компетенции, необходимые для эффективной работы, включают в себя *личностные* (когнитивные, знания и понимание) и *профессиональные* (функциональный, психомоторный и прикладной навык) компетенции. Компетенции, связанные с индивидуальной эффективностью, включают *концептуальные* (мета-компетенции, включающие «learning to learn») и *операционные* (социальные компетенции, включающие поведение и отношения). Отношения между этими четырьмя измерениями компетенций показаны ниже:

	<i>Профессиональные</i>	<i>Личностные</i>
<i>Концептуальные</i>	Когнитивные Компетенции	Мета Компетенции
<i>Операционные</i>	Функциональные Компетенции	Социальные Компетенции

Рис. 1. Типология компетенций

Целостную модель компетенций лучше представить в виде тетраэдра, отражающего единство компетенций и сложность разделения на практике *когнитивных, функциональных и социальных измерений*.

Первые три измерения определяют *когнитивные, функциональные и социальные компетенции*, — они являются универсальными и совместимы как с французским подходом (savoir, savoir faire, savoir être) так

⁹² Зарубежные авторы цит. по: Рубцов В.В., Забродин Ю.М. Компетентностный подход как концептуальная основа связи профессионального образования и профессионального труда // Вестник практической психологии образования. 2012, № 3, с. 3—13.

⁹³ Еще раз обратите внимание: *знания, навыки и поведение* (а я бы добавил к этой модели — *умение и готовность* — Ю.З.).

и с англоамериканским KSA (знания, навыки и отношения) в обучении профессии.

Таким образом:

- знания (и понимание) относятся к когнитивным компетенциям,
- навыки — к функциональным,
- собственно «компетенции» в узком смысле (поведенческие и отношений) — к социальным компетенциям.

Мета компетенции отличаются от первых трех измерений, так как служат для облегчения приобретения других компетенций.

На рисунке 2 целостная модель компетенций представлена как *тетраэдр* (четырёхгранник).

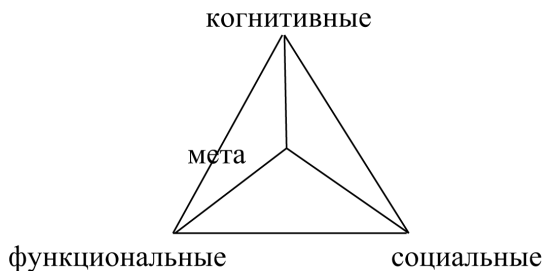

Рис. 2. Целостная модель компетенций

Мета-компетенции представлены в виде над-структурного входа, который облегчает приобретение остальных компетенций. Практические компетенции расположены на сторонах четырёхгранника, комбинируя элементы измерений компетенций в различных пропорциях.

Многомерный (целостный) подход к компетенциям становится все более распространенным и предлагает более широкие возможности для синхронизации образовательного процесса с требованиями, а также для синергии между формальным образованием и производственным обучением и профессиональной компетентностью при проектировании и реализации основных образовательных программ.

Основная образовательная программа ООП и ее соответствие компетентностной модели подготовки выпускника

В основу построения основной образовательной программы ООП положен принцип соответствия программы структуре макета профессионального стандарта. Это предполагает наличие в ООП всех заданных блоков (циклов подготовки), нормативное сочетание базовой и вариативной части (в соответствии с предельно допустимыми значениями), наличие в структуре ООП дисциплин по выбору студента и факультативов, позволяющих выбирать индивидуальные траектории

обучения студента с учетом его познавательных и профессиональных интересов. При этом должно быть установлено соответствие между учебными дисциплинами определенного цикла и группой формируемых в пределах этого цикла компетенций. Так, например, в структуре ООП «бакалавра» гуманитарному и социально-экономическому, естественнонаучному и математическому циклам ставится в соответствие формирование у выпускника общекультурных компетенций. Аналогичен принцип построения ООП и указания учебных дисциплин в базовой части профессионального цикла, что позволяет последовательно формировать у выпускника полный набор необходимых компетенций, составляющих модель его подготовки.

В нашем проекте к основным условиям реализации ООП, позволяющим обеспечить качество высшего профессионального образования, относятся:

1. Построение программы в соответствии с профессиональным стандартом, то есть, компетентностной моделью выпускника, разработанной с учетом требований работодателей, содержащей исчерпывающий набор общекультурных и профессиональных компетенций, необходимых для эффективной профессиональной деятельности и не противоречащей международным стандартам в области психолого-педагогического образования.

2. Широкое использование инновационных технологий обучения, эффективной организации практической подготовки выпускника, выражающееся в форме 30 недель прохождения практики у «бакалавра», 38 недель — у «магистра», рациональная система организации различных видов практики и освоения навыков и умений профессиональной деятельности в ходе практической подготовки.

3. Высокая доля интерактивных форм учебных занятий у бакалавра — 25%, а у магистра — 40%. Большой объем самостоятельной работы студентов: занятия лекционного типа должны составлять не более 25% аудиторной нагрузки бакалавров и магистров. При этом максимальный объем аудиторно — учебных занятий должен быть не более 27 академических часов в неделю для бакалавра и не более 14 — для магистра.

4. Включение научно-исследовательской работы студента как существенной формы его общей и профессиональной подготовки, в объеме 8 недель для бакалавра и 10 недель — для магистра.

5. Кадровое обеспечение процесса: не менее 60% для бакалавра и не менее 75% для магистра преподавателей, имеющих ученую степень кандидата, доктора наук; привлечение к образовательному процессу не менее 3% преподавателей из числа действующих руководителей и работников профильных организаций, предприятий и учреждений для бакалавра и не менее 20% для магистра. Не менее 80% преподавателей, обеспечивающих учебный процесс для магистра по профессиональному циклу и научно-исследовательскому семинару, должны иметь рос-

сийские или зарубежные ученые степени и ученые звания, при этом ученые степени доктора наук или ученое звание профессора должны иметь не менее 12% преподавателей, а для бакалавра — не менее 8% процентов должны иметь ученую степень доктора наук, или / и ученое звание профессора.

6. Доступ студентов к современным компьютерным средствам, в том числе с выходом в интернет не менее 4-х часов в неделю — для бакалавра, 8-ми часов в неделю — магистра. Обязательный доступ студентов к профильным периодическим изданиям (отечественным, зарубежным), современным электронным базам данных по профилю подготовки.

7. Достаточное материально-техническое обеспечение учебного процесса, включая наличие практикумов, учебно-методических кабинетов по профессиональной подготовке, лекционных аудиторий с мультимедийным оборудованием и доступом в интернет, компьютерных и лингафонных классов.

8. Наличие фонда оценочных средств, обеспечивающего полноценный и всесторонний контроль формирования требуемых компетенций в соответствии с компетентностной моделью подготовки выпускника.

Компетентностный подход, реализованный в проекте ФГОС ВПО третьего поколения по направлению «Психолого-педагогическое образование»⁹⁴. Коллектив разработчиков предложил проект ФГОС ВПО двухуровневого высшего профессионального образования по направлению «Психолого-педагогическое образование», в том числе, детальный проект ООП и учебного плана для профиля «Психолог образования». В рамках проекта, помимо указанного профиля, разработаны макеты других профилей данного направления — воспитатель, учитель начальных классов и ряд других (всего 9 профилей).

В основу разработки ФГОС ВПО по направлению «Психолого-педагогическое образование» был положен ряд **теоретических положений**, которые определили структуру и содержание данного стандарта:

√ Приложение деятельностного подхода — научно-теоретическая основа ФГОС ВПО по направлению «Психолого-педагогическое образование».

В качестве основного теоретического положения при разработке стандарта принята идея связи стандарта (требований) профессиональной деятельности реального работника и содержания стан-

⁹⁴ Проект подготовлен в 2009 г. коллективом Московского городского психолого-педагогического Университета с участием Российской академии образования, Совета ректоров вузов Москвы, учреждённых Правительством Москвы, Российской академии государственной службы при Президенте РФ (кафедра акмеологии и психологии профессиональной деятельности), Психологического института РАО, Института психологии РАН, Факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Московской высшей школы социально-экономических наук АНХ при Правительстве РФ.

дарта профессионального образования, определяющего подготовку соответствующего специалиста для работы на реальном рынке труда.

√ В рамках проекта ФГОС по направлению «Психолого-педагогическое образование», разработана компетентностная модель подготовки психолога образования, определены его профессиональные задачи, как общие для всего психолого-педагогического направления, так и для деятельности психолога, описаны необходимые для решения этих задач общекультурные и профессиональные компетенции.

√ Ядром основной образовательной программы бакалавра по профилю «Психолог образования» является модульный принцип целостного освоения психолого-педагогической деятельности в соответствии с возрастом учащегося и типом ведущей деятельности.

Приложения компетентностного подхода: соответствие модели профессиональной деятельности и модели профессиональной подготовки.

Принятие этого положения означает, что модель ФГОС ВПО по направлению «Психолого-педагогическое образование» должна быть разработана так, чтобы реализовать непосредственное соответствие образовательного стандарта профессиональной подготовки по соответствующему профилю со стандартом профессиональной деятельности (СПД) или действующими нормативами реальной профессиональной деятельности.

При разработке проекта образовательного стандарта по направлению «Психолого-педагогическое образование» выяснилось, что в настоящее время в России нет действующих профессиональных стандартов СПД по профессиям и профилям данного направления, в том числе, по профилю «Психология образования». Отсутствие этих СПД (за единственным исключением — СПД педагога-психолога) привело к принятию следующих оснований разработки ФГОС ВПО по данному направлению:

1. Принцип опоры на международные нормы и национальный опыт
2. Необходимость реализации СПД в виде экспертной модели в ходе разработки ФГОС ВПО по направлению «Психолого-педагогическое образование», опора на квалификационные характеристики и должностные инструкции реальных рабочих мест
3. Опора на экспертные оценки требований к профессиональной деятельности.

Учёт и реализация международного опыта продемонстрированы на примере профиля «Психология образования» — опора на международные стандарты подготовки психолога, принятые и одобренные национальными профессиональными сообществами:

1. Европейская федерация психологических ассоциаций (Европейский диплом в области психологии — EFPA);

2. Американская психологическая ассоциация (АРА);
3. Международная ассоциация школьных психологов (ЕСРА);
4. Национальная ассоциация психологов образования (США).

Учёт и реализация национального опыта также продемонстрированы на примере профиля «Психология образования» — опора на национальный опыт работы практического психолога образования:

1. Опыт работы российских регионов (Москва, Самара, Ярославль и др.);
2. Решения IV Съезда психологов образования России;
3. Задачи ФПОР и РПО (поставлена задача разработки национального стандарта профессионального психолога).

Группа разработчиков приняла решение о том, что должно быть **инкорпорировано в разработку ФГОС из указанных выше положений:**

1. Базовые компетенции с учетом реальных рабочих мест и ситуации в регионах;
2. Утвержденные квалификационные требования к профессиональной деятельности;
3. Принятые в мировой практике схемы подготовки:
 - бакалавр (4 года) + магистр (2 года) + обязательное постдипломное образование 3 года или от 1,5 до 3 лет в условиях супервизии (психологическая интернатура)

- независимая система итоговой аттестации (квалификационный экзамен с участием профессионального сообщества).

4. Принятые в мировой практике содержание и структура компетентности и компетенций, обеспечивающая переход от компетентностного подхода в деятельности к задачам профессионального образования:

- **Компетентность выступает в трех формах:**

- как условие эффективной профессиональной деятельности
- как интегральное качество личности
- как результат профессионального образования

- **Структура компетентности строится исходя из:**

- требований рынка и вида профессиональной деятельности
- основных задач для данного вида профессиональной деятельности.

- **Структура компетентности включает следующие уровни компетенций:**

- ключевые (core) или общекультурные,
- общие или общепрофессиональные,
- специальные или узкопрофессиональные

5. Содержание компетенций при разработке образовательного стандарта определяется в следующем порядке:

от видов деятельности → к задачам деятельности → к компетенциям

В соответствии со сказанным выше, при разработке ФГОС ВПО по направлению «Психолого-педагогическое образование» была реализована следующая схема:

В качестве примера приведем задачи профессиональной деятельности бакалавров в области психолого-педагогического сопровождения образования:

- проведение (диагностического) обследования учащихся с использованием стандартизированного инструментария, включая первичную обработку результатов;
- проведение занятий с учащимися по утвержденным рекомендованным развивающим программам;
- проведение коррекционно-развивающих занятий по рекомендованным методикам;
- повышение психолого-педагогической компетентности родителей и педагогов;
- работа с педагогами с целью организации эффективных учебных взаимодействий детей и их общения в образовательных учреждениях и в семье;
- взаимодействие со смежными специалистами (логопедами, педагогами, физиологами) в комплексных обследованиях образовательной среды;
- использование современных научно обоснованных рекомендованных методов психолого-педагогической работы.

Исходя из этого, формулируются требования к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата. Выпускник по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование» с квалификацией (степенью) «бакалавр» должен обладать следующими основными компетенциями, в частности

в психолого-педагогической деятельности:

- **способен** организовать совместную и индивидуальную деятельность детей в соответствии с возрастными нормами их развития;
- **готов** применять утвержденные стандартные методы и технологии, позволяющие решать диагностические и коррекционно-развивающие задачи;
- **способен** осуществлять сбор и первичную обработку информации, результатов психологических наблюдений и диагностики);
- **способен** рефлексивно относиться к способам и результатам своих профессиональных действий;
- **способен** осуществлять психологическое просвещение педагогов и родителей по вопросам психического развития детей;

- **способен** эффективно взаимодействовать с педагогами образовательного учреждения и другими специалистами по вопросам развития учащихся в игровой и учебной деятельности.

Отсюда вытекают требования к структуре профессионального цикла основной образовательной программы (ООП) и содержанию учебного плана бакалавра.

Аналогично определяются **задачи профессиональной деятельности магистров** в области психолого-педагогического сопровождения образования. С учетом уровня квалификации магистра эти задачи существенно более развернуты и по содержанию, и по объему:

- разработка и проведение профилактических, диагностических, развивающих мероприятий в образовательных учреждениях различных видов и типов;

- разработка и реализация образовательных программ психолого-педагогического направления, повышение психологической компетентности участников образовательного процесса;

- осуществление в процессе психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса психологической диагностики, коррекционно-развивающей работы, психологического консультирования учащихся и их родителей, психологической профилактики;

- разработка и реализация программ профилактики и коррекции девиаций и асоциального поведения подростков;

- мониторинг сформированности компетенций учащихся;

- разработка совместно с педагогами траекторий обучения учащихся с учетом их индивидуальных и возрастных особенностей;

- взаимодействие с участниками образовательного процесса по формированию коррекций и развитию учащихся в ходе становления ведущей деятельности;

- контроль над ходом психического развития учащихся на различных ступенях образования в учреждениях различных типов и видов;

- реализация индивидуально-ориентированных мер по снижению или устранению отклонений в психическом и личностном развитии учащихся;

- психологическая поддержка участников образовательного процесса.

Отсюда вытекают требования к результатам освоения основных образовательных программ магистратуры: выпускник по направлению подготовки «Психолого — педагогическое образование» с квалификацией (степенью) «магистр» в соответствии с задачами профессиональной деятельности и целями ООП должен обладать следующим набором компетенций

профессиональными компетенциями, общими для всех видов профессиональной деятельности магистра данного направления (ОПК);

профессиональными компетенциями в психолого-педагогическом сопровождении образования (ПКПП).

Разработанный проект ФГОС ВПО по направлению «Психолого-педагогическое образование» опирается на фундаментальные закономерности психического развития человека и его личности, деятельностный подход к организации учебных взаимодействий, на возрастные особенности и параметры современного детства, что соответствует исходным принципам разработки ФГОС общего среднего образования.

При реорганизации психологического образования в системе педагогических университетов, в его состав необходимо добавить новые компоненты, связанные с задачами психологического просвещения населения и повышения психологической компетентности всех тех, кто реально включен в формирование образовательной среды. Речь идет о модернизации и разработке инновационных программ психологического просвещения всех заинтересованных участников (stakeholders) образовательного процесса: руководителей органов государственного и муниципального управления, педагогов, родителей и учащихся. Этот раздел может быть разработан на основе обобщения и развития опыта работы информационных порталов для родителей и общественности, программ психологического просвещения управленцев и администраторов в системе профессионального образования, программ курсов «Психология» в общеобразовательной школе.

Компетентностный подход в развитии практической психологии образования⁹⁵

Для научного обеспечения и практического решения задач модернизации психологического образования целесообразна разработка национальной программы развития психологии образования как отраслевой психологической науки. Речь идет, в первую очередь, о системе специализированных исследовательских проектов в рамках целевых программ, направленных на создание научных основ психологии воспитания и психологии учения (психодидактики), психологии безопасной образовательной среды, ориентированных на современные образовательные программы педагогических вузов и классических университетов психолого-педагогического направления.

Профессиональное психологическое сообщество в России и за рубежом рассматривает в качестве важнейшего условия развития психологии образования *комплексный подход к модернизации системы пра-*

⁹⁵ См. также: Практическая психология образования / Под ред. И.В. Дубровиной. М.: Сфера. 2000, с. 58–59; Мазилев В.А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал, №1 (январь), 2006; Юревич А.В. Исследовательская и практическая психология: еще раз о «схизисе» // Психологический журнал. 2012, том 33. № 1. с. 127–136; Пахальян В.Э. Практическая психология. Введение [Электронный ресурс]. Саратов: Вузовское образование, 2015.

вовой, психологической, социальной и медицинской поддержки жизнедеятельности всех участников образовательного процесса — учащегося, семьи и педагога, укрепление на этой основе средств психологической защиты и адресной помощи различным категориям детей (одаренные дети и дети с ограниченными возможностями в развитии, дети-сироты, дети, подвергшиеся насилию, дети с отклонениями в поведении, трудностями в обучении и т.д.).

Результаты, полученные в процессе реализации приоритетного национального проекта «Образование» и введения в действие новых образовательных стандартов должны привести к созданию **инновационной системы подготовки психологов и целостной системы психологического сопровождения образования в России**. Новую роль в этих условиях начинает играть отраслевая психология образования, которая призвана перевести на уровень технологических решений интересы личности в рамках структурной и институциональной перестройки социальной среды, обеспечить ее безопасность, прежде всего, в образовательном процессе. Сейчас психология востребована всеми участниками образования: детьми, их родителями, педагогами, администрацией образовательного учреждения и обеспечивает им психологическое просвещение, профилактику, диагностическую, коррекционно-развивающую и консультативную помощь. Современная практическая психология — это, в определенном смысле, инновационные технологии помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, **в экстремальных и чрезвычайных обстоятельствах**.

Исследования и разработки преподавателей, сотрудников, аспирантов МГППУ⁹⁶, а также исследования психологов ведущих педагогических вузов страны фактически создают оригинальные **авторские технологии** психологических служб образовательных учреждений различных видов и типов, предназначенные для различных контингентов обучающихся. Полученные результаты позволяют сформировать уникальную базу психологического инструментария, которой смогут пользоваться практические психологи города Москвы, а через систему сайтов и Интернет доступа — и практические психологи всей России.

Развитие мощной научно-методической базы психологической службы столичного региона открывает реальные возможности инновационного развития практической психологии образования в других регионах страны. Для системы образования России будут принципи-

⁹⁶ Выполненные в рамках Инновационной программы МГППУ — «Формирование системы психологического образования в Университете как базовом ресурсном центре практической психологии». Созданный в рамках национального проекта научно-методический, информационный, технологический и кадровый ресурс может придать МГППУ новый статус — уникального **отраслевого психологического университета**, сделать его постоянно действующим **национальным ресурсным центром практической психологии образования**.

ально решены задачи психологического обеспечения; разработаны специализированные модели комплексной службы практической психологии, востребованные образованием и социальной сферой; созданы технологии оказания адресной психологической помощи различным категориям населения; создана дифференцированная система психологической подготовки и психологического просвещения участников образовательного процесса (детей, педагогов, управленцев, родителей). На федеральном уровне станет доступной система новых образовательных программ и технологий подготовки и повышения квалификации кадров практических психологов различных направлений и специальностей с учетом особенностей детского контингента и специфики российского рынка труда.

На основании анализа отечественного и зарубежного опыта, в том числе, опыта работы московских психологов, ***среди первоочередных мер в направлении развития комплексной системы защиты, сопровождения и безопасного развития детства следует назвать:***

— развертывание комплексной психологической, медицинской и социально-правовой службы в системе учреждений образования, целью которой является развитие человеческого ресурса общества и персонального ресурса каждого человека, прежде всего, — формирование нравственной основы личности, формирование образцов поведения с учетом широкого спектра механизмов социальных влияний, развитие способностей и непрерывный рост профессионализма;

— реорганизация и развитие специализированных центров психолого-медико-социальной помощи как важнейшего опорного звена комплексной психологической службы, целью которых стало бы оказание эффективной специализированной помощи ребенку, семье и педагогу на всех этапах обучения, воспитания и социализации детей; создание для этих целей сети квалифицированных психологических клиник-консультаций (по территориальному принципу) для работы с образовательными учреждениями;

— создание на базе центров и учреждений практической психологии образования сети межведомственных антикризисных подразделений (на федеральном, региональном и местном уровне) по оказанию экстренной и долгосрочной психологической помощи детям и родителям, попавшим в кризисные и чрезвычайные ситуации;

— создание эффективной системы подготовки, переподготовки, повышения квалификации и других форм профессионального образования практических психологов, разработка нового поколения образовательных стандартов;

— развитие системы психологического просвещения населения, в том числе, включение в образовательные стандарты общего образования (компонентов федерального и регионального уровня) психологии в качестве отдельного учебного предмета;

— создание организационной, нормативной и технологической базы практической психологии образования: в ее составе должна быть реализована общественно-государственная система сертификации и аттестации методов и технологий работы практического психолога, а также система сертификации и аттестации профессионального персонала.

Решение названных задач поможет изменить социальную ситуацию в стране в сторону большего внимания к человеческому ресурсу общества, обеспечит более эффективное воспроизводство интеллектуального, нравственного, социального и экономического потенциала страны. Все это позволит реализовать новые функции образования по отношению к проблемам детей и детства, проблемам формирования гражданина и профессионала, делая эти функции в целом более определенными и понятными обществу.

6.4. Дуальный подход к анализу практических проблем профессионального становления и развития

Оценивая некоторые ближайшие перспективы психологических исследований в этой области, мы должны отметить, что к реальным трудностям, возникающим на пути становления и функционирования профессионального работника могут привести неудачный «*matching*» системы способностей с системой ПВК для конкретной профессии, неудачная социальная и профессиональная адаптация профессионала.

Точно к такому же результату может привести и отмечавшееся в гуманистической психологии «сопротивление» окружающей субъекта среды, в том числе, среды профессиональной. Следовательно, постановка проблем психологии профессионального становления — не просто дань моде: она в действительности отражает требование времени, необходимость психологической помощи и психологических знаний в оценке, рационализации и гуманной реализации процесса «общественного производства» профессионального работника, начиная с самых ранних моментов его развития как человека и кончая его эффективным (прежде всего, с точки зрения личностного комфорта) функционированием как субъекта профессиональной деятельности.

Проведенный нами и нашими коллегами анализ показывает, что в этой связи необходимыми становятся не только «дополнение» теории и феноменологии профессионального становления теорией и научно обоснованной технологией работы практического психолога, но также пересмотр прежних концептуальных оснований психологического исследования⁹⁷.

⁹⁷ Ю.М. Забродин. Модель личности в психодиагностике. М., 1994; Пахальян В.Э. Практическая психология. Введение [Электронный ресурс]. Саратов: Вузовское образование, 2015.

Речь идет о том, что в понятийной структуре и парадигмах основных психологических подходов к исследованиям процессов профессионального становления складывается так называемая «тройственная оппозиция», предполагающая своеобразную «трехкомпонентность» концептуальной базы психологического анализа указанных процессов, известное «противостояние» базисных психологических категорий: развития, формирования и адаптации субъекта.

Если «развитие», строго говоря, предполагает «внутреннее» диалектическое изменение в структуре и функциях (например, в интересах и способностях) действующего субъекта, то «формирование» и «адаптация» предусматривают акцентуацию «внешних» факторов такого изменения в ситуациях, отражающих «требования общества» к действующему субъекту. При этом последние две категории (формирование и адаптация) различаются, в свою очередь, характером активности субъекта. Такое противостояние в теории вызвано к жизни действительными феноменами социальной политики государства, в котором реализуется соответствующий социальный механизм взаимодействия человека и общества; этот механизм, в свою очередь, нуждается в научном анализе.

Вместе с тем, само существование этого механизма предопределяет появление профессии практического психолога: возникшая социальная потребность в практической психологии уже отмечалась в ряде публикаций⁹⁸; социальные и функциональные задачи психологической службы как действенного социального механизма уже стали объектом специального психологического изучения в сфере общего образования; влияние этого социального механизма выявляется также в исследованиях психологов труда⁹⁹. Однако, как мы полагаем, радикальные методологические, теоретические и методические последствия его действия для общих основ психологии еще предстоит рассмотреть и изучить.

Мы надеемся, что названное выше «противостояние» трех фундаментальных психологических концепций может быть снято, по крайней мере, частично, если рассмотреть реальную «трехкомпонентность» профессионального становления, в которой главным регулирующим социальным фактором становится деятельность практического психолога, включенная в новый общественно значимый и только складывающийся в новых условиях нашей страны социальный механизм — механизм общественного (социального) управления общественным производством человека. Указанный новый, уже реально действующий,

⁹⁸ Ю.М. Забродин. Проблемы развития практической психологии. ПЖ т. 1, № 2, 1980; И.В. Дубровина. Рабочая книга школьного психолога. М., 1991; Практическая психология образования / Под ред. И.В. Дубровиной. М.: Сфера. 2000, с. 58—59.

⁹⁹ О.А. Коночкин. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1986; В.Д. Шадриков. Проблема системогенеза профессиональной деятельности. М., 1983; А.Г. Асмолов. Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. М., 1990.

социальный фактор, по нашему мнению, отражает освоение стихийного механизма развития человека и его жизни в обществе — с учетом научного знания «естественных» (а не искусственных, надуманных или волюнтаристских) законов этого движения субъекта на жизненном пути, который в состоянии «снять» отмеченное нами противостояние в теории через рациональное разрешение реального противоречия «интересов» индивида и общественных «интересов».

Предлагаемый нами акмеогенетический подход к исследованию проблем профессионального становления и развития личности профессионального работника основывается на одновременном психологическом изучении феноменов и их компонентов на разных системных уровнях их существования. Так, если рассматривать общую парадигму взаимодействия субъекта с окружающим его миром, то предлагается выделить два принципиально разных и относительно независимых метода психологического анализа процессов профессионального становления и развития субъекта.

Первый из них предусматривает исследование структуры самого взаимодействия в контексте задачного подхода с точки зрения характера содержания реальных задач, решаемых субъектом, особенностей их реального бытия, особенностей их отражения и «принятия» их субъектом¹⁰⁰.

Второй — предполагает психологический анализ составляющих этого взаимодействия как двух относительно независимых подсистем: жизненной ситуации и условий взаимодействия субъекта с миром, закономерностей и ограничений ее развития, с одной стороны, и самого субъекта как личностной подсистемы, развивающейся и действующей по своим, психологическим законам, — с другой. Такой нам представляется реализация акмеогенетического субъектного подхода в психологии.

На следующем уровне — конкретной индивидуальности¹⁰¹, — мы также выделяем две психологические подсистемы развивающегося субъекта, его становление и развитие как «гражданина» (собственно личностный уровень) и как «профессионала» (узкий «профессиональный уровень») при полном понимании неразрывного онтологического единства указанных линий развития.

На узком «профессиональном» уровне изучения профессионального становления и развития мы опять рассматриваем два уровня: уровень динамической структуры личности профессионального работника¹⁰² и уровень системы психологических качеств, важных для последующей профессиональной деятельности¹⁰³.

¹⁰⁰ Ю.М. Забродин. Методологические проблемы анализа и синтеза человеческой деятельности. М., 1982; Модели личности в психодиагностике. М., 1994. Ю.М. Забродин, В.Э. Пахальян. Психодиагностика. М., Эксмо, 448 с., 2010.

¹⁰¹ Б.Г. Ананьев. Человек как предмет познания. Л., ЛГУ, 1969.

¹⁰² К.К. Платонов. Система психологии и теория отражения. М., 1982.

¹⁰³ В.Д. Шадриков. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1983.

При этом, в соответствии с традициями отечественной психологии, мы считаем необходимым рассматривать отдельно общие и специальные (узко профессиональные) качества человека, которые как раз и составляют для нас основу для выделения системы профессионально важных качеств. Вместе с тем, в отличие от прежних схем анализа, мы все время имеем в виду их существование в одном, реально действующем субъекте, и это позволяет нам строить системное психологическое описание профессионала, во-первых, как субъекта труда, а во-вторых, как целостной индивидуальности в ее реальном жизненном окружении, в системе натуральных и социальных связей, в системе действующих социальных институтов, в системе реальных задач, которые стоят перед субъектом в каждый момент его жизненного пути. При этом, следуя принципам гуманистической ориентации психологии, в структуре реальных взаимодействий человека мы рассматриваем влияние ближайшего окружения субъекта как приоритетное, в значительной мере детерминирующее ход и особенности его поведения и деятельности.

В этом случае весь ход профессионального становления и развития профессионала рассматривается не в стадиях и этапах его «свободного», вне ситуации, развития, определяемых сензитивными и критическими фазами развития, а в иной, принятой нами в русле дуального подхода, логике, — логике критических перестроек его личности при «вхождении» в различные социальные структуры, в системы различных социальных институтов, организаций и контактов, в которых живет и действует реальный индивид: семья, школа, референтные группы, социальные учреждения, производственные организации и коллективы и т.п. При этом в каждом психологически важном моменте профессионального становления, реализуется принципиально аналогичная «технологическая» структура действий практического психолога. Разумеется, каждый раз эта «технологическая структура» наполняется своим конкретным психологическим содержанием с учетом состояния субъекта (в широком смысле), состояния жизненной ситуации, а также проблем и задач, возникающих перед данным конкретным субъектом.

Эта технологическая структура примерно такова:

- психологическая постановка практической проблемы, которая предполагает *психологический анализ личности (ПАЛ)* и *психологический анализ жизненной ситуации (ПАС)* в психологической задаче оценки соответствующего уровня профессиональной готовности (психологический анализ задачи);
- выбор соответствующей «модели личности», модели (представления) ситуации и надлежащих методов исследования (организация сбора психологических данных);
- интерпретация данных первого и второго уровня;

- практические рекомендации второго уровня (для специалиста): возможные факторы и возможные «эффекты действия» (построение каузальной гипотезы).

В ходе уже проведенных нами и намеченных исследований мы предполагаем необходимость более подробно проанализировать психологические особенности индивидуального отражения внешнего мира и результаты этого отражения, которые образуют содержание индивидуального сознания¹⁰⁴.

При этом, в соответствии с приведенными ранее рассуждениями, мы считаем необходимым рассматривать в индивидуальном сознании как вместе, так и раздельно его «знаниевую» и «оценочную» составляющие, а внутри них:

- «образ Мира» (картина мира, представление о мире, мироощущение и мировоззрение в узком смысле);
- «образ Я» (идентификация, самооценка, и самопредставление);
- «сферу» произвольной регуляции деятельности (интенции, цели, образцы поведения, алгоритмы и качество деятельности в целом);
- «сферу» норм и ценностей, намерений и интересов.

Признавая значительную роль индивидуального сознания в личностном выборе будущей профессиональной карьеры (в формировании намерений человека), мы представляем себе сам процесс профессионального становления как процесс индивидуального становления на личностном (а не на узко «профессиональном» уровне):

- «картины мира», образа «Я» и «образа взаимодействия Я с Миром»;
- развития индивидуальных психологических систем сознательно-отражения и произвольной регуляции;
- структурирования картины мира и образов взаимодействия субъекта с миром в виде отдельных образов элементов «окружения субъекта» — объектов и субъектов; культуры — «вещественной», технической и «идеографической» и личного опыта; становления норм и ценностей; отражения сфер производства (в том числе, «мира профессий»), потребления (в том числе, рекламы и моды) и обмена (в том числе, отношений собственности и рынка) и т.д.

Предложенный нами подход требует представить взаимодействие личностных феноменов сознания и раскрыть закономерные связи, существующие между двумя важнейшими уровнями гражданского и профессионального развития субъекта: собственно психологическим и конкретно социальным; для того, чтобы можно было обоснованно увязать так называемый социально-экономический

¹⁰⁴ Ю.М. Забродин, Г.Б. Морозова. Психосемантический подход к исследованию мировосприятия. В кн.: Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы. М., 1997.

фон и специфику индивидуального жизненного пути конкретного субъекта.

На уровне развивающегося профессионала (на узком «профессиональном уровне») для психологической оценки особенностей его личностного развития можно, в первом приближении, выделить *системные блоки его личностных качеств*, которые, в свою очередь, можно рассматривать как подсистемы личностных свойств профессионала, формирующиеся и действующие в процессах его профессионального становления:

- *общеличностные* (картина мира, мировоззрение, образ Я, отношения и социальные нормы, общие ценности и значимость труда и т.п.);
- *операциональные* (способности, системы психической регуляции поведения и деятельности в решении профессиональных задач, технологии деятельности и т.д.);
- *мотивационные* (профессиональные интересы, склонности, отражение себя в профессии, мотивы достижения и т.д.);
- *«эмоциональные»* (намерения, ожидания, чувства, переживания, эмоциональный фон и т.п.);
- *функциональные* состояния (активность, уровень бодрствования, работоспособность, утомление и т.д.).

Учитывая указанные личностные симптомокомплексы, можно предложить (в соответствии с принятым выше правилом приоритета социальной ситуации для становящегося субъекта) в качестве психологической основы для выделения стадий становления профессионала категорию «готовности», подразумевая под этим психологическую и личностную готовность к «встрече» с новой ситуацией, в том числе, с ситуацией профессионального становления.

Мы предлагаем выделить следующие «критические ситуации акмеогенеза» в процессах профессионального становления как *критические точки на жизненном пути профессионала*:

- готовность к школе;
- готовность к профессиональному выбору;
- готовность к профессиональному обучению;
- готовность к профессиональной деятельности;
- готовность к продолжению профессиональной деятельности (профессиональному совершенствованию);
- готовность к перемене профессии (перемене рабочего места).

В таком случае необходимо выделить и рассмотреть отдельно «общую» личностную готовность и «специальную» профессиональную готовность, полагая, что выделенные два вида задают два уровня изучения субъекта профессионального труда, каждый из которых имеет свое содержание и свою динамику становления.

6.5. Концепция готовности в акмеогенетических исследованиях

Как мы уже отмечали в ходе предыдущего анализа, большинство более или менее значимых и проработанных концепций в исследованиях профессионального становления строится на понятиях, вытекающих из основной парадигмы «matching», а именно — на концепциях профессиональной пригодности или непригодности; подготовленности или неподготовленности; направленности или управления мотивацией труда, — то есть без учета психологического состояния субъекта на данный момент времени¹⁰⁵.

Другим весьма распространенным основанием для оценки этапов или фаз профессионального становления часто становятся возрастные «кризисы развития». Наши собственные исследования и данные психологии труда, однако, заставили нас ввести еще одну группу общепсихологических критериев эффективности профессионального становления и развития: психологического функционального или эмоционального состояния человека (см. главу 5).

На основании нескольких специальных собственных исследований (обобщение данных смотри в нашей книге¹⁰⁶) мы предлагаем, по нашему мнению, более точное, полное и психологически более верное основание для анализа и выделения реально наблюдаемых этапов профессионального становления: использование для этих целей концепции, а может быть, и категории «готовности», которая по своему существу не может не учитывать и профессиональную пригодность субъекта профессиональной деятельности, и его направленность, и его профессиональную подготовленность, и его психические состояния. Последние для нас является одним из фундаментальных критериев эффективности профессионального становления.

Категория психологической готовности, таким образом, становится как бы системообразующим стержнем по крайней мере для трех понятийных систем, отображающих важнейшие аспекты человеческой жизни:

- развитие субъекта;
- его готовность к профессиональной деятельности (с многообразием пластов различных видов готовности);
- движение субъекта на отрезке жизненного пути в фазе «ситуационного кризиса», когда возникают действительные или мнимые проблемы между возможностями субъекта и его перспективами, ограниченными развитием реальной ситуации.

¹⁰⁵ M.C. Tayler, G.R. Lewe, J.A. Druper (eds). Basic Skills for the Workplace, CC, Canada, 1991; J.M. Kummerow (ed.). New Directions in Career Planning and the Workplace, CPP, Palo Alto, Ca, 1991.

¹⁰⁶ Ю.М. Забродин. Модели личности в психодиагностике. М., 1994; Ю.М. Забродин. Теория личности и управление человеческими ресурсами. М., Финстатинформ, 2002.

В последнем случае возникают «психологически подобные» конфликты в системе «субъект — ситуация», которые, как показывают наши данные, протекают весьма сходным образом и для детей, и для взрослых, то есть оказываются «вне» зависимости от возрастной шкалы¹⁰⁷.

Кроме того, как мы отмечали ранее, концепция готовности как бы интегрирует ряд феноменологических планов в профессиональном становлении и развитии субъекта (другими словами, она оказывается принципиально «многоплановой», что и требуется согласно нашему подходу).

Эта концепция своим объемом «охватывает», по крайней мере:

- план развития самого субъекта [план возрастной психологии];
- план развития мира (в том числе, «мира профессий») и его отражения «в субъекте» [план общей психологии];
- план движения жизненной ситуации, развития взаимодействия субъекта «в контакте» с его окружением [также план общей психологии];
- план «формирования», профессиональной подготовки профессионала [план педагогической психологии];
- план его реальной деятельности по преобразованию ситуации, профессиональной деятельности [план психологии труда];
- план возможных личностных проблем и конфликтов в ходе реализации этой деятельности: с «требованиями» общества, с технологическими «требованиями» профессии, условий и обстоятельств деятельности, с «требованиями» производственной организации, коллектива коллег, подчиненных и начальников и т.п.¹⁰⁸ [социально-психологический и психотерапевтический планы].

Применение концепции готовности, таким образом, как мы и предполагали выше, позволяет наметить пути разрешения «трехстороннего противостояния» концепций развития, формирования и адаптации, ранее отмеченного нами в теории психологии, по крайней мере, в трех отношениях:

- концепция готовности, конечно же, никак не исключает, а наоборот, предполагает возможное развитие субъекта, поскольку в этом случае задача заключается в «одновременном» необратимом изменении и ситуации, и субъекта (в отличие от предыдущего случая). Так, например, профессиональное развитие предполагает некое управление движением субъекта по определенному динамичному «учебному» плану;
- переход к концепции готовности предполагает и известную «адаптацию» субъекта, то есть существование множества вариантов обрати-

¹⁰⁷ Ю.М. Забродин, Г.Б. Морозова. Индивидуальные стили поведения людей в конфликтных ситуациях. М., ВИНТИ, 1993; Они же. В кн.: Управление человеческими ресурсами. М., 1997; А. Дмитриев, В. Кудрявцев, С. Кудрявцев. Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993.

¹⁰⁸ См., например, Ю.М. Забродин, Г.Б. Морозова. Противоречия и конфликты в педагогическом коллективе. М., ВИНТИ, 1993.

мых изменений именно субъекта, принципиально подготовленного для взаимодействия с ситуацией «в данный момент» и «в данном месте» (именно в этом смысле мы и применяем понятие психологического состояния, как потенциально обратимого феномена. В этом случае особую роль приобретают разного рода психологические механизмы «управления состоянием», лежащие в сфере «психосоциальных технологий»: ауто- и гетеротренинги, развитые ныне техники самоуправления состоянием, техники и механизмы «психологической защиты»¹⁰⁹ и т.д.;

- из анализа и исследований готовности логически «вытекает» гроздь родственных категорий, описывающих практически наблюдаемое состояние субъекта (в отношении к конкретно выбранной профессии и в связи с динамикой взаимодействия субъекта с миром в данной ситуации), а также возможные «выходы» из него.

Одним из элементов этой грозди (кластера) становится понятие «пригодности — непригодности», которое предполагает в отрицательном для субъекта случае поиск другой профессии, то есть изменение социальной ситуации и, следовательно, изменение характера взаимодействий субъекта с миром путем искусственного «удаления» субъекта из данной ситуации, поскольку попытки изменения субъекта ни к чему хорошему не приведут. Другая понятийная пара в этой связке охватывает следующий слой психологических феноменов: «подготовленность — неподготовленность»; эта пара становится психологическим основанием для решения множества практических вопросов отбора и распределения профессиональных работников. Третьим примером являются разнообразные формы частной готовности (например, «готовности к школе», готовности «к личностному выбору», готовности к деятельности в особых условиях и т.д.): о некоторых из них речь идет в работах наших коллег и сотрудников¹¹⁰.

Учитывая изложенное выше о психологической, личностной готовности и следуя общим принципам предлагаемого нами подхода, можно проанализировать процесс становления профессионала в свете развития генерализованного понятия личностной готовности, то есть, рассматривая общую категорию личностной психологической готовности в более узком смысле профессиональной готовности, а в последней — выделяя различные виды или уровни частной профессиональной готовности.

Такой анализ позволяет увидеть, что процесс профессионального становления и развития человека как субъекта труда предусматривает:

- развитие функциональной основы психической регуляции деятельности, ее системогенез, это — аспект психологии способностей;

¹⁰⁹ Е.С. Романова, Л.Р. Гребенников. Механизмы психологической защиты. Генезис, функционирование, диагностика. М., 1996.

¹¹⁰ Научные труды ВНИЦ ПО, М., 1994, 1997.

- развитие знаний и взглядов на мир профессий, мир трудовой деятельности, формирование ценности и значимости труда в обществе, «личных» ценностей, склонностей и способностей, ориентаций и требований профессии и т.п., это — аксиологическая сфера;

- развитие личного опыта и «присвоение» ценностей культуры, в том числе, культуры технологической; это — сфера «опыта»;

- интеграцию ценностно-мотивационной, операциональной и функциональной (эмоциональной) готовности в едином субъекте, в данное время и в данной ситуации; это — сфера состояний Sb.

И если на уровне общей, генерализованной личностной готовности определяющими факторами являются развитие механизмов психической регуляции поведения, отношения к людям, к труду вообще, другие мировоззренческие понятия и ценности, то в структуре профессиональной готовности как раз и выделяются ее частные формы:

- *операционная* (создание и развитие психологической системы регуляции профессиональной деятельности, затрагивающее прежде всего профессиональные способности и систему ПВК);

- *мотивационная* (развитие, на базе усвоенных общечеловеческих и собственных личностных ценностей и предпочтений, системы профессиональных интересов и склонностей);

- *функциональная* (генерализованное состояние человека как общее его настроение, на фоне которого развиваются состояния ожиданий, намерения, эмоциональные реакции и др.).

Выделенные формы профессиональной готовности, взятые на разных стадиях профессионального становления и развития субъекта, задают целый спектр возможных вариантов развития жизненных ситуаций, определяя характер дальнейшего движения субъекта на его жизненном и профессиональном пути.

Так, операционная готовность становится основным практическим критерием для решения вопросов о профессиональной пригодности или непригодности человека, и через более или менее развитые процедуры оценки потенциальных возможностей субъекта, уровня и прогноза развития его профессиональных способностей, по сравнению с значениями заранее выделенных систем ПВК, — определяют решение профессиональной судьбы по результатам профессионального отбора.

Мотивационная готовность в ходе психологической диагностики становится реальной базой для определения профессиональной направленности: ее вектора, силы и выраженности, — и тем самым детерминирует результат решения о предпочтении одного работника другому по стимулам и мотивации труда.

Существование и уровень функциональной готовности (точнее — неготовности) является, по-видимому, единственным психологиче-

ским аргументом в пользу всех процедур оперативного экспресс — контроля профессионала перед выполнением ответственных заданий¹¹¹.

Мы полагаем, что эти формы в действительности взаимодействуют друг с другом: например, несовпадение наличных профессиональных способностей с требованиями профессии практически неизбежно ведет к стрессу и переутомлению, и конечно, — к неудовлетворенности трудом на данном рабочем месте. Несовпадение ожиданий с реальными условиями и характером профессиональной деятельности, в свою очередь, влечет за собой фрустрационный стресс и включение механизмов личностной и профессиональной защиты. Рассогласование «личных» ценностей, действительных мотивов и цели деятельности вызывает к жизни «мотивировки», разного рода «замещения» в отношении к действительному содержанию труда и т.д., и т.п.¹¹²

На основании результатов предварительных исследований в свете предыдущих замечаний можно обосновать необходимость комплексной психологической оценки готовности субъекта и общий порядок ее проведения с учетом данных психологического анализа профессиональной деятельности практического психолога¹¹³. Этот порядок предполагает два варианта развития событий:

- (1) комплексная диагностика субъекта → построение «психологического портрета» → прогнозирование вероятной динамики субъекта в следующий момент времени; сравнение движения реального субъекта в реальной ситуации с психологическим прогнозом может оказаться весьма высоким (по данным наших сотрудников¹¹⁴ о прогнозе обучаемости по данным оценки готовности к школе, коэффициент надежности прогноза достигает $r = 0,9$), и тогда возникает возможность до достижения конечного результата (например, уже наступившей задержки развития) «вводить» психологическую помощь и психолого-педагогическую коррекцию вместо «сортировки» контингента учеников.

- (2) комплексная диагностика субъекта → «психологический портрет» → «психологический прогноз динамики» → выбор техники воздействия → «каузальная модель процесса» → коррекция → получаемый результат.

Этот вариант значительно сложнее: он связан со степенью разработанности психологической теории, особенно в области создания «каузальных моделей», но он, безусловно, оказывается более предпочтительным в случаях особо ответственных выборов и в особых условиях деятельности¹¹⁵.

¹¹¹ В.А. Пономаренко. Авиация — белое и черное. М., 1995.

¹¹² См. также Е.С. Романова, Л.Р. Гребенников. Механизмы психологической защиты. М., 1996.

¹¹³ См., например, Ю.М. Забродин, С.А. Николаев. Социально-психологические принципы организации деловых контактов. М., 1994.

¹¹⁴ Научные труды ВНИЦ. М., 1994, 1997.

¹¹⁵ Проблемы формирования профпригодности специалистов. М., 1985.

Применение концепции готовности в исследовании и практическом разрешении проблем психологии профессионального становления оказывается достаточно плодотворным: оно позволяет раскрыть для практического психолога те основные моменты и факторы, которые должны определять характер его практических решений и действий.

В этом плане легче удается сформулировать содержание и сгруппировать классы психологических феноменов на различных этапах профессионального становления и показать внутренние связи между такими оценками становления профессионализма, как *пригодность*, *подготовленность* и *готовность*: первая предполагает оценку уровня и определение потенциала развития психических функций и профессиональных способностей; дополнение их специальными знаниями и личным опытом вместе с развитием общей системы регуляции деятельности, формированием систем ценностей и смыслов позволяет говорить о подготовленности профессионала; сформированность систем мотивации и управления психическим состоянием в дополнение к предыдущим приводит к оценкам готовности профессионала к выполнению конкретной профессиональной задачи.

В связи с изложенным выше мы можем с достаточной долей уверенности говорить о том, что *готовность* (*readyness*), как мы и предполагали ранее, выступает как своеобразный синтез психологических феноменов и понятий на разных уровнях становления профессионала и, в определенном смысле, психологически более содержательна, тем понятие компетентность.

Мы имеем в виду, что в рамках «полной» профессиональной готовности осуществляется синтез:

- уровня развития субъекта (его операциональная и функциональная готовность, знания, опыт и т.п. — *experience & abilities*);
- уровня развития его установок, мотивов и ценностей (сформированности и действенности спектра *intentions, sets & values*);
- уровня активности субъекта, состояний личности (*arousal & mental states*);
- уровня и спектра ожиданий (*expectations*).

Готовность как психологическая категория (в нашей концепции готовности) действительно выступает в виде системообразующего ядра во множестве родственных категорий, понятий и частных определений, описывающих целый класс сходных психических явлений, феноменология которых, правда, неявным образом, была «зацеплена» еще в XIX веке — вначале психоаналитиками, а затем — уже в XX веке — гуманистической психологией¹¹⁶.

¹¹⁶ См. В. Kleinmuntz. *Personality Measurement*. Dorsey Press, Illinois, 1967; Б.В. Зейгарник. *Теории личности в зарубежной психологии*. М., 1982; Ю.М. Забродин. *Модели личности в психодиагностике*, М., 1994; Ю.М. Забродин. *Теория личности и управление человеческими ресурсами*. М., Финстаинформ, 2002.

Указанный класс явлений характеризуется одной общей особенностью, которая в главных своих чертах не зависит ни от конкретных параметров реальной жизненной ситуации, ни от характера взаимодействия субъекта, ни от особенностей самого субъекта (пола, возраста, этнической принадлежности или социального положения).

Сущность этого класса психических явлений раскрывается в особенностях «движения» субъекта по жизненному пути на данном моменте жизни, его (объединенного в рамках задачи) «противостояния» окружению, среде, с целью ее освоения и преобразования.

Этот план анализа, будучи взятым отдельно от целостной жизненной ситуации («полной» системы взаимодействий субъекта), будучи изолирован от целостного движения субъекта, превращается в ту концепцию «противостояния среде» (неважно, природной, социальной или профессиональной), которая характерна для позиций Дж. Холланда, А. Маслоу, К. Роджерса и др.¹¹⁷ И как мы уже указывали выше, мы ее не разделяем.

Вместе с тем, мы не считаем возможным абсолютизировать и «опонирующую» ей концепцию самоизменений субъекта, «ухода» от реального мира, медитации в области измененных состояний сознания, которые в последние годы стали невероятно популярны в странах «западной цивилизации» и, в определенной мере, у нас. Подтверждая наш подход, мы видим в концепции готовности более позитивный психологический момент — наличие в субъекте «ожидания» изменений в окружающем мире, «намерения» найти наилучшее решение в новых, пусть даже неопределенных и необычных ситуациях.

В таком случае, «готовность» как психологический феномен содержит в себе огромное богатство, целый спектр возможных вариантов, планов и намерений субъекта, конкретизирующих само состояние готовности. Оценка готовности, как видно из предыдущего изложения, часто служит прямым основанием для принятия соответствующих практических решений и действий (пригоден — непригоден, подготовлен — неподготовлен, готов — неготов и т.д.), которые могут радикальным образом изменить жизненный путь субъекта.

Во всяком случае, готовность выступает, в полном соответствии с логикой задачного подхода, как «понимание» и «принятие» задачи субъектом, как задача «для субъекта» при встрече с конкретной жизненной ситуацией, — и тогда возникает реальная основа для рационального, а не эмоционального (инстинктивного или «по-привычке») решения проблемы.

При этом ситуация готовности в «обычной жизни» отличается от экстремальной только ограничением времени и шириной спектра «уклонений» возникающих ситуаций от стационарных, «привычных»,

¹¹⁷ Б.В. Зейгарник. Теории личности в зарубежной психологии. М., 1982.

к которым субъект «адаптирован» и «всегда готов». При этом, как показывают результаты наблюдений, если экстремальность ситуации возрастает, то «поведение» субъекта отклоняется от рационального двумя путями: приближаясь к «животному» поведению¹¹⁸ или приближаясь к профессиональному мастерству.

Результаты приведенных выше рассуждений позволяют наполнить конкретным содержанием схематически выделенные этапы профессионального становления и развития человека, представленные ранее. Но тогда мы имеем прямую возможность «взять» отмеченные на рисунке критические моменты на жизненном пути субъекта и показать путем психологического анализа разноплановые прежде «негативные явления», определяющие текущее состояние субъекта.

Так, рассматривая частную «готовность к школе», мы обнаруживаем существенные недостатки «сферы опыта», неразвитость сферы ценностей, отсутствие навыков управления состоянием (и даже — нерелексированность самих состояний маленьким человеком).

Рассматривая «готовность к выбору профессии», мы обнаруживаем полную неготовность современных подростков (да и студентов вузов) к такому выбору в связи с отсутствием систематических знаний о мире профессий, обедненным и искаженным спектром ценностей, нестабильностью и размытостью спектра интересов, мощным влиянием внешних, часто ситуативных факторов (друзей, семьи, текущей социально-экономической конъюнктуры) и т.д.

Оценивая «профессиональную готовность» современных выпускников, мы видим почти полное незнание технологической культуры профессий, резкое падение личностной значимости труда и т.п. Анализ «готовности к профессиональному развитию» раскрывает массу проблем, связанных со страхом перемены места работы, с несформированностью и подсознательной реализацией механизмов личностной защиты и т.д.

Проделанный нами анализ феноменологии профессионального становления на комплексном, системном базисе концепции готовности снова подтверждает необходимость психологического «сопровождения» становящегося профессионала, психологической помощи и поддержки его на жизненном пути. Сама возможность организации такого сопровождения и поддержки предполагает психологический анализ структуры указанных феноменов в едином ключе, который проводится в общей технологической схеме деятельности практического психолога, рассмотренной и раскрытой нами ранее:

- психологическая диагностика и оценка сути наблюдаемых феноменов,

¹¹⁸ Р. Шовен. Поведение животных. М., 1972.; Г. Хайнд. Поведение животных. М., 1975; Ю.М. Забродин. Психологический анализ деятельности человека на границах экосферы. В кн.: Труды по космической биомедицине. Сб. 2. Раздвигая горизонты космической психологии и медицины. М., 1996.

- содержательная комплексная интерпретация их состояния и верной динамики,
- выработка адекватных методов воздействия (каузальных гипотез),
- выдача рекомендаций
- прогноз и коррекция нежелательных явлений (с прогнозом ожидаемого «эффекта действия»).

Заключая данную главу, мы хотели бы отметить, что концепция **готовности как специфического состояния самопреобразования субъекта** в психологии профессионального становления, по нашему убеждению, приобретает особый статус: это статус системной концепции, которая, в частности, предусматривает необходимость:

- *выделения и оценки общего феномена «личностного кризиса» на определенном отрезке жизненного пути в связи с тем или иным влиянием параметров внешней жизненной ситуации;*
- *«индивидуализации» состояния субъекта на этом кризисном отрезке, то есть психологически точного определения характера и содержания реальных жизненных проблем данного субъекта;*
- *признания возможности и необходимости «внешнего» влияния на динамику и направление развития «линии судьбы» данного субъекта;*
- *психологической помощи субъекту в «выходе» из кризисной точки (поддержка для тех, кто не справляется с ситуацией самостоятельно; обучение технике защиты, коррекции и самоуправления для тех, кто принципиально способен сам решить свои проблемы, но — без помощи психолога — неэффективно).*

Материал, представленный в данной главе, по нашему мнению, служит достаточно серьезным аргументом в пользу нашей практической ориентации: **психологическое сопровождение профессионального образования и профессиональной карьеры становится механизмом регулирования социальных процессов становления профессионала**, а практический психолог, действующий в его системе — становится сильным действующим фактором самого профессионального становления как социального процесса, включающего развитие, «целенаправленное» формирование и частичную адаптацию (а иногда — и дезадаптацию) профессионального работника к его реальным жизненным ситуациям.

Недооценка этого фактора, отказ от его изучения и определения внутренних закономерностей его действия (то есть специальных требований к практическому психологу, особых технологий его работы и т.п.), как показывает наш опыт, не позволяет понять и предупредить те вольные или невольные ошибки, которые мы находим в процессе **акмеогенетического** анализа на пути гражданского и профессионального становления сначала ребенка, а потом — и взрослого члена человеческого общества.

Теоретический анализ выявил принципиальные возможности приложения рассмотренного выше подхода к изучению психических состояний как автоморфизмов (самопреобразований) субъекта и подтвердил его полезность в решении практических проблем психологии профессионального становления. Такой подход, как указывалось выше, предполагает в качестве «отсчетной точки» анализа не объект обследования (в нашем случае — субъекта), а ту задачу, которую совместно решает субъект профессионального становления и специалист-психолог применительно к практическим проблемам, возникающим в реальных ситуациях рынка труда.

Этот подход (вместе с приложением классического анализа профессиональной деятельности к работе практического психолога) позволил сформулировать новые принципы, пригодные для проектирования средств и технологии работы специалиста-психолога в решении реальных задач.

Результаты конкретно методологического применения данного подхода к ситуациям профессионального становления человека позволили:

- содержательно обосновать концепцию психологической готовности и ее приложения к задачам психологии профессионального становления на разных этапах и уровнях профессионального развития;
- показать возможность переопределения структуры и психологического содержания выделенных с помощью концепции готовности этапов профессионального становления человека с одновременным учетом личностных феноменов развития и особенностей реальных жизненных ситуаций, возникающих в процессах профессионального становления и развития.

Эти результаты представляют собой одно из оснований для научно обоснованных решений частных задач профессионального становления человека на разных этапах его жизненного пути.

Раскрывая специфику реальных частных задач, они также иллюстрируют психологическую сущность индивидуальных проблем и их непохожесть друг на друга в разных практических задачах. Так, в одних случаях, эта специфика выдвигает на передний план известные проблемы развития способностей, в других — профессиональных интересов, в третьих — проблемы целостной личности и ее «сопротивления» нежелательным обстоятельствам социальной ситуации.

Вместе с тем, взятые в комплексе системные характеристики состояний субъекта дают представление о системной динамике личностного развития и подтверждают правильность выбора общей отправной точки нашего анализа — целесообразность соединения субъектного и задачного подходов в исследовании и сопровождении критических мо-

ментов жизненного пути конкретного субъекта. Их соединение, помимо прочего, состоит в признании:

- целостности индивидуальности,
- неразрывной связи человека с его жизненной ситуацией,
- необходимости специальной психологической подготовки человека к «встрече» с новой жизненной ситуацией,
- «гетерохронности» личностного движения, когда в разное время на передний план выдвигаются разные симптомокомплексы проявлений индивидуальности, в зависимости от конкретных жизненных ситуаций и конкретной личностной структуры¹¹⁹.

¹¹⁹ Б.Г. Ананьев. О проблемах современного человекознания, М., 1977.; В.С. Мерлин. Об интегральном исследовании индивидуальности. Пермь, 1977.

Глава 7.

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ КАК ПРИЛОЖЕНИЕ ТЕОРИИ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ

7.1. Вводные замечания. Особенности переходной ситуации на российском рынке труда

Анализ хода российских реформ — государственного, политического и хозяйственного переустройства России — выявляет множество проблем, так или иначе затрагивающих основные сферы жизнедеятельности человека: образование, труд, свободное время. Как мы уже отмечали¹²⁰, большинство из этих проблем, так или иначе связано с поиском новых *неадминистративных механизмов, повышающих эффективность государственного и общественного регулирования социальных процессов*, в том числе прямого управления ими. Становится понятным, что возникшие и возникающие в процессе развития реформ трудности существуют на фоне и вследствие радикальных изменений *условий жизни людей, человеческих отношений, особенностей гражданского и профессионального развития самого человека*. Формируются качественно иные принципы организации жизни и деятельности людей, меняется иерархия социальных и поведенческих норм и ценностей, на передний план выходят вопросы *социально устойчивого и безопасного развития не только государства и страны, но и — личности, гражданина*. Эти перемены в жизни российского населения в значительной степени осложняются в связи со спецификой переходного периода, с появлением так называемых *трансформационных социальных феноменов*, предполагающих реальное расширение индивидуальных свобод, увеличение ответственности человека в определении собственной судьбы, растущую нагрузку на самостоятельность человеческой личности.

С начала реформ российского общества прошло пятилетие, и, как мы полагаем, появилась реальная возможность более или менее аккуратно проанализировать минувший исторический отрезок с учетом накопленной феноменологии, данных научных исследований, оценки произошедших политических, социальных и экономических изменений.

По нашему мнению, целесообразно взглянуть на происходящие в России процессы, прежде всего, *с человековедческой точки зрения*. Это нужно для того, чтобы более точно рассмотреть причины появления и

¹²⁰ Ю.М. Забродин. Развитие человека в изменяющейся социальной ситуации. В кн.: Профессиональное обучение и повышение квалификации в условиях экономической трансформации общества и формирования новой социальной политики. М., 1995.

оценить состояние *точек развития* социальной и хозяйственной политики, выявить закономерности и перспективы изменения отношений людей, их поведения в критических жизненных обстоятельствах, которых складывалось немало за истекшее пятилетие.

Именно они определяют особенности *новых социальных ситуаций*, характеризуют качественную динамику тех условий и факторов, в которых разворачиваются *линии жизни* реальных индивидов, формируются и осуществляются как *гражданская*, так и *профессиональная карьера* каждого человека.

Теперь уже все более ясно, что фундаментальным условием развития российского общества и российской экономики является *развитие человеческого ресурса общества*, без которого немислимы никакие долгоживущие изменения *в условиях жизни и деятельности* людей, *в системе межчеловеческих отношений*. Это означает, в частности, что главным фактором российских реформ становится *гражданский, интеллектуальный и профессиональный потенциал* страны. В этой связи особый интерес для нас представляет оценка состояния — общего потенциала и вероятной динамики — человеческого ресурса в условиях экономических реформ. По нашему мнению, принципиально важными с этой точки зрения являются следующие четыре группы проблем.

- (1) Оценка состояния, реальности и перспектив экономических трансформаций в российском обществе в сравнении с мировым экономическим процессом. Изучение того, как эти новые социальные факторы изменяют персональные условия и обстоятельства жизни человека на разных этапах его гражданской и профессиональной карьеры; как экономические преобразования и их последствия воспринимаются населением в целом, а также — работниками и работодателями.

- (2) Исследование структуры и динамики российского рынка труда в современных экономических координатах (объемы, структура и динамика экономически активного населения — ЭАН; распределение и миграция ЭАН по различным секторам экономики; профессиональная миграция между отраслями внутри секторов и территориальная миграция; перспективы наполнения рынка рабочей силы; уровень профессионального образования и профессиональная квалификация работников; и т.п.).

- (3) Исследование личностных, индивидуальных эффектов политических, социальных и хозяйственных реформ. Это означает изучение особенностей восприятия происходящих в обществе изменений; эмоциональные, оценочные и поведенческие реакции людей на те или иные события, решения и действия политических и хозяйственных руководителей; формирование, восприятие и принятие изменений в нормативной базе социальных отношений.

- (4) Оценка и основательный научный анализ психологической ситуации, складывающейся в обществе, изменений в индивидуальной

и общественной психологии. Определение новых задач, места и роли научной и практической психологии в жизни российского общества с учетом существенно возросшей и изменившейся потребности населения в психологических знаниях и услугах.

Особенности переходной ситуации на российском рынке труда. Итоги двадцатилетнего периода радикальных реформ, происходящих в России, показывают, что наряду с очевидными положительными моментами на данном этапе перехода российского общества от «плановой» к «рыночной» экономике обнаружилось множество негативных явлений: существенно ухудшилась экономическая ситуация, увеличивается расхождение общества по уровню доходов, падает качество жизни и т.д.

Особенно заметны последствия этих негативных явлений в психологической сфере — существенным образом изменяется поведение людей, их отношения друг к другу, их системы ценностей; меняется социальная и личностная ориентация индивида при оценке социальных и политических событий; наблюдается поляризация позиций в отношении к ходу реформ, в степени участия в них конкретных людей. Как показывают результаты социологических опросов, для значительных контингентов населения, особенно слабо социально защищенных, эффекты реформ и, соответственно, отношение к ним определяются резко возросшей нестабильностью социально-трудовых отношений, потерей уверенности «в завтрашнем дне»¹²¹. Это лишний раз подтверждает известный факт — в формировании обыденной психологии человека социальные и экономические обстоятельства жизни занимают ведущее место.

В этой связи, как мы уже отмечали¹²² (Ю. Забродин, 1994, 1996, 2002), исключительно важным сегодня становится психологически ориентированный анализ тех социальных и экономических трансформаций российского общества, которые определяют действительные особенности жизненных ситуаций конкретного человека.

Анализ этих трансформаций показывает, что в результате реформ в России можно обнаружить ряд достаточно устойчивых макро- и микроэкономических феноменов, которые существенно влияют на отношения и поведение человека. Эти феномены, в свою очередь, в значительной мере сами определяются действующими человеческими отношениями и поведением. Так, в течение последнего пятилетия в России резко возросла так называемая «профессиональная» миграция: ежегодно десятки миллионов человек по тем или иным причинам меня-

¹²¹ В.И. Чупров, М.Ф. Черныш. Мотивационная сфера сознания молодежи: состояние и тенденции развития. М., ИСПИРАН, 1993; М.Н. Руткевич, В.П. Потапов. После школы. Опыт социологического исследования. М., 1995.

¹²² Ю.М. Забродин. Профессиональная ориентация как элемент системы управления человеческим ресурсом на рынке труда и профессий. В кн.: Профорентация и проблемы занятости молодежи. Омск, 1994; Он же. От учета человеческого фактора к управлению человеческими ресурсами. Ж. «Человек и труд», № 12, 1996; Ю. М. Забродин. Теория личности и управление человеческими ресурсами. М., Финстатинформ, 2002.

ют место своей работы, и этот фактор становится важным параметром динамики российского рынка труда. Впервые с 1993 года постоянным и значимым фактором нашей жизни стала безработица.

В 1995 году уровень безработицы оценивался (с учетом скрытой формы) в 8—12 млн. человек при 72 млн. человек экономически активного населения — ЭАН России. И хотя, судя по официальным данным Госкомстата России, уровень безработицы за последний год оставался относительно стабильным, почти четыре миллиона человек обратились в 1995 году в региональные органы федеральной службы занятости — ФСЗ. При этом структурные характеристики обращений сохранялись примерно теми же, что и в 1993 году.

Оценка имеющейся статистической информации и данных мониторинга социально-трудовой сферы позволяет увидеть, что структура российского рынка рабочей силы уже на первом этапе реформ претерпела драматические изменения:

- значительно — более чем на пятнадцать миллионов человек — уменьшился общий *объем экономически активного населения* — ЭАН России;
- существенно выросло и продолжает увеличиваться число *рантье и неучтенных «самозанятых»* лиц;
- качественно изменилось *соотношение предприятий государственной и негосударственной форм собственности*: первые составляют уже менее половины общего числа предприятий и учреждений России;
- происходит *перераспределение рабочей силы*: наблюдается значительный переток занятых из первичного и вторичного в третичный сектор экономики, — последний увеличился в 1995 году почти на 13%;
- *профессиональный профиль* российских работников весьма значительно отличается от аналогичных профилей развитых государств: в России неоправданно высока доля работников малоквалифицированного труда, весьма велико число инженеров в ущерб квалифицированным работникам сферы обслуживания, включая квалифицированных ремесленников и лиц так называемых свободных профессий;
- растет *горизонтальная «профессиональная миграция»* между отраслями народного хозяйства — примерно пятнадцать миллионов человек поменяли место работы в текущем году;
- искажена *структура рынка свободной рабочей силы* — доля специалистов высокой квалификации среди безработных в ряде регионов достигает 60 %;
- начиная с 1993 года впервые на свободном рынке появились *выпускники общеобразовательной и профессиональной школы*.

Таким образом, даже эти, весьма ориентировочные, данные позволяют оценить глубину того кризисного состояния, в котором оказалось российское общество на интервале перехода от административной системы государственного управления к рыночной экономике. В этих ус-

ловиях остро необходимой становится разработка такой государственной политики, которая обеспечила бы **вероятное устойчивое развитие российских реформ и российского общества.**

Эта задача вполне соответствует общей стратегии мирового сообщества, провозглашенной на Всемирной Конференции ООН в Рио-де-Жанейро. Вместе с тем, ясно, что Россия должна думать *не только о «путях»* (т.е. целях и технологиях) *устойчивого развития*, но также — *о ресурсах, которые могут обеспечить это развитие.*

Я убежден, что в этом случае речь должна идти, в первую очередь, **о человеческих ресурсах России.**

Анализ состояния человеческого ресурса России показывает, что проблема оценки, рационального использования и эффективного его воспроизводства становится одной из главных: речь ведь идет не только об экономической стабилизации, но — о перспективах безопасного и устойчивого развития всего нашего общества.

Сопоставительный анализ фактов, приведенных выше, а также другой информации по состоянию и движению человеческого ресурса России, в частности, статистики занятости и движения рабочей силы, сведений о профессиональной миграции, данных о выпуске и трудоустройстве специалистов, приводимые Госкомстатом, Госкомвузом и Министерством образования России, подтверждают наш вывод о том, что уже к концу 1993 года практически разрушились прежние административно закреплённые связи между *учебными местами* профессиональной школы и *рабочими местами* в трудовой сфере.

Так, уже в 1994 г. более 50% выпускников вузов, до 68% выпускников средней и до 80% выпускников начальной профессиональной школы оказались нетрудоустроенными; без работы и учебы остались примерно 500 тыс. девятиклассников. В целом, начиная с 1994 года, ежегодно органы государственного управления и службы местного самоуправления «теряют» более 1 млн. выпускников из различных звеньев общеобразовательной и профессиональной школы. Следует отметить, что процесс этот, к сожалению, имеет кумулятивный характер, и число нетрудоустроенной молодежи возрастает год от года, внося свой негативный вклад в ослабление реального профессионального потенциала российской экономики и поддерживая тенденцию на снижение качества жизни российского общества. Для сравнения — в Японии трудоустраивается сразу после выпуска до 92% молодых людей; в США — получают работу в течение месяца после окончания университета более 84% выпускников естественнонаучного и технического профиля и 38% гуманитариев (через 6 мес. — 94 и 78%, соответственно, а через 9 мес. — 96 и 94%).

Нужно сказать, что разрушение связей между профессиональной школой и профессиональным трудом имеет не только экономические и криминальные последствия. Специальные исследования, проведенные

нами в 1993–1995 годах, показывают, что в условиях начального этапа переходного к рынку периода сильно изменилось психологическое отношение к труду и трудовой деятельности как у молодежи, так и у взрослого населения. Прежде всего, стали другими системы личностных ценностей и оценок: мы уже отмечали ранее, что значительно возросло ощущение личностной и ситуативной неопределенности. На этом фоне отмечено резкое падение чувства собственного достоинства, снижается уверенность в завтрашнем дне, отсутствует ощущение профессиональной и личностной перспективы (более 60% выпускников профессиональной школы не имеют жизненных планов, а до 80% из них не уверены в том, что смогут найти подходящую работу). Существенным образом изменились оценки значимости труда (см. табл. 1.1).

Табл. 1.1.

Мотивация труда при выборе профессии

Наименование фактора	% ответов	
	1993	1995
Жалование, получаемое за работу	66	56,3
Возможность использовать свои знания и опыт	53	55,1
Уверенность, что работа будет оценена справедливо	43	38
Стабильность и постоянство работы	53,3	26
Свобода в выборе собственных методов работы	6,2	20
Сотрудники, близкие «по духу», компетентные и приемлемые ...	12,0	18
Возможность продвижения по службе	19,8	13
Возможность консультироваться в случае трудностей	22,8	11
Вежливое обращение начальства	15,0	10
Возможность понимать, что хочет начальник от выполняемой работы	6,0	-

Вторичный анализ, выполненный на основании имеющихся в публикациях материалов, подтверждается также данными наших специальных исследований на различном студенческом контингенте. В условиях переходного периода (первое пятилетие реформ) значительные изменения претерпевает отношение учащихся различных звеньев профессиональной школы к перспективам работы по специальности, к своей будущей профессиональной деятельности.

Выборочные исследования работников производственных предприятий различных форм собственности также подтверждают отмеченные нами ранее тенденции: на фоне структурных преобразований экономики, за которыми последовали резкие изменения в структуре и динамике российского рынка труда, наблюдается явление, весьма неприятное по своим долгосрочным эффектам: существенно падает престиж профессионального образования и профессионального труда (см. табл. 1.2).

Выбор профессии стал серьезной жизненной проблемой для большинства учащихся как общеобразовательной, так и — что особенно важно — различных звеньев профессиональной школы.

Табл. 1.2.

**Отношение работников к профессиональному обучению
(по данным 200 предприятий)**

	Утверждения	Ответы в %	
		1993	1997
1	Не хотят учиться вообще	38,7	9
2	Получить дополнительные знания в области рыночной экономики	14,2	23,7
3	Повысить профессиональную квалификацию	10,5	46,9
4	Обучиться новым профессиям (за счет предприятия)	20,4	30,4
5	В том числе, на предпринимателя	5,0	12,1

Полученные нами дополнительно данные опросов и анкетирования показывают, насколько значительно расходятся интересы (увлечения) современной молодежи и реально действующие факторы профессионального выбора, какова роль различных социальных групп в этом выборе.

Психологические исследования позволяют увидеть, насколько далеко расходятся индивидуальные ценности и оценки собственных возможностей и перспектив у взрослых и молодых людей, у детей и их родителей как при анализе собственного состояния, так и при оценках сложных жизненных ситуаций, которые связаны с проблемами профессионального выбора и психологической помощи (табл. 1.3).

Табл. 1.3.

Характер помощи, необходимой детям при выборе профессии

	Помощь, необходимая детям при выборе профессии	Мнение родителей		Мнение детей	
		1993	1993	1997	1997
1	В оценке интересов, склонностей, способностей	31%	15%	26,9%	
2	В оценке здоровья применительно к профессии	19%	3%	-	
3	В составлении профессионального плана	19%	27%	24,6%	
4	В работе по самовоспитанию	34%	34%	10,2%	
5	В информировании о профессии	19%	42%	34,7%	

Следует заметить, что даже весьма предварительные пилотные психологические наблюдения обнаруживают психическое напряжение и стресс более чем у 50% человек из обследованного нами контингента (контингент для обследования был выбран на различных стадиях профессионального становления человека — от выпуска из общеобразовательной до высшей профессиональной школы).

Отмеченные выше негативные проявления находят свое непосредственное продолжение в растущих личностных напряжениях и стрессах, которые наблюдаются как у детей, так и у родителей, как у молодых людей, так и у взрослых. При этом наблюдаемые результаты практически не зависят от особенностей региона, от пола и возраста, от профессиональной принадлежности и социального положения людей, а обобщенная структура формирующихся в этих условиях смысловых оценок (семантических пространств) и личностных защит [с учетом порядка приоритетов] обнаруживает скрытые и явные тенденции к агрессии. Полученные данные имеют для нас особое значение, поскольку, как мы полагаем, именно работа оценочного механизма лежит в основании формирования и действия личностных смыслов, предпочтений и выборов человека¹²³. Дополнительное изучение феноменологии и закономерностей работы этого механизма может дать исследователю и практическому психологу более полное понимание прямых влияний изменяющихся социальных ситуаций на организацию поведения личности.

7.2. Управление человеческими ресурсами как психологическая проблема

Таким образом, многочисленные перемены, наблюдаемые в условиях начального этапа трансформации российского общества и российской экономики, вызывают к жизни весьма важные изменения¹²⁴ в поведенческих и личностных характеристиках граждан России. Отмеченные негативные явления (включая факты растущего расслоения российского общества, снижение социальной защищенности, потерю жизненных перспектив работников и т.п.) делают необходимым создание **национальной системы психологического сопровождения и поддержки индивида на его жизненном пути**, и, прежде всего, — в процессе формирования и реализации профессиональной карьеры человека. Необходимо осознанное, научно обоснованное управление и самоуправление развитием человека как гражданина и профессионала.

В общественном сознании российского населения оформляется совершенно новая концепция отношения к человеку, — *управления человеческим ресурсом*, в отличие от прежней концепции *учета человеческого фактора*.

¹²³ Ю.М. Забродин. Методологические проблемы психологического анализа и синтеза человеческой деятельности. В кн.: Эффективность деятельности оператора. М., 1982; Он же. Психическая функция оценивания в регуляции человеческой деятельности. В кн.: Субъективная оценка в структуре деятельности, Саратов, 1987; Социальные технологии в системе производства зарубежных стран, Минск-Волгоград, 1993; Ж.-М. Ле Галль. Управление людскими ресурсами. М., 1995; Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы. М., 1997.

¹²⁴ Следы которых остаются заметными вплоть до настоящего времени.

Управление человеческим ресурсом предполагает активную опору на комплекс наук о человеке, в котором сближаются, с одной стороны, теоретическая и прикладная социология, а с другой — теоретическая и прикладная психология, включая социальную психологию и психологию труда, психологию и психодиагностику личности и другие. При решении практических задач управления человеческим ресурсом осуществляется воздействие на три основных составляющих:

- условия жизни и деятельности индивидов и социальных групп;
- межличностные отношения в различных сферах деятельности;
- процесс развития самого субъекта, формирования личности.

Эта триада проявляется, обнаруживая свою специфику, в различных сферах — в образовании, труде и отдыхе; в распределении «занятого» и свободного времени человека и т.д.

Понятно, что рациональное управление человеческим ресурсом имеет двойственную направленность. С одной стороны, его результатом должно стать создание развернутого во всем профессиональном спектре контингента хорошо подготовленных специалистов, отвечающих требованиям современного российского рынка: от ремесленника и предпринимателя до наемного работника и государственного служащего (чиновника). С другой стороны, для этого контингента должна быть обеспечена продуктивная занятость.

Поэтому мы полагаем, что важнейшим элементом *управления человеческим ресурсом* на современном этапе становится анализ и рационализация связей между меняющимися в ходе реформ системами образования и занятости. Как показывает анализ множества реальных жизненных ситуаций, психологически наиболее трудными становятся именно моменты перехода между различными звеньями общеобразовательной, профессиональной школы и сферой профессионального труда. Решение обозначенных выше проблем предполагает разработку ***специальных государственных и общественных механизмов управления человеческим ресурсом.*** Одним из вариантов такого механизма могут стать целевые программы управления человеческими ресурсами на федеральном и региональном уровнях; программы профессионального становления и развития человека в образовательных учреждениях; планы и программы развития персонала на предприятиях¹²⁵.

Цель таких программ — социальное управление процессами становления человека как гражданина и профессионала, развитие профессио-

¹²⁵ Ю.М. Забродин. Профессиональное становление: от профессионального образования к профессиональной карьере. В кн.: Материалы Всероссийского совещания руководителей региональных органов образования, Омск, 1993; Он же. Российские реформы и перспективы развития психологии. Ж. «Магистр», № 6, 1996; Ю.М. Забродин, Н.А. Носов (ред.). Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы. М., 1997; Ю.М. Забродин. Теория личности и управление человеческими ресурсами. М., Финстанформ, 2002.

нального и интеллектуального потенциала общества, рациональное его использование.

Опыт практической работы доказывает также крайнюю необходимость создания основательной научной базы решения перечисленных практических задач. Они задают *главные направления развития психологической теории* и формируют потребность в создании новых *методов исследования, оценки, сопровождения и поддержки* процессов развития человека в основных социальных системах его развития — в системах образования и профессионального труда.

Фундаментальными в этом плане становятся проблемы, фокус которых сосредоточивается на:

- анализе *процессов жизни* субъекта, который, помимо изучения *деятельности*, включал бы *процессы развития* человека; появления и удовлетворения потребности; воспроизводства и развития человеческих отношений;
- изучении *интеграции линий жизни* и судеб конкретных субъектов в *социальных процессах* организации и движения больших групп, — «массовидных» процессов и явлений;
- взаимосвязей «индивидуального» и «общественного» сознания; поведения людей в организациях;
- исследовании *психологических оснований* так называемых *рыночных процессов*: таких, как перемена собственности и конверсия предприятий, изменение характера и особенности процессов производства и потребления; процессов обмена и др.

Необходимо специально отметить, что широко известная и упоминавшаяся нами ранее **концепция учета человеческого фактора** в создании новых машин и технологий для своего времени была весьма прогрессивной и обеспечила развитие разнообразных приложений экспериментальной психологии в исследованиях и оптимизации взаимодействий в системах «Человек — Машина», раскрыла реальные пути существенного повышения эффективности профессиональной деятельности. Эта концепция задала совершенно определенные направления поиска путей управления человеческим поведением, способностями и интересами человека¹²⁶.

Отметим также, что развитие теоретической и прикладной психологии на базе парадигмы учета человеческого фактора в процессах профессиональной деятельности и в организационном управлении создало весьма мощную основу для решения целых классов практических задач, в том числе с применением каузальных принципов. Они были

¹²⁶ Психологические проблемы взаимной адаптации человека и машины в системах управления. М., 1980; Б.Ф. Ломов. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984; Ю.М. Забродин. Модель личности в психодиагностике. М., 1994; Ю.М. Забродин. Теория личности и управление человеческими ресурсами. М., Финстанформ, 2002.

реализованы в решении задач управления людьми (их поведением, отношениями, способностями и т.п.), в проектировании деятельности и субъектов деятельности, в оценке профессионально важных качеств, построении «психологических портретов» индивидов и т.п., — и все это нашло широкое применение в разработке психологических аспектов труда, управления, здравоохранения, обороны, образования и др.

Принципиально новая задача — **управления человеческим ресурсом**, — в отличие от задач **учета человеческого фактора**, предполагает раскрытие *возможностей и закономерностей развития субъекта как целостного существа*, находящегося в непрерывном взаимодействии с миром в своем ближайшем окружении, в определенной социальной среде, в определенных социальных институтах, например таких, как профессиональная работа в организациях и учреждениях.

Мы уже отмечали выше, что **кадровый потенциал, качество персонала предприятий является важнейшим фактором успеха любых экономических реформ**. Стратегическая кадровая политика становится одним из ключевых моментов государственного управления в развитых странах.

Хорошо известна не только социальная, но и экономическая полезность политических решений и финансовых инвестиций в человеческий ресурс. **Уровень профессиональной подготовки рабочих, специалистов-управленцев определяет эффективность программ структурной перестройки экономики**, расширения производства товаров и услуг, обеспечения их конкурентоспособности на внутреннем и внешних рынках. **Высокая квалификация работников является основой их социальной защищенности и устойчивости на рынке труда**: такие работники мобильны, трудоустраиваются быстро и самостоятельно, без обращения в службы занятости.

Опыт российских реформ показал, что сложившаяся в 90-е годы в России **государственная политика в сфере человеческого (профессионального) ресурса оказалась неэффективной**: существенно ослаблена профессиональная школа, отсутствует система развития персонала предприятий, разрушены прежние связи между профессиональным образованием и профессиональным трудом. Рынок профессий и рынок образовательных услуг России практически не связаны.

По данным региональных органов по труду, составивших примерный перечень дефицитных специальностей на начало 1996 года, в приоритетной десятке оказались в основном специальности ремесленников и работников сферы услуг. Но в системе начального профессионального образования главное внимание по-прежнему уделяется подготовке промышленных рабочих массовых профессий.

Несмотря на то, что *в разных звеньях профессиональной школы* под давлением условий на рынке труда и профессий разрабатываются новые образовательные стандарты, изменяется структура и спектр специ-

альностей, — мало внимания уделяется овладению учащимися практическими навыками работы в условиях экономических преобразований.

Большинство выпускников общеобразовательной и профессиональной школ не видят для себя ясной жизненной перспективы, страдают от неопределенности профессиональной карьеры (более 30% находятся в состоянии ярко выраженного стресса). Более 50% выпускников профшколы последние годы оказываются невостребованными предприятиями и организациями, вынуждены работать не по специальности.

Экономическая ситуация, сложившаяся в большинстве отраслей экономики, также отрицательно сказывается на профессиональном уровне персонала предприятий и организаций. Периодичность повышения квалификации руководителей и специалистов в России сейчас составляет в среднем 7–8 лет, в то время как в странах Западной Европы, Японии — 3–5 лет; рабочих кадров, соответственно — 13–15 лет и 3–6 лет.

Выборочные обследования показывают, что квалификация большинства руководителей и специалистов предприятий не отвечает предъявляемым им сейчас требованиям. По разным оценкам более 80% работодателей не имеют детально проработанных бизнес-планов и практически никто не имеет планов работы с персоналом.

Напомним, что вопросы формирования профессионального потенциала предприятий и организаций в современной мировой науке и практике относятся к новой комплексной сфере социальной политики — **управления человеческими ресурсами**. Основная практическая задача управления человеческими ресурсами состоит в *эффективном сохранении и воспроизводстве, направленном формировании и рациональном использовании профессионально подготовленного, отвечающего потребностям национальной экономики, персонала предприятий и организаций*. Решение этой задачи означает осознанное формирование контингента Экономически Активного Населения страны (ЭАН) — его объема, структуры и качества. При этом реализуются следующие социальные функции¹²⁷:

- целенаправленная *подготовка населения к труду* (в первую очередь, молодого поколения, включая его общее и профессиональное образование);
- эффективное *формирование профессиональной карьеры* (включая ее планирование, выбор профессии и конкретного рабочего места);
- устойчивая и безопасная *реализация профессиональной карьеры* (включая профессиональную миграцию, трудовую и социальную адаптацию, рекреацию и социально-безопасный выход из сферы труда).

¹²⁷ Существуют особые *технологии управления человеческими ресурсами*, которые России еще предстоит осваивать. К числу таких технологий относятся: *социальные, экономические, психологические и педагогические технологии*, предполагающие программное управление на федеральном и региональном уровнях.

Для реализации этих функций в странах с рыночной экономикой формируются три социальные системы:

- *профессиональное образование и профессиональная консультация в целях подготовки к трудовой деятельности;*
- *профессиональная ориентация и психологическое консультирование при формировании жизненных планов;*
- *развитие персонала и психологическое сопровождение при реализации профессиональной карьеры.*

Проблемы современной России состоят в том, что такие национальные системы или отсутствуют, или разрушены в ходе социальных реформ. Новые механизмы еще только формируются, и это делает крайне низким и неэффективным профессиональный потенциал российской экономики в целом. Практически втрое уменьшилась по объему и не соответствует потребностям рыночной экономики *система повышения квалификации* как рабочих, так и специалистов, как исполнителей, так и линейных руководителей. Российское производство по-прежнему ориентировано на количество и качество продукта, а не на реальные нужды и возможности потребителя.

Профессиональная школа в ответ на динамику рынка перестраивает спектр и формы подготовки: в начальной профессиональной школе введен новый перечень из 298 специальностей (вместо более чем 1500), в высшей школе осуществляется двухуровневая подготовка также по новому спектру специальностей. Идет активная работа над новыми национальными образовательными стандартами. Однако эта реформа продолжается без учета реальных потребностей и структуры российского рынка труда, в частности без учета меняющегося в ходе экономической реформы рынка профессий.

В качестве приемлемых механизмов связи сфер профессионального образования и профессионального труда в развитых странах разрабатываются специальные средства (педагогической и психологической) *компенсации рассогласований* между *возможностями профессиональной школы* (технологий, техники организации учебного процесса и конкретных учебных мест) и *требованиями развивающегося производства* (технологиями, техникой, организацией трудового процесса и конкретных рабочих мест).

В число таких средств входят:

- *средства развития персонала предприятий, включая внутрифирменное обучение;*
- *средства психологической поддержки и сопровождения профессиональной карьеры,*
- *средства работы с контингентом на свободном рынке труда.*

С помощью этих средств в рамках упомянутых выше национальных систем создаются экспериментальные общенациональные и региональные программы (проекты) управления человеческими ресурсами.

Эффективная работа названных выше систем и реализация экспериментальных программ нацелены на накопление опыта в рациональном использовании человеческого ресурса. Критериями эффективности этих систем являются:

- оценка успешности формирования кадрового потенциала национальной экономики;
- оценка качества (профессиональной компетентности) персонала и отдельного работника.

Положение дел в сфере оценки качества человеческого ресурса.

Как показывает опыт развитых стран, в условиях жесткой конкуренции на мировом рынке производство конкурентоспособной продукции предусматривает *сертификацию произведенной продукции* в нормах международных стандартов. Это предполагает, одновременно, *сертификацию персонала предприятия*, выпускающего данную продукцию, — также в рамках международных стандартов. Без соответствующей сертификации продукция просто не выпускается на официальный мировой рынок товаров и услуг, и с этим уже столкнулись российские производители.

Сертификация персонала осуществляется на основе

- *спектра (классификатора и стандартов) специальностей и специализаций в профессиональном образовательном пространстве (пространстве учебных мест), согласованного с возможностями человека и тенденциями НТП;*
- *спектра (классификатора и стандартов) профессий и должностей в пространстве рабочих мест, согласованного с требованиями реального производства и возможностями профессионального образования.*

Нужно сказать, что в России к настоящему времени полностью отсутствует соответствующая международным требованиям и стандартам система сертификации работающего (не учащегося) персонала предприятий и организаций.

Понятно, что для того, чтобы эффективно заработал полный цикл управления человеческими ресурсами, необходимо создать недостающие звенья обратной связи (оценки результатов управления человеческим ресурсом), — то есть создать *средства и механизм оценки реального качества отдельного профессионального работника и персонала предприятия (организации)*. Для этого необходимо разработать согласованные между собой:

- классификаторы специальностей (со специализациями) и учебных мест,
- классификаторы профессий (с должностями) и рабочих мест.

При разработке этих классификаторов необходимо учесть имеющийся опыт и особенности складывающихся в России рынка труда и рынка рабочей силы, а это предполагает, что будут проведены:

- анализ российской ситуации в регионах, по отраслям экономики и в целом;

- изучение зарубежного опыта и его обобщение с целью последующего переноса на российские условия;
- научные исследования структуры российского рынка профессий и рынка образовательных услуг, в том числе, с привлечением зарубежных экспертов.

Нужно отметить, что аналогичные трудности возникли в последние годы в Европе, когда, после подписания Маастрихтского и Шенгенского соглашений профессиональная миграция между странами ЕС столкнулась с проблемами согласования национальных образовательных стандартов и национальных классификаторов профессий. Европейцы немедленно начали научные *исследования и разработки новых межнациональных механизмов согласования различий национальных образовательных систем и стандартов и национальных классификаторов профессий* с целью выхода на объединенную систему сертификации и оценки качества профессиональных работников.

Таким образом, изучение положения дел в области сохранения и развития профессионального (кадрового) потенциала российской экономики и оценки качества человеческих ресурсов выявляет ряд серьезных проблем:

- качественный уровень работников российских предприятий существенно уступает уровню работников предприятий развитых стран Запада и продолжает снижаться;
- кадровая и организационная политика большинства предприятий не соответствует требованиям рыночной экономики и наряду с этим не удовлетворяются интересы работодателей как потребителей квалифицированной рабочей силы;
- профессионально-квалификационная структура российского рынка рабочей силы является жесткой и мало восприимчивой к изменениям, незащищенными оказались квалифицированные работники при их профессиональной миграции;
- основная масса работодателей и работников (с учетом выработанных трудовых установок) — не заинтересована в повышении профессиональной квалификации, росте продуктивности труда. Углубляется мотивационный кризис, вызванный ростом неудовлетворенности работников предприятий своим трудом.

Решение этих проблем с целью *сохранения и эффективной реализации профессионального потенциала российской экономики* требует ***изменения государственной политики в области управления человеческими ресурсами*** (их рационального использования и развития) — для того, чтобы:

- *обеспечить конкурентоспособность российской рабочей силы на национальном и международном рынке труда, — через развитие системы внутрифирменного обучения*;
- разработать и в последующем реализовать *государственную систему защиты профессионализма квалифицированных работников и*

интересов работодателей как потребителей рабочей силы, — через разработку государственных профессиональных стандартов и создание механизма сертификации работников;

- *обеспечить государственное регулирование рынка рабочей силы и рынка образовательных услуг, — через разработку, реализацию и координацию национальных, региональных и отраслевых программ развития человеческих ресурсов;*

- *содействовать профессиональному самоопределению работников, развитию их профессиональной карьеры, — путем создания и развития национальной системы профориентации и психологической поддержки населения.*

Для обеспечения указанной работы необходимо создать научные основания и организационно-правовые механизмы формирования и развития **трех общенациональных систем:**

- развития персонала предприятий;
- профессиональной ориентации и психологической поддержки населения, особенно тех категорий, которые впервые выходят на рынки труда;

- психологического сопровождения профессионального образования в широком смысле и разработки сети региональных программ управления человеческим ресурсом.

В числе первоочередных предложений к основным направлениям государственной политики в данной области целесообразна **система мер по содействию предприятиям и организациям в получении квалифицированных профессиональных кадров, в развитии персонала на производстве, в профессиональной консультации и оценке персонала.**

7.3. Значение «учета человеческого фактора» и «управления человеческим ресурсом» в реформируемом российском обществе

Научно-технический прогресс и глубокие социальные изменения, происходящие в современном мире, предъявляют особые требования к наукам о человеке, о человеческой психике. Непрерывный рост технической и энергетической вооруженности современного производства, с одной стороны, и повышение социальной активности каждого члена общества, с другой — приводят к возрастанию роли психологического, «человеческого фактора» во всех сферах жизни нашего общества: в производстве, управлении, идеологии и политике; науке и культуре; образовании и воспитании; здравоохранении и т.д.

«В психологии под “человеческим фактором” понимается широкий круг социально-психологических, психологических и психофизиологи-

ческих свойств, которыми обладают люди и которые так или иначе проявляются в их конкретной деятельности, оказывают влияние на эффективность и качество этой деятельности. Речь идет, прежде всего, о потребностях и способностях человека, о мотивах его поведения, его интересах и творческих возможностях, трудоспособности и работоспособности, об интеллекте и эмоциях, о воле и характере, сознании и самосознании, о формировании социальных установок и ценностных ориентаций»¹²⁸.

Анализ тенденций технического прогресса выявляет постоянное повышение требований к человеку: увеличивается сложность профессиональной деятельности, орудий труда, средств и систем управления во всех сферах народного хозяйства; усиливается напряженность труда, акцент перемещается на интеллектуальные функции человека; резко возрастает цена ошибок и значимость социальных последствий человеческих решений.

Дальнейшие перспективы социальных реформ, переход к построению демократического государства ставят новые задачи перед психологической наукой. Научные знания о человеке необходимы для реализации одной из важнейших социальных целей — формирования человека, способного и желающего активно участвовать в экономическом процессе, в процессе социальных реформ.

Современный этап развития нашего государства, таким образом, с необходимостью требует широкого использования знаний о человеке в двух направлениях, которые определяются экономическими и социальными целями реформируемого общества. Не следует, однако, понимать это так, что конкретные социальные и производственно-экономические задачи, в решении которых, наряду с другими специалистами и практическими работниками, должны принять активное участие психологи, существуют независимо, изолированно друг от друга.

Соотношение социальных и производственно-экономических задач, решаемых в едином комплексе, неодинаково, разумеется, для разных сфер общественной практики. В современном промышленном производстве, например, основная тяжесть ложится на решение экономических задач. В сфере идеологии и пропаганды предполагается то или иное воспитательное, формирующее социальное воздействие на человека. Таковы, например, социальные функции средств массовой информации и пропаганды: печати, радио и телевидения. В то же время и в идеологической сфере процесс создания духовных ценностей, работа всей системы средств массовой информации и пропаганды содержат явные черты производственного процесса и включают ряд производственно-экономических задач.

Понятно, что проблемы «человеческого фактора» по мере дальнейшего развития социальных и экономических реформ, приложения до-

¹²⁸ Б.Ф. Ломов. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984, с. 31–32.

стижений научно-технического прогресса будут становиться острее, а необходимость их решения с опорой на научную психологию — все более очевидной. Как показывает практический опыт, ошибки и аварии в современном производстве и на транспорте в значительной степени являются следствием недостаточного учета «человеческого фактора». Так, по «вине» человека происходит примерно 80% авиа-катастроф, более 60% тяжелых транспортных происшествий, более 50% аварий в энергосистемах. Пренебрежительное отношение к закономерностям человеческой психики при проектировании новейших систем «человек-машина» приводит к снижению их эффективности на 15–20% по сравнению с ожидаемой. Недостаточный учет «человеческого фактора» приводит к нежелательным социальным последствиям, в том числе к ухудшению психического здоровья людей.

В то же время, умелое использование достижений психологической науки позволяет оптимизировать процесс воспитания и обучения, повысить эффективность управления людьми и коллективами, снизить социальные и экономические издержки, заранее выявить и предупредить отклонения в психическом и социальном развитии человека. Так, применение психологических знаний при совершенствовании управления, технологии и техники производства, судя по имеющемуся опыту, позволяет повысить эффективность инновационных процессов на 10–20%, снизить текучесть кадров на 5–10%, сократить время обучения сложным профессиям на 15–30%. Эффективная диагностика психических особенностей и способностей человека позволяет проводить направленный профессиональный отбор и распределение претендентов на профессии. При этом для некоторых профессий более чем на 20% уменьшается отсеивание специалистов как в процессе подготовки, так и в реальной деятельности. Ранняя диагностика задержек и отклонений в психическом развитии ребенка позволяет снять нежелательные последствия почти у 30% «трудных» детей.

Таким образом, опыт показывает практическую эффективность применения психологии в различных сферах народного хозяйства и общественной жизни. Решение многих практических задач становится затруднительным, если не невозможным, без опоры на фундаментальные психологические знания.

Основой фундаментальных знаний о человеческой психике является общая (теоретическая и экспериментальная) психология и психология дифференциальная (индивидуальных различий), которые изучают общие законы психической жизни; становление и развитие личности и индивидуальности человека; его психические функции (познание, общение, управление деятельностью); его возможности и способности; психические свойства и качества человека; психические процессы и состояния. Однако раскрыть основные закономерности психики и дать объяснение психических явлений — этого еще недостаточно. В рамках

фундаментальных исследований необходимо разработать специальные методы использования выявленных закономерностей, в том числе методы управления и направленного формирования психики человека, управления его поведением и развитием. Эти последние, вместе с методами диагностики и прогноза развития психических функций, свойств и качеств, частично уже используются ориентированными на практику отраслями психологии (психология труда и организаций, социальная и инженерная психология, психология управления и др.)¹²⁹.

Именно ориентированные на практику отрасли психологии образуют связь между фундаментальными разделами психологической науки и практикой. Эти отрасли вместе с тем нельзя рассматривать как сугубо прикладные: они сами решают некоторые фундаментальные проблемы, имеют собственные частные теории и собственные методы исследования. Для них объект исследования дан в более узких конкретных условиях. Так, в психологии труда изучаются: человек и его психика в условиях современного производства; методы управления трудовой деятельностью людей; психологически обоснованное проектирование, оценка и реализация рабочих мест и орудий труда; психологическая экспертиза конечного продукта труда. Другие разделы прикладной психологии исследуют процессы образования и воспитания человека; обучения и специальной, в том числе профессиональной подготовки; особенности формирования мировоззрения; идеологического воспитания личности. Медицинская психология, патопсихология и нейропсихология изучают различные отклонения психики, разрабатывают методы диагностики, профилактики и терапии.

Психологическая наука, ориентированная на задачи социальной и гуманитарной практики *управления человеческими ресурсами социума*, должна, по нашему мнению, формироваться в виде трех основных взаимосвязанных разделов:

- *фундаментальные исследования*, направленные на изучение общих законов функционирования и развития психики, управления поведением и деятельностью субъекта;
- *ориентированные на практику* частные направления и отдельные отрасли, изучающие специальные законы и закономерности психической деятельности в конкретных условиях;
- *области практической психологии*, решающие на научной основе задачи, возникающие в реальной жизни и деятельности людей и организаций.

Вопросы, обсуждаемые в данной главе — это вопросы актуальных проблем и возможных перспектив развития практической психологии, разработки ее научных основ, исследования ее связи с теорией и приложениями фундаментальной науки. При этом по необходимости,

¹²⁹ Ю.М. Забродин. Развитие практической психологии в СССР. В кн.: Актуальные проблемы современной психологии. М., 1989.

обсуждение этих вопросов оказывается тесно связанным с методологическими проблемами строения психологической науки и практики, взаимосвязи и специфики психологической теории, эксперимента (как особой формы научной практики) и собственно практики психологии.

Как видно из материала книги, существуют достаточно серьезные основания развивать принципиально новый — *конструктивный* — подход к пониманию и применению законов психической реальности.

Легко заметить, что в последние годы характер психологической науки меняется прямо у нас на глазах. Если прежде психология была наукой, по преимуществу, исследовательской, и основные задачи, которые решала психология в нашей стране и за рубежом, во многом были связаны с описанием и изучением человеческой психики, особенностей поведения и деятельности, как отдельных индивидов, так и групп и коллективов людей, — то за последние годы и десятилетия положение существенно меняется. Психология все больше проникает в различные сферы общественной практики, психология все больше научается решать практические задачи. С одной стороны, возросший уровень зрелости психологической науки, с другой — сами, все более осознаваемые потребности практической жизни, вызывают необходимость не только рассмотреть, но и достаточно серьезно обосновать методы, правила и способы решения психологами и психологией практических задач разного типа (т.е. построить научный фундамент практической психологии).

То, что до сих пор психологи как специалисты, в основном, готовились для деятельности исследовательской или преподавательской, определяло в значительной степени характер и структуру тех курсов, которые читались в университетах, в других вузах, — преимущественно, педагогических, но также частично — инженерных, технологических, физкультурных и т.д. Теперь все более заметным образом меняются не только характер самой науки, но и функции психолога-специалиста. Помимо умения заниматься исследованиями, умения преподавать психологию, т.е. преподносить в доступной форме психологические знания другим людям, необходим определенный объем знаний и навыков, опыта и умений решать практические задачи.

Для того, чтобы повернуть психологию и психологов по направлению к практике, конечно, прежде всего, необходимо рассмотреть тот опыт, который имеется в решении практических задач. Однако это не единственное требование. Необходимо также рассмотреть методы, которыми решаются практические задачи, — но и это тоже не самое главное. Главное — это понять, что может делать психология в практике, на чем должна базироваться практическая психология; как весь тот объем знаний, который психологией накоплен, может быть повернут к решению практических задач; что такое практическая задача и чего можно ждать от психологии, и что может дать психология.

Проблемы практической работы психолога сейчас остаются очень острыми, потому что те, на кого мы рассчитываем как на потребителя нашего знания, плохо еще знают психологическую науку, плохо понимают, что такое психологические проблемы, и еще хуже понимают, каково психологическое содержание практических задач. В то же время сами психологи, понимая, что такое психологическая наука, зная ее законы, принципы, методы и т.д. все же не умеют донести свое знание до тех, кому оно нужно; не умеют объяснить практикам психологическое содержание тех проблем, с которыми они сталкиваются.

Наконец, сама ориентация мышления специалистов-психологов состоит в том, что они предпочитают каждую новую проблему, возникающую перед ними, скорее исследовать, чем решать; стараются найти оригинальность и новизну в проблеме вместо того, чтобы использовать результаты имеющихся исследований, учитывать тот огромный и трудный опыт, который накоплен в психологической науке и практике при решении конкретных задач. Другими словами, каждую новую задачу, возникающую в практике, мы видим преимущественно как задачу, которую надо исследовать, вместо того, чтобы подходить к ней, как к задаче, которую нужно и можно решать.

Для того чтобы изменить эту ориентацию, необходимо под другим углом зрения рассмотреть те реальные проблемы, которые возникают перед практической психологией и которые практики ставят перед фундаментальной наукой. При этом полезно выяснить, вообще говоря, на чем строятся принципы использования психологического знания на практике, и с чем реально работают практические психологи.

Для этого и предназначена настоящая книга, в которой я хотел бы обосновать начала нового подхода, на базе которого можно было бы строить новую конструктивную психологию. Должен сказать, что для этого пришлось вернуться к самым основаниям психологии. Как показывает опыт (наш опыт и опыт решения практических задач вообще), нельзя быть хорошим практическим психологом, если не понимать строгую связь системы исходных оснований психологической науки с общим взглядом на объект и предмет ее, если не осознавать каузальный характер ее ведущих методологических принципов, историю подходов и строение категориальных систем, и не определить ясно те из них, которые могут быть положены в основу развития практической психологии.

Нужно также отчетливо ощущать различия между двумя крупными разделами психологии, которые сейчас формируются: психологией исследовательской, т.е. собственно научной в нашем прежнем понимании и психологией практической, которая также становится научной. Необходимо ясное понимание того, что и практическая психология, и психология исследовательская есть две различные ветви научной психологии — однако это понимание дается не сразу. Чтобы увидеть сходство и различие двух этих областей, необходимым и достаточным

оказывается рассмотреть общую и специальную, конкретную методологию психологии, т.е. исходные принципы и положения самой науки; основные правила построения психологического знания и его применения; основные методы, с помощью которых ведется работа с объектом, на который замыкается практическая психология.

Мы показывали ранее, что в этом, собственно, состоит специфика конкретно-научной методологии психологической науки¹³⁰. Была довольно детально обсуждена общая методология психологии и ее конкретная методология применительно к двум указанным выше ветвям: научно-исследовательской психологии и научно-практической психологии. В главах данной книги, а также в других публикациях мной неоднократно затрагивался вопрос о том, что собой представляет психологическая наука, т.е. что входит в содержание психологической науки и как строится сама ее структура.

В этом смысле мы стремились рассмотреть специально и, в каком-то отношении, в связи с проблемами экспериментальной психологии не только методы, которыми работает психология, но и результаты их применения. При этом оказывается весьма целесообразным рассмотреть во взаимосвязи теоретическое и фактическое знание психологии, а не только то, как оно добывается и как оно применяется.

В этом аспекте обнаруживается существенная для практики роль законов теории¹³¹ и технологии методов, точнее — знания взаимосвязей теоретического и фактического знания; при этом отчетливее становятся взаимоотношения научного знания и методов, которыми работают психологи.

Говоря о методологии как общем учении о методе, нужно отметить, что она позволяет рассмотреть психологию в целом, в ее, так сказать, содержательном и инструментальном оснащении. Рассмотренные в книге проблемы так или иначе определяют требования к научным основам практической психологии, в том числе — к теории конструктивной психологии.

В качестве таких научных основ практической психологии следует рассматривать, во-первых, общую и частную методологию психологической науки.

Во-вторых, научные основы практической психологии включают в себя специальный анализ особенностей и взаимоотношений объекта и предмета в истории психологии, а также основные подходы к изуче-

¹³⁰ Ю.М. Забродин. Проблемы разработки практической психологии. ПЖ. т. 1, № 2, 1980; Он же. Развитие советской психологической службы. ПЖ, т. 6, № 6, 1985; Он же. Развитие практической психологии в СССР. В кн.: Актуальные проблемы современной психологии. М., 1989; Ю.М. Забродин. Модель личности в психодиагностике. М., 1994; Он же. Основные проблемы становления практической психологии в России. В кн.: Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы. М., 1997;

¹³¹ Нужно сказать, что факт, научный факт — есть тоже своего рода закон — *закон существования*.

нию и описанию объекта и предмета. В рамках этих основных подходов специально рассматриваются фундаментальные принципы, категории и общие методы психологии.

Наконец, в-третьих, эти основы включают еще один аспект базиса практической психологии — речь идет о собственно структуре и содержании психологического знания, т.е. о том, в каких формах оно существует, что означают эти разные формы и каким образом различные формы существования психологического знания усложняются и развиваются в рамках исследовательской части психологии, и в то же время выступают как фундаментальная база для решения практических задач.

7.4. Актуальные проблемы развития практической психологии в свете управления человеческими ресурсами

Обсуждая общие теоретические и методологические вопросы применения психологических знаний в разных сферах общественной практики, мы всякий раз ощущаем потребность перейти с этого, более или менее общего, уровня на следующие, более близкие к конкретно-практической психологии, т.е. рассмотреть специфику задач, функций и форм развития практической психологии. Самый первый и очевидный шаг здесь состоит в том, чтобы разобраться с обширным кругом проблем и задач, с которыми сталкиваются психология и психологи в жизни общества, государства, каждого конкретного человека.

Это означает — определить те сферы социальной активности, где психология так или иначе «срабатывает». Нужно признать, что сферы эти невероятно обширны¹³², и практически невозможно назвать какую-либо область (разве что в очень узких и специальных сферах) жизненной активности общества, где бы не были заметны и не играли свою роль психологические проблемы. Они существуют везде, где живет и трудится человек — это совершенно понятно.

Вероятно, также достаточно очевидно, что всякая активность общества, все проявления этой активности, вся его организация, в первую очередь, связаны с активностью человека, проявлениями этой активности, с организацией людей. И в этом смысле психология, конечно, занимает особое место среди других наук и по-своему проникает в различные сферы человеческой активности в природе и обществе.

Таким образом, в первом приближении нетрудно оценить роль психологии в разных сферах общественной практики, в решении тех проблем, которые там возникают. Однако, несмотря на то, что мы можем

¹³² Б.Г. Ананьев О проблемах современного человекознания. М., 1977; Б.Ф. Ломов. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

достаточно верно видеть и осознавать роль психологии и психологические проблемы в разных сферах общественной практики, важно также понимать, что в одних и тех же сферах могут быть реализованы различные функции психологии.

При этом, очевидно, что одно дело оценить роль психологии или объем и уровень проблем, которые возникают в разных сферах общественной практики, и совсем другое дело — определить реальные функции психологии в этих самых разных сферах.

Мы уже отмечали в предыдущих главах согласие исследователей в том¹³³, что в одних случаях эта функция может быть связана с постановкой диагноза, т.е. задачей является описание или составление «портрета» какого-то явления, — и этого достаточно; в других случаях психолог выступает в роли эксперта; в третьих — психолог дает консультации, т.е. некоторым образом активно влияет на течение жизненных процессов; в четвертых — занимается прогнозом, в пятых — управлением и т.д.

Опыт показывает, что в соответствии с разными особенностями практических задач и осуществляются различные функции психологии в разных областях общественной практики. Эти функции переплетаются и взаимодействуют с функциями других наук (если мы говорим о практике) и с другими способами управления практикой, тесно проникая в функции государственных, административных и общественных институтов.

Именно поэтому, понимая значительную роль психологии в современном мире и учитывая ее различные функции в разных сферах общественной практики, мы сочли необходимым специально обсудить на страницах этой книги вопрос о задачах психологии и специфике профессиональной деятельности практических психологов в разных сферах общественной практики при взаимодействии с различными формами человеческой активности.

Я уже упоминал, что когда психологи решают практические задачи, они имеют дело с реальным объектом, с его реальным жизненным окружением, и это требует иного ракурса, иного способа рассмотрения практической проблемы — и в этом суть конструктивной психологии. В этом смысле мы полагаем, что реальные практические проблемы человека могут быть описаны в терминах некоторых реальных задач, с которыми сталкивается практический психолог. Мы об этом уже говорили, рассматривая как вопросы практики, так и вопросы организации психологического эксперимента¹³⁴. В некотором роде сам психологический эксперимент представляет собой некоторую искусственно скон-

¹³³ Ю.М. Забродин. Проблемы разработки практической психологии. ПЖ, т. 1, № 2, 1980; Он же. Модель личности в психодиагностике. М., 1994; Ю.М. Забродин. Теория личности и управление человеческими ресурсами. М., Финстатинформ, 2002.

¹³⁴ Ю.М. Забродин. Психологический эксперимент и его особенности. В кн.: Эксперимент в психологии. М., Наука, 1990.

струированную задачу, воспроизведенную в условиях научной лаборатории. Именно в указанном смысле психологический эксперимент является более или менее полной и адекватной моделью реальности, т.е. моделью реальной задачи.

Представляется необходимым в дальнейших исследованиях подробней остановиться на самих реальных задачах; рассмотреть, что они собой представляют; разработать методы, с помощью которых можно увидеть реальную задачу в «системе психологических координат»; изучить, что значит для психолога «понять смысл» реальной задачи.

Каждому психологу, приходящему на практику, его заказчик, потребитель продуктов его труда, — либо его начальник, либо человек, с которым он работает, ставит определенные вопросы. Тем самым заказчик как-то формулирует определенные задачи, и формулирует их на языке привычной для него практики. При этом сами задачи могут быть очень плохо, нечетко, а иногда и некорректно сформулированы. Например: «требуется ускорить процесс адаптации молодых рабочих, понизить текучесть кадров, повысить эффективность производства, повысить эффективность обучения, снизить процент правонарушений» и т.д. Все это, безусловно, актуальные задачи. И от этих актуальных и острых реальных, но плохо сформулированных задач мы должны уметь переходить к постановке научно-практических задач, которые имеют психологическое содержание и позволяют оценить их разрешимость психологическими методами.

Анализ реальной задачи должен привести к тому, чтобы, в конце концов, удалось вычленив из нее ее собственно психологическое содержание. Вычленив это психологическое содержание, мы начинаем его исследовать для того, чтобы взвесить реальные возможности ее решения. Нужно сказать, что одна из гигантских трудностей состоит в неотрефлексированном желании практического психолога решать любые задачи, которые ему ставит его руководитель, не осознав еще их психологического содержания. В силу этого он пытается иногда решать те задачи, которые психология решить в настоящее время не может в силу недостаточности знания или не должна в силу ограничений компетенции, — и это самое плохое.

Поэтому так важен самый момент анализа реальных задач, выделения из них психологического содержания, оценки разрешимости психологическими (или непсихологическими) средствами поставленной реальной задачи — это, конечно, важнейший момент в жизни и деятельности самого специалиста-психолога в практике. Важно уметь понять, что может делать специалист-психолог, что от него следует ждать, и как найти силы отказаться от той задачи, которую решить невозможно, или которая вообще не является по сути своей психологической.

Этот тактический, так сказать, момент деятельности специалиста психолога очень важен. Часто получается, что психолог-специалист

не умеет распознать стоящую перед ним задачу как психологическую или непсихологическую, а затем — как решаемую или не решаемую, и тогда возможны два исхода. Первый — психолог берется за ее решение и получает отрицательный результат. Второй — психолог начинает решать те задачи, которые являются, мягко говоря, тривиальными, решение которых очевидно (оно само по себе может быть найдено более или менее опытным руководителем). В обоих случаях он дискредитирует себя в глазах начальства, и в своих собственных. Надо отметить, что в силу разных обстоятельств, специалисты-психологи сами вольно или невольно дискредитируют науку тем, что берутся за неразрешимые или за тривиальные задачи, ставя в сложную ситуацию самих себя и получая массу неприятностей со всех сторон.

С другой стороны, между этими двумя полюсами лежит огромная масса различных нюансов и трудностей, главные из которых состоят в следующем. Когда практическая задача все же решается, и решение это психологически нетривиально, само итоговое решение должно быть сформулировано в таких терминах, и таких рекомендациях, которые выглядят «не психологически». Так, например, что психологического можно найти в такой рекомендации, как «поменять линейного руководителя», «повысить заработную плату конкретному рабочему» и т.д. История показывает, что еще в древние времена, когда научной психологии еще не существовало, людей по определенным правилам уже подбирали в совместно действующие группы, оценивали их качества, меняли руководителей и т.п.

Точно так же, скажем, совет наказывать или поощрять ребенка за определенные действия никак не вяжется с представлением о психологической рекомендации. Ведь система поощрения и наказания представителей подрастающих поколений была довольно давно и хорошо разработана в истории человечества. Есть и другие подобные примеры, они показывают, что весьма часто предложенные психологами рекомендации внешне не имеют «психологической окраски». Только сейчас, накопив достаточный опыт социально-психологического анализа, мы ощущаем смысл «лежащей позади» психологической аргументации.

Сказанное означает, что основная проблема практического психолога при решении некоторой реальной задачи заключается в том, чтобы психологически грамотно оформить само результирующее решение и «выдать» его в форме реальных человеческих отношений, реальных человеческих действий.

Значительная и реальная трудность здесь состоит в том, что, с одной стороны, необходимо действительно научно обосновать предлагаемые рекомендации, а с другой — сделать так, чтобы эти рекомендации не были наукообразными. Приведем для примера такое психологическое заключение: «проблемы Вашего ребенка состоят в том, что у него имеются существенные трудности, задержки в развитии из-за того, что у

него недостаточно развит интеллект». Когда сами психологи не могут объяснить для себя, что такое интеллект, что и как в нем можно развивать, тогда эта рекомендация остается пустым, хотя, в общем, наукоподобным звуком.

Таким образом, возникает новая для психологии проблема поиска видов и способов выделения самих задач и принципов выделения и определения класса решаемых (и не решаемых) задач, обобщения опыта решаемых задач. Практический опыт показывает следующее:

- нужно уметь, хотя бы в первом приближении, диагностировать в психологических терминах саму практическую задачу (это — момент, о котором мы уже говорили выше),
- необходимо стремиться к тому, чтобы диагностика задачи приводила к ее оценке как психологической или непсихологической, решаемой или не решаемой,
- необходимо разработать такие технологии решения практических задач, которые приводили бы к конструктивным решениям.

В некотором смысле речь идет о практических методах решения практических задач. Об этом хотелось бы поговорить более подробно.

В силу того, что недостаточно еще разработана конкретная методология психологии, в психологии довольно часто перепутываются такие понятия, как метод и методика; метод в общенаучном смысле и метод конкретно-психологический; метод и подход, наконец, метод и процедура, с помощью которой может быть решена конкретная задача. Важно очень точно понимать, что методы решения практической задачи — это не привычные для нас методики, это и не известные по лабораторному опыту конкретные методические процедуры. Последние выступают, скорее, как средства решения, способы достижения поставленных целей. Для того чтобы прояснить это, рассмотрим для примера метод решения задачи профессионального отбора. В состав этого метода входят, во-первых, построение профессиограммы; во-вторых, построение психограммы, т.е. определение тех требований, которые предъявляет данная профессия к персональным качествам работника; в-третьих, построение психологического портрета «идеального профессионала»; в-четвертых, это диагностика реального человека с целью определить его профессиональный потенциал; в-пятых, это прогноз возможностей развития профессионализма и т.д.

Такова в общих чертах структура метода решения названной задачи. Как конкретно решается она, какими конкретными методиками — это вопрос второй и на этом уровне анализа даже второстепенный. Можно, например, осуществлять диагностику ПВК с помощью процедур многофакторных опросников, с помощью батарей инструментальных тестов, с помощью включенного наблюдения, с помощью анкетирования и т.д. Все это вместе взятое представляет, скорее, «технологические» процедуры, с помощью которых решается данная диагностическая задача.

Главный метод решения большинства практических задач — это диагностика, а то, как достигается конечный результат — это техника¹³⁵. Если, например, задача состоит в том, чтобы выявить некоторые «процессуальные» особенности профессионала, скажем, оценить его реактивность, особенности принятия решений и т.д. и т.п. — т.е. рассмотреть процессуальную сторону регуляции деятельности, — то для решения такой задачи будет явно недостаточен, хотя, может быть, и полезен такой набор процедур, который включает, скажем, технику теста Люшера или опросник ММРІ. Весьма вероятно, что полученная информация может быть интересной, но этот результат не отвечает главной цели, которая в данном случае ставится конкретной практической задачей.

В силу ограниченности объема и целей книги разбор самих «техник» выходит за ее пределы — это задача иная, и ее решение требует создания практических руководств иного типа. Здесь следует подчеркнуть, что от содержания общего метода решения той или иной практической задачи, от того, на чем он базируется, что он дает и какой техникой он будет или может быть успешно реализован, будет зависеть полнота и правильность практического решения.

Важно понять стратегию дела — в противном случае в миллионе конкретных задач, умноженных на сотни тысяч конкретных процедур и методик, можно увязнуть полностью, и мы бы на себя не взяли смелость рекомендовать, скажем, для решения такой-то практической задачи такую-то конкретную процедуру. Сделать это трудно именно потому, что каждый раз реальная задача обладает своими конкретными нюансами.

В то же время, некоторые общие принципы и правила решения практической задачи все-таки, тем не менее, существуют; здесь создается своя теория, есть своя логика, и, только отправляясь от этой теории, можно найти правильные ходы и правильные средства решения задачи.

Таким образом, в материалах данной книги я постарался лишь частично рассмотреть общие проблемы и привести примеры решения практических задач, различных по предметам и по объектам. Далее хотелось бы более или менее подробно остановиться на том, как «работают» названные выше функции практической психологии, как анализируются практические задачи и как применяются основные подходы к анализу, оценке и управлению (или к синтезу) в реальных ситуациях.

Рассмотрим два различных аспекта работы практического психолога. Оба эти аспекта в той или иной форме связаны с общими проблемами организации и деятельности (функционирования) психологической службы. Накопленный опыт показывает, что более или менее строго оформляется сама идея психологической службы, проясняются пример-

¹³⁵ О «технике метода», технике решения, конечно, тоже можно и нужно говорить, но речь при этом должна идти о возможностях этой техники с точки зрения соответствия ее поставленной задаче.

ные формы ее организации; есть много полезных примеров работы практического психолога¹³⁶ [см., например, книгу И.В. Дубровиной].

Вместе с тем, целесообразно остановиться на проблемах самой психологической службы в двух, упомянутых выше аспектах. Первый аспект, непосредственно касающийся самого практического психолога: его функции, профессиональные технологии, практика отношений с другими людьми, в том числе, с потребителями, с которыми он работает. Мы увидим это на некоторых конкретных примерах, которые рассматриваются в следующих параграфах этой главы.

Не менее важна и вторая сторона дела — анализ и оценка особенностей различных контингентов, с которыми работает практический психолог. Опыт показывает, что ими могут быть отдельные индивиды, развивающиеся и развитые; нормальные или больные, группы и организации людей и т.д.

Если иметь в виду первый аспект, то основные вопросы здесь следующие: каким образом практический психолог (в общей логике своих действий) работает с конкретным индивидом, с живым конкретным человеком; какие основные задачи возникают в его работе; с какими он сталкивается трудностями и как строится сама эта логика работы с конкретным индивидом.

Второй аспект предполагает учет специфики конкретного индивида или конкретной организации, к которой он принадлежит. В этом аспекте наиболее разработанной сферой является промышленное производство. Основные исследования и основная практическая направленность этой сферы предполагает изучение поведения человека на рынке труда, в конкретной жизненной ситуации, в его конкретной трудовой деятельности и т.п. В этом конкретном контексте (при оценке роли и места человека в труде) конечно, речь идет, прежде всего, о том, как и какими средствами мы можем анализировать поведение на рынке труда и саму трудовую деятельность, включая профессиональный потенциал совершающего ее работника.

Отечественная психологическая теория оказалась не готовой к тому вызову, который бросили ей человеческие (в том числе, трудовые) отношения переходного периода¹³⁷.

Хорошо известны теоретические работы, выполненные в русле одного из центральных подходов советской психологии — деятельностного подхода, и его высшего достижения — психологической теории деятельности. К сожалению, от психологической теории деятельности до решения практических задач анализа и синтеза реальной трудовой деятельности еще очень большое расстояние.

¹³⁶ А. Анастаси. Психологическое тестирование. М., 1982; И.В. Дубровина (ред.). Рабочая книга школьного психолога. М., 1991; Е.С. Романова, О.Ф. Потемкина. Графические методы в психодиагностике, М., 1991.

¹³⁷ Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы. М., 1997.

Это можно понять, поскольку в теории еще можно заниматься абстрактным анализом более или менее определенных идеальных объектов, — и при этом останется масса различных путей, масса перспективных линий развития исследований и неисследованных проблем. В реальной практике мы обязаны анализировать конкретную деятельность живого работающего человека и анализировать деятельность эту с точки зрения психолога. Поэтому подробный психологический анализ самой структуры человеческой деятельности и изучение психологического механизма ее регуляции — становится одним из отправных моментов анализа человека в его профессиональной жизни.

Хорошо известно также, что общий анализ профессиональной деятельности предполагает, конечно же, в первую очередь, анализ субъекта труда, анализ орудий труда, анализ технологии труда¹³⁸. Однако в качестве конкретной проблемы и здесь следует отметить, что психология не готова дать надежные методы описания и оценки субъекта труда, что тот профессиографический анализ, который применяется для анализа субъекта труда, в действительности к конкретному субъекту труда, к работающему человеку имеет весьма отдаленное отношение.

В самом деле, в профессиографическом анализе определяются так называемые профессионально важные качества — ПВК, а затем строится набор ПВК, — и об этом я уже говорил ранее, — для абстрактного профессионала. Таким образом, в результате этой работы строится мысленный портрет «идеального» профессионального работника с таким набором психологических качеств, который позволил бы ему, мыслимому работнику, эффективно решать задачи, составляющие содержание данной конкретной профессиональной деятельности. Отсюда ясно, что в наборе ПВК нет конкретного человека — есть лишь скрытые за этими ПВК требования самой деятельности. И лишь позднее, отталкиваясь от упомянутого идеального портрета (или по отношению к нему) в реальных процессах отбора, подготовки, распределения работников совершается психологическая оценка реальных людей. При этом обычно решаются вопросы оценки близости характеристик данного работника к профессиональному идеалу; можно ли развить имеющиеся способности до этого идеала или нельзя; что мешает эффективному исполнению профессиональных заданий и как эти помехи преодолеть и т.д.

Заметим при этом, что собственно психологический анализ структуры и содержания той или иной профессиональной деятельности оказывается «отделенным» от конкретного ее субъекта, — и это, в принципе, правильно¹³⁹. Далее заметим, что психологический анализ структуры и

¹³⁸ Б.Ф. Ломов. Человек и техника. М., 1966; А.А. Крылов (ред.) Инженерная психология и психология труда. Л., ЛГУ, 1984; В.Д. Шадриков. Деятельность и способности. М., 1994.

¹³⁹ О.А. Коночкин. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980; В.Д. Шадриков. Проблема системогенеза профессиональной деятельности. М., 1983; Г.В. Суходольский. Основы психологической теории деятельности. Л., 1988.

содержания деятельности теснейшим образом связан с технологическим циклом производственного процесса: операционным составом его.

В качестве отправной точки психологического анализа в ряде подходов предлагается взять подробное изучение трудовых операций, действий, алгоритмов деятельности и т.д., — а все это как раз и образует именно технологический цикл деятельности. Сюда включается подробное описание того, что и как должен делать некий конкретный субъект, чтобы сама деятельность реализовалась, чтобы из начального состояния предмета или объекта деятельности был получен конечный продукт (труда), нужный обществу или самому субъекту деятельности.

Таким образом, технология производственного процесса оказывается действительно крайне важным элементом в анализе трудовой деятельности человека. Однако анализируя технологию процесса, мы не должны забывать, что здесь (как и при анализе ПВК) уже нет или еще нет конкретного субъекта. Следовательно, уже или еще нет собственно содержательного психологического анализа процессов регуляции данной деятельности.

В некотором смысле можно сказать, что на приведенных выше этапах есть лишь начало и конец собственно психологического анализа, о котором мы привыкли вести речь в контексте психологической теории деятельности (или иных схем регуляции человеческой активности). Именно в этом смысле на рассмотренных выше этапах нет содержательного — в привычном для теории контексте — психологического анализа.

Все сказанное выше довольно легко объясняется на простых примерах.

Возьмем для конкретности любую трудовую деятельность, на которую существуют либо так называемые технологические карты, либо развернутые инструкции к деятельности, — и мы сразу же обнаружим, что эта инструкция к деятельности пишется для произвольного профессионального работника, т.е. для такого, который в эту деятельность может быть включен или реально включен. Но ведь поскольку инструкция составляется для любого профессионального работника, то в ней в весьма зачаточной форме заложены или отражены психологические особенности конкретного работника. В лучшем случае речь пойдет о некоторых общих нормах: общечеловеческих, общесоциальных и т.д.

И мы обнаруживаем, что в этих описаниях нет привычных для нас компонентов, с которых начинается или в которых заключается собственно психологический анализ: жизненного опыта, траектории движения, особенностей конкретного индивида и т.п. Вероятно, именно поэтому так слабо развит пока психологический анализ технологической структуры и содержания трудовой деятельности. Отсюда же ясно, почему столь труден психологический анализ творчества, — для творческой деятельности нет инструкции.

В тех видах профессиональной деятельности, где есть детальные, хорошо разработанные инструкции, там конкретный субъект уже в значительной степени «снят», выражаясь философским языком. Поэтому так же, как с помощью психологического анализа в профессиографии мы получаем «портрет идеального профессионала», так же и в психологическом анализе структуры и содержания деятельности путем ее психографии: с помощью описания операций и хронометража, через анализ профессий трудовым методом, — мы получаем то, что можно было бы назвать «идеальным алгоритмом деятельности». Такой портрет деятельности, конечно, несет информацию, крайне полезную для психологов. Однако отмечая полезность его для последующего психологического анализа, нужно подчеркнуть, что, в известной мере, он лишен конкретного психологического содержания. Можно показать, что аналогичная ситуация складывается при анализе орудий труда.

Другими словами, указанные профессиональные нормы и требования в действительности выступают как отправной и как конечный пункт собственно психологического анализа, содержание которого явным образом не представлено в них. Этот неочевидный момент часто привносит невероятные трудности в работу практического психолога. В самом деле, в анализе *практической задачи* психолог — специалист начинает с того, в чем *еще нет психологии*, и заканчивает свою работу тем же — в чем *уже практически нет психологии*.

Образуется такое, в некотором смысле, микрокольцо «движения»: вначале оно осуществляется от конкретного, реального объекта к абстрактному психологическому (содержательному) его анализу и затем — происходит возвращение (или восхождение) опять к конкретному объекту, где вторично снимается содержательная сторона психологического анализа. В этом состоит, на мой взгляд, специфика практической психологии. Отражение, осознание сложности функций практического психолога становится одним из ведущих стимулов развития его собственной профессиональной деятельности.

Глава 8.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ: ОТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЕ

8.1. О новом понимании роли человека, личности, человеческой психики в социальной системе

Как известно, три компонента составляют суть человеческого общества: условия жизни человека; человеческие отношения; человеческие индивиды. Производство Общества связано с производством этих трех компонентов. При этом производство условий человеческой жизни есть его экономика, — процессы и стратегические линии экономического производства определяют и, в свою очередь, определяются экономической политикой общества. Производство человека и человеческих отношений составляют социальную сферу общественного производства, а процессы государственного и общественного управления этим производством составляют суть социальной политики.

Распределение внимания и ресурса (в том числе, интеллектуального) в производстве и управлении указанными тремя компонентами, расстановка акцентов на научное управление или «свободное» течение социальных процессов, распределение социальных функций между государственными и негосударственными структурами — определяют содержание доктрины в сфере социальной политики общества и государства в ее предметной области. Отношение к развитию человека и включение его в общественно значимые «линии судьбы», соотношение образования и занятости, структура занятости — задают ограничения на технологию реализации социальной политики.

Сегодня во всем мире наука и политическая практика начинают признавать, что «посредником» между природой и обществом, связующим их звеном является человек, и при этом не массы, не классы, а конкретная личность призвана оказывать и оказывает существенное влияние как на природу, так и на общество, как на государство, так и на его экономику и политику. Человек действительно становится мерилом всех вещей, подлинным двигателем («человеческой составляющей») социального прогресса. Уходит в прошлое абстрактное, в значительной степени социоцентрическое понимание человека лишь как винтика в государственной машине — системе, лишь как приводного ремня политики. Вместе с тем, современное понимание человека в сегодняшней России пробивает себе дорогу с большим трудом: в социально-политической ситуации все еще многочисленны рецидивы старого подхода к «человеческой составляющей» общественных явлений и процессов.

Нужен целый комплекс мер, который бы позволил раскрыть каждому человеку все богатство его сущности и поставить это богатство на службу обществу, на решение задачи проведения реформ.

В наших условиях такое развитие индивидуального и общественно-го сознания не может оставаться стихийным процессом, так как займет слишком много времени. Мы знаем (и это главное), что у каждого человека, живущего сейчас в России, накопилось столько обид, неудовлетворенных потребностей и желаний, невостребованных способностей, психологического дискомфорта, что они могут вылиться, а кое-где уже и выливаются в очаги социальной напряженности и конфронтации, не способствуя продвижению в сознание людей целей и задач обновления России¹⁴⁰.

Нужна государственная, продуманная и планомерная политика, которая включала бы рациональное и не противоречащее природе человека решение трех взаимосвязанных и взаимовлияющих друг на друга проблем:

- возрождение российской государственности;
- переход к новым — современным (в том числе, рыночным) механизмам во всех социально-экономических сферах, включая внутреннюю, оборонную и военную политику;
- становление гражданского общества: возвращение в государство и общество Человека, и тем самым — расширение и укрепление социальной базы реформ в России.

Успех проведения социально-экономических и политических реформ в Российской Федерации теперь в значительной степени будет зависеть не столько от усилий политиков, сколько от того, будут ли эти усилия пониматься и восприниматься людьми, каждым человеком как дело реформ, задача построения новой России, и станут ли они личным делом каждого россиянина.

Здесь возникает серьезная проблема, которая не может быть решена одномоментно: проблема необходимости вести работу по изменению структуры общественной психологии, создания новой модели поведения людей в обществе. А это означает, что необходимо перейти с уровня массовидных явлений и процессов на уровень конкретных отношений и условий жизни конкретных людей. Только так можно эффективно расширить человеческий, психологический плацдарм реформ, придать им окончательный, необратимый характер. И наоборот, путь «заигрывания» с людьми, в том числе лишь в сфере удовлетворения их материальных требований, как показывает мировая психологическая наука и социальная практика, часто дает отрицательный результат.

Все это требует от политиков *нового понимания сущности человека, учета и использования всего его потенциала, знания законов эффектив-*

¹⁴⁰ См., например, Молодежь России: социальное развитие. ИСПИРАН, М., 1992; Шершнев Л.И. (ред.) Безопасность человека. М., 1994; Е.Д. Катувльский, В.Н. Якимов (ред.). Управление трудом и социальными процессами. М., 1996.

ного становления человека как гражданина и профессионала, развития новой культуры человеческих отношений, возрождения в людях чувства собственного достоинства, ответственности и самостоятельности.

Решающую роль в эффективной социально-экономической политике начинают играть степень психологического комфорта людей; уровень психологической и социальной защиты представителей разных слоев населения; динамика производства и воспроизводства профессионального потенциала страны; особенности внешней и внутренней миграции трудового и, конечно, интеллектуального ресурса нации, — то есть вся совокупность качеств «человеческой составляющей», которая и привлекла к ней внимание современной науки и социальной практики.

Можно согласиться с тем, что названные выше проблемы имеют мощные психологические основания, и все они связаны со снижением прямой материальной и социальной ответственности государства за всеобщую гарантированную социальную защиту (= судьбу) каждого его гражданина.

Нужно отметить, что проблемы эти имеют начало в нашей недавней истории: они развивались вопреки постоянным декларациям об ответственности «тоталитарного» государства за судьбу человека, — и значит, не только в наши дни появилась необходимость «духовной» (активной), а не просто материальной (как при «пассивной» социальной политике) поддержки человека при переходе к новым системам социальных отношений.

Другими словами, необходимы психологическое сопровождение и поддержка каждого человека общественно-государственными усилиями на всем его жизненном пути, и особенно, — на пути его становления как гражданина и профессионала, то есть в сфере образования и занятости.

Влияние названных выше проблем России на социальную политику общества и государства связано с поиском научно обоснованных решений

- в области распределения социальных функций между государственными службами и неправительственными организациями;
- в области распределения функций управления и реализации социальной политики между центральными (федеральными) и муниципальными (региональными) звеньями;
- в определении соотношения между сферами государственной службы, наемного труда, предпринимательства, ремесленничества и социальных работ;
- в установлении социальной эквивалентности (в контексте активной социальной политики) рабочих и учебных мест.

В то же время, проблемы человеческой составляющей являются сегодня фундаментальными, определяющими сущность, ядро социальной политики государства, степень гражданской зрелости общества. Мы убеждены, что успех проведения социально-экономи-

ческих и политических реформ в Российской Федерации в значительной степени зависит от развития творческих способностей личности, личной инициативы, реализации всего потенциала человека, от эффективности его становления и выполнения им социальной функции гражданина и профессионала, от степени его психологического комфорта, — прежде всего, от работы с теми слоями российского населения, которые впервые приходят на рынок труда, то есть с молодым поколением.

Молодежь современной России характеризуется двойственным положением в гражданском обществе и государстве. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, молодежь наряду с пенсионерами и безработными оказалась социально уязвимой и незащищенной частью общества, а с другой стороны, в силу своей молодости, готовности к восприятию нового, она наиболее способна адаптироваться к рыночным механизмам, к качественно новым политическим отношениям, к реформам, проводимым в России¹⁴¹. Уязвимость молодежи заключается в отсутствии необходимого жизненного опыта, невостребованности государством ее знаний и сил, экономической несамостоятельности, усилении процессов духовного, культурного и нравственного обнищания.

Незащищенность молодежи со стороны государства выражается в неразвитости государственной политики поддержки молодежи, сознательном или неосознанном игнорировании психологических и эмоциональных особенностей молодого поколения, что приводит к тому, что знания и энергия молодежи не становятся социальной базой проводимых в обществе реформ.

Отсутствие рациональной государственной молодежной политики резко увеличивает вероятность потери молодого поколения, ухода его либо во «внутреннюю оппозицию», в стихию равнодушия, безверия, нигилизма, либо в политический экстремизм, преступность и «теневую» экономику¹⁴². Работа с молодежью по определению комплексна: она интегрирует все экономические, политические, национальные, социально-психологические, духовные (нравственные, культурные, правовые и др.) особенности существования молодежи в Российской Федерации. Важнейшей составной частью такой работы, по нашему мнению, могут стать гарантированные меры по обеспечению права молодежи на профессиональное образование, включая различные формы государственной и альтернативных систем образовательных учреждений, установление социальной (а не экономической) «эквивалентности» рабочих и учебных мест в общем решении региональных проблем

¹⁴¹ М.Н. Руткевич, В.П. Потапов. После школы. М., 1995; В.И. Чупров, М.Ф. Черныш. Мотивационная сфера сознания молодежи: состояние и тенденции развития. М., ИСПИРАН, 1993; Всероссийский мониторинг социально-трудовой сферы. М., 1997.

¹⁴² См. работы: М.Н. Руткевич, В.П. Потапов; В.И. Чупров, М.Ф. Черныш (Ор. cit.); «Молодежь России: социальное развитие» ИСПИРАН, М., 1992.

занятости, — а это означает перенос акцента в социальной политике с безработных на учащееся и работающее население.

В решении проблем формирования и разумного использования профессионального потенциала страны — в решении задач управления человеческим ресурсом региона — необходимо предусмотреть оказание государством, региональными и муниципальными структурами исполнительной власти помощи молодежи в подготовке к самостоятельному труду и выбору профессии, в том числе, военной профессии. Такая помощь должна минимизировать ошибки выбора профессиональной карьеры и тем самым оптимизировать процесс подготовки и рационального использования профессиональных кадров.

Эффективные меры по организации взаимодействия, взаимосвязи на уровне регионов и муниципалитетов различных органов власти и негосударственных структур образования, профориентации и занятости молодежи могут привести к существенному повышению ее социальной защиты, более быстрому формированию качеств гражданина и профессионала, укреплению чувства собственного достоинства и осознанию самоценности личности, ее значимости для общества и государства.

Пока такой связи систем «образование — занятость» нет, общество и государство несут значительные моральные, материальные и экономические издержки.

8.2. О психологических основаниях молодежной социальной политики. Состояние и перспективы развития системы профессиональной ориентации и психологической поддержки

Понятно, что в условиях включения рыночных механизмов на рынок труда будет поступать, прежде всего, молодежь, а с учетом того, что ежегодно из различных звеньев сферы образования на рынок труда выходит более двух миллионов человек, проблема незанятой и теряющей профессиональную квалификацию молодежи выдвигается на передний план социальной политики государства¹⁴³. В этой связи в государственной программе на период становления и стабилизации рыночных отношений следует предусмотреть централизованные (экстренные) меры по обеспечению дополнительных учебных и рабочих мест для выпускников профессиональной школы и молодежи, уволенной из рядов Вооруженных Сил, развитию самозанятости и закреплению социальных гарантий со стороны государства в сфере образования и трудоустройства молодежи. Важным направлением работы может стать развитие ремесел и подготовка молодежи к предпринимательской дея-

¹⁴³ См. Всероссийский мониторинг социально-трудовой сферы 1995, 1996 гг. и далее, Статистические сборники Минтруда РФ и Госкомтата РФ, М., 1996, 1997.

тельности в сфере производства и в сфере услуг (в том числе — в сфере социальных работ).

Молодежная социальная политика не может осуществляться без учета психологических особенностей мироощущения молодежи, понимания и рационального использования стереотипов их мышления и поведения, а не борьбы с ними. Меры по социально-психологической защите и помощи молодежи, развитию и закреплению у нее способности к адаптации к принципиально новым экономическим и политическим условиям должны быть направлены на развитие у молодого поколения готовности самостоятельно действовать в реформируемом обществе, готовности стать реальной социальной базой, а не обременительным тормозом проводимых реформ.

Прежняя социальная политика ограничивалась самыми простыми проблемами: управлением индивидуальными интересами через пропаганду, точнее, «рекламу» нужных для государства профессий, в основном, профессий «массовых», рабочих, требующих слабой профессиональной квалификации; управлением способностями, нацеленным на оценку непригодности к особо трудным и высоко престижным профессиям и на элитный отбор «одаренных». Это приводило к ориентации массового сознания на наемный труд, и следовательно — к несамостоятельности, к отсутствию развернутых жизненных планов, падению ценности и значимости труда.

Дефекты такой политики выражаются в неготовности к труду на конкретном рабочем месте, неудовлетворенности трудом, стрессам и преобладанию личностных (внутренних) конфликтов и развитию личностных защит. Личностные неудачи и ошибки в выборе профессиональной карьеры проявлялись в том, что до 50% специалистов меняли в течение трудовой жизни профиль своих профессиональных занятий.

Переход к новым отношениям требует перемены акцентов в социальной политике в сфере профессионального образования на формирование готовности к самостоятельному труду, на независимое психологическое сопровождение процесса становления и развития профессионала. Если ранее основные психологические проблемы сосредотачивались на профилактике и снятии конфликтов между субъектом и профессиональной и социальной средой по линии «личность — коллектив» (который «принимает и формирует» человека), то теперь исследования и опросы раскрывают новые стороны социальных и трудовых отношений, складывающихся в России в ходе реформ — необходимо осознать, что:

- предприниматель, как и государство, активно создает новые рабочие места в сфере наемного труда;
- рабочие и учебные места эквивалентны с точки зрения активной политики в сфере занятости;

- чем выше образовательный уровень профессионала, тем более он полезен на «рынке рабочей силы», тем более он сам социально защищен;
- самостоятельный профессионал сам создает «команду» для выполнения тех или иных социальных функций;
- профессионал производит нужный другим, а не самому себе, «полезный» продукт, тем самым активно формируя «рынок товаров».

Такое понимание формирует новые задачи не только в сфере профессионального образования, но и в сфере профессионального труда: не нужно более стремиться к «адаптации» субъекта к «жизни в коллективе» и в «мире профессий»¹⁴⁴, которые противостоят ему как «агрессивная среда»; не надо постоянно снимать постоянно назревающие конфликты (связанные с идеологией такого «противостояния»), — но:

- надо формировать готовность человека к встрече с новой жизненной ситуацией;
- учить человека создавать команды и работать «в команде»¹⁴⁵;
- повышать социальную ценность профессионализма.

Для этого, конечно, следует создавать новые «технологии жизни», в том числе, технологии управления социальными процессами и соответствующие общественно-государственные системы как социальные механизмы реализации иной социальной политики.

В недалеком прошлом социальная политика сводилась лишь к важному, но в основе своей грубо материальному, уравнительному, а в конечном итоге — жестко механистическому и сиомиутному пониманию социальной справедливости как принципа обеспечения жизнедеятельности человека в обществе¹⁴⁶. В качестве идеала и цели при осуществлении такой политики выступали бесплатное минимальное и одинаково ущербное для всех здравоохранение и такое же образование, материальная «обезличка» в труде, минимально-достаточный уровень гарантий в старости и т.д. — то есть принцип социальной справедливости вопреки добрым намерениям политиков при таком понимании переходил в свою противоположность — в социальную уравниловку.

Оказалось, что в фундамент социальной политики прошлых лет были положены отнюдь не подкрепленное сильным эффективным экономическим механизмом государства понятие «социального партнерства», а весьма абстрактное понятие «социального равенства», и практика распределительной экономики. Как показал наш исторический опыт, это и явилось методологической и практической базой обезличивания человеческой персоны, обезлички человека, искусственного «выравнивания» людей перед лицом абстрактного социального идеа-

¹⁴⁴ А.Н. Степанов, М.А. Бендюков, И.Л. Соломин. Ищу работу. СПб., 1995.

¹⁴⁵ См., например, С.Н. Тидор. Психология управления: от личности к команде. Петрозаводск, 1996.

¹⁴⁶ См. Ю. М. Забродин, «Российские реформы и перспективы развития психологии». Ж. «Магистр», № 6, 1996.

ла¹⁴⁷. С другой стороны, содержание и объем понятия «социальная политика» в прошлом также рассматривались весьма усеченно — лишь как удовлетворение материальных потребностей человека и охрана его здоровья. Вне социальной политики прежнего государства оказался целый комплекс проблем духовного становления человека, создания условий для раскрытия всего его потенциала.

Не признавался общемировой принцип общественного прогресса — интеграции материальной и духовной культуры в широком их понимании. Сегодня в содержание понятия «социальная политика» следует включать все моменты и все циклы жизни человека: от его рождения до его смерти, весь путь физического, профессионального, гражданского и духовно-нравственного развития человека.

Утрата прежних неэффективных государственных механизмов связи между системами образования и труда резко обострила и без того трудную профессионализацию населения, выбора и осуществления личностью своей профессиональной карьеры. В настоящее время до 50%, то есть каждый второй человек работает не по той специальности, по которой он получил свое базовое профессиональное образование, до 60% обращений на биржу труда это лица с высшим образованием, до 75% — служащие и лишь 2% — выпускники общеобразовательных школ при том, что на реальном рынке рабочей силы уже находится более 3 млн. молодых людей, завершивших свое образование в общеобразовательной или профессиональной школе и не получивших государственного распределения¹⁴⁸. Это означает, помимо прочего, потерю интереса и снижение престижности высших уровней профессионального образования и падение ценности профессионального мастерства у учащейся молодежи. В ближайшей перспективе это приведет к снижению общего уровня профессионализма на рынке труда и увеличению доли молодых, необразованных и не стремящихся получить специальное профессиональное образование людей¹⁴⁹. Во всех случаях и при любом развитии рыночных реформ такая ситуация становится полем для роста социальной напряженности и криминогенной обстановки.

Единственная пока альтернатива прежней системе государственного регулирования профессионального трудового ресурса, это создаваемая усилиями Минтруда России (совместно с Минобразованием России) государственная система федеральных и региональных (территориальных) психолого-медико-социальных центров и центров профориентации и психологической поддержки, рассчитанная на работу как с учащейся и уже не учащейся молодежью, так и с взрослым насе-

¹⁴⁷ См. Ю.М. Забродин, В.В. Новиков «Психологическое управление производственной организацией». М., 1992.

¹⁴⁸ Статистические данные ФСЗ России, 1994, 1995, 1996 гг. и далее.

¹⁴⁹ Ю.М. Забродин, Проблема управления человеческим ресурсом и перспективы развития психологии, В кн.: «Проблемы управления человеческим ресурсом», М., 1997.

лением в виде бесплатного гарантированного государством минимума социальных услуг¹⁵⁰. Создание и функционирование такой системы потребовало разработки единой научно обоснованной политики в этой области, построенной на базе анализа и освоения мирового опыта цивилизованных стран, а также — создания основ единого государственного механизма деятельности всей этой системы.

Передача базовых региональных центров на баланс и на финансирование муниципальных органов и бюджетов, как показывает даже малый опыт работы республиканских систем стран СНГ, неизбежно приводит к распаду практической и научно-методической деятельности региональных центров, к потере и так пока еще очень слабых горизонтальных и вертикальных координаций в структуре общегосударственной политики, к нарушению связи сфер профессионального образования и труда, к исчезновению возможности оценивать, анализировать и прогнозировать структуру и динамику воспроизводства рынка рабочей силы. Все это резко осложняет реализацию активной политики как собственно в сферах образования и занятости, так и на переходах из одной сферы в другую.

На основании анализа положения дел в России, с учетом международного опыта на данном этапе реформ целесообразным стало финансирование существующей республиканской службы психологической помощи, профориентации и психологической поддержки населения со всеми ее региональными центрами из единого источника — федерального бюджета (на минимально гарантированном уровне) с общей координацией работы всех звеньев этой службы из единого научно-методического и организационного центра, — с перспективой дальнейшего развития системы за счет усилий местных органов власти, как это принято в развитых странах Запада (США, Франции, Германии, Швеции, Канаде) и как это рекомендует МОТ.

Создание такой службы началось в России еще в 80-е годы. Накоплен определенный (как позитивный, так и негативный) опыт проведения профориентационной работы среди различных социальных и возрастных групп населения (в основном, учащейся молодежи). В девяностые годы на территории России действовало более 35 региональных (территориальных) центров профориентации и психологической поддержки; общее научно-методическое и организационно-практическое руководство их деятельностью возложено на Всероссийский научно-практический Центр профориентации и психологической поддержки. Центр являлся федеральным научно-практическим и образовательным учреждением (с правами научно-исследовательского института) и должен был развиваться как научно-учебно-практический комплекс,

¹⁵⁰ «Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации». Постановление Минтруда России № 1 от 27 сентября 1996 г.

имеющий в своем составе научно-учебные, инженерно-методические и научно-практические подразделения. Основная задача Центра — совместно с органами государственного управления и общественного самоуправления разработать концепцию и реализовать на практике создание национальной системы (службы) профессиональной ориентации и психологической поддержки населения с привлечением к этой работе республиканских и региональных центров профориентации и заинтересованных организаций; создать научное и программно-методическое обеспечение общегосударственной системы профессиональной ориентации, профессиональной и личностной диагностики, профессиональной консультации и психологической поддержки молодежи и взрослого населения¹⁵¹.

Важнейшим направлением работы создававшейся в те годы национальной системы (службы) профориентации и психологической поддержки населения является координация усилий и специализированная психолого-педагогическая помощь в работе муниципальных социальных служб, общеобразовательной, профессиональной и высшей школы, органов по труду, служб занятости и кадровых служб предприятий, организаций и учреждений. Цель такой помощи — обеспечение рациональной занятости населения, создание и максимально эффективное использование профессионального и интеллектуального потенциала работоспособных людей. Основной социальный результат работы в этой сфере — рост социальной защищенности человека, формирование чувства собственного достоинства, осознание самоценности человека, его социальной и профессиональной значимости.

Быстрые и значительные изменения, происходящие в нашем обществе, и нерешенность отмеченных выше проблем привели к тому, что в особо сложном положении оказались дети, прежде всего те из них, которые характеризуются той или иной степенью задержки развития, выраженными трудностями в обучении и поведении, растущие в неблагоприятных социальных условиях. Выработка научно обоснованных, индивидуализированных рекомендаций для педагогов и родителей по коррекции и адаптации ребенка к учебному процессу, а позднее — к трудовой деятельности, требует проведения сложного медико-психолого-педагогического обследования ребенка. От того, насколько рано и полно будут выявлены особенности психического развития детей и насколько последовательно будут проведены в жизнь основанные на результатах диагностического обследования планы коррекционных и развивающих мероприятий, зависит их дальнейшая судьба.

Учитывая необходимость своевременного диагностического обследования и складывающуюся ситуацию, можно утверждать, что наибо-

¹⁵¹ См. Научные труды ВНЦ профориентации и психологической поддержки, Вып. 1 и 2, М., 1994, 1997.

лее эффективным способом решения имеющихся проблем является формирование комплексных, междисциплинарных групп специалистов, способных осуществить на высоком профессиональном уровне такое обследование, выработать научно обоснованные рекомендации по работе с каждым конкретным ребенком, разработать новые типовые педагогические технологии для составления планов развивающих и коррекционных мероприятий.

Служба профориентации и психологической поддержки была призвана оказывать профессиональную помощь специалистам, прежде всего тем, кто работает в сфере образования и занятости населения, в форме консультаций, повышения квалификации и переподготовки в области прикладной и практической психологии, профориентации и профконсультации. Принимая во внимание необходимость квалифицированной помощи человеку в осуществлении правильного личностного выбора будущей профессии с учетом потребностей общества, интересов и способностей каждого человека, эта служба предполагает различные формы деятельности:

- профессиональное просвещение и пропаганду,
- психологический анализ профессий (в том числе, анализ рынка профессий),
- профессиональную и психологическую консультацию, профессиональный отбор и подбор,
- профессиональную адаптацию и др.

В принципе, все это делается для того, чтобы получить надежную основу для составления программ управления человеческим ресурсом в регионе и программ развития персонала на предприятиях.

Развитие указанной системы в перспективе предполагает постепенный переход от элементарных форм консультаций и бесед к более сложным, позволяющим производить оценку, экспертизу, контроль, проектирование, управление и оптимизацию деятельности и отношений человека. С этой целью в последние годы интенсивно разрабатываются средства и методы психодиагностической, психокоррекционной, психо-профилактической работы не только с учащейся и уволенной в запас из рядов Вооруженных сил молодежью, но и с высвобождающимися работниками и безработными населением, с частично нетрудоспособными людьми и с теми, кто желает сменить профессию по тем или иным причинам.

Вхождение России в цивилизованные рыночные отношения, процессы, связанные с формированием рынка труда и качественно новой структуры трудовых ресурсов, с появлением социальных групп безработных, мигрантов, других экономически и социально незащищенных категорий населения, требуют повышения эффективности всей работы службы психологической помощи, профориентации и психологической поддержки населения, а также расширения ее региональной сети с созданием экспериментальных площадок для отработки новых моделей ее

функционирования в разных регионах страны. Эти площадки нужны как для проверки предлагаемых научных решений, так и для подготовки новых специалистов, способных активно и эффективно работать в сфере решения социальных проблем человека, его образования и развития.

Дальнейшее развитие системы профориентации, профконсультации и психологической поддержки населения предусматривает расширение регионального взаимодействия местных органов по труду, органов народного образования, центров и служб занятости, органов социальной защиты, комитетов по делам молодежи, других заинтересованных организаций, учреждений и предприятий. В этих целях представляется полезным разработать специальную целевую программу на стыке проблем «Образование — занятость», которая включала бы комплекс фундаментальных исследований и научно-практических мер по проблемам становления и развития человека в сферах образования и занятости, создания и освоения прогрессивных информационных, педагогических, диагностических и развивающих технологий, современных эффективных средств и методов реализации молодежной, кадровой и миграционной политики, обеспечения на основе новейших достижений человекознания качественного обучения и переобучения кадров, стажировки и переподготовки специалистов.

Составной частью наиболее значимых мероприятий могут стать:

- исследования и разработки, способствующие развитию систем подготовки и переобучения социально и экономически незащищенных групп населения, их профессиональной и психологической подготовки к работе в условиях рынка труда, рабочей силы и профессий;
- исследования и практические разработки по повышению мотивации и значимости труда, развитию профессиональной самостоятельности работников;
- программа поддержки предпринимательства через формирование молодых предпринимателей и менеджеров будущего, через развитие ремесел и умение самостоятельно трудиться (самозанятость);
- программа поддержки становления профессионала и повышения ценности профессионализма, включая различные меры по рациональному использованию потенциала новых поколений;
- социально-экономический и психологический мониторинг процессов труда и рыночных отношений, включая вопросы рынка профессий и рынка учебных услуг;
- определение социально-психологической специфики развития реформ в России.

На данном этапе развития российских реформ общественная потребность делает необходимым экстенсивное развитие национальной системы психологического сопровождения профессиональной карьеры.

В наше время с участием Правительства России, региональных органов исполнительной власти предполагается создавать новые тер-

риториальные и республиканские центры профориентации и психологической поддержки в районах с особо критическим положением в социальной сфере и на рынке труда. Для этого следует изучить возможности создания (совместно с рядом учебных заведений) сети специализированных региональных учебно-научно-производственных комплексов и ресурсных центров, в задачу которых входила бы координация, анализ и разработка (с учетом федеральной стратегии) региональных программ управления человеческим ресурсом, распространение передовых технологий решения социальных задач в области развития персонала, формирования и рационального использования профессионального потенциала регионов.

8.3. Проблемы практической психологии в социальном и экономическом пространствах: задачи и объекты практической психологии

Мы уже отмечали, что современная внешняя и внутренняя обстановка, положение, сложившееся на современном этапе развития нашего общества и государства, требует от всех наук, и от психологии, в том числе, — решительного поворота к практике, к решению тех первоочередных и перспективных практических задач, которые возникают в различных областях социального развития, в различных сферах народного хозяйства, в разных формах экономической (хозяйственной), административной и политической деятельности. К сожалению, к настоящему времени в нашей стране количество психологов, привлеченных не только к исследовательской, но также к практической работе, чрезвычайно мало. Оно более чем в два раза меньше, чем в таких развитых капиталистических странах, как Великобритания, Италия, и примерно в тридцать раз меньше, чем в США.

Это говорит о том, что, несмотря на очевидные и существенные успехи, достигнутые отечественной психологической наукой за последние два десятилетия, мы должны приложить еще много усилий к тому, чтобы вовлекать новых людей в сферу деятельности психологов, активно выращивать специалистов в этой области, шире привлекать специалистов, работающих в смежных с психологией областях к совместному решению практических задач, к дальнейшему развитию самой психологической науки и психологической практики.

Основные сферы деятельности психологов охватывают все большие и все более важные области жизни нашего общества и нашего государства. Значительно и заметно растет потребность в применении психологических знаний в экономическом процессе: в сфере материального производства, распределения, обмена и потребления, и в первую очередь, в сфере материального производства, — здесь имеются существенные позитивные сдвиги. Мы достигли некоторых успехов в

понимании психологии поведения человека на рынке труда, имеется значительный и разнообразный опыт практической работы, который можно — и необходимо — обобщать с тем, чтобы переносить полученные здесь новые формы и способы применения психологических знаний на другие компоненты экономического процесса.

В принципе, аналогичные проблемы, также требующие своего психологического разрешения, возникают в рамках экономической инфраструктуры: проблемы энергетики, транспорта, связи, управления, обслуживания и т.д.

Охватывая взглядом эти и другие аспекты, другие компоненты экономического процесса, нужно сказать, что, к сожалению, практически крайне мало или же совсем нет исследований и разработок в сфере потребления, распределения товаров и услуг. В то же время, психологические проблемы, которые возникают в этих сферах, имеют не меньшую глубину и не меньшее значение, чем в сфере собственно материального производства.

Большие запросы к психологии формируются в нашем обществе в сфере действия социальных институтов. Это — психологические проблемы идеологии, политики, науки и культуры, морали, права и т.д. В течение последних лет на разных конференциях, в разных формах мы уже говорили о том, какие, как и почему в этих областях возникают психологические проблемы, — но, к сожалению, мало еще здесь делается психологами, несмотря на огромную значимость и наличие существенных потребностей со стороны общества, несмотря на очень точно сформулированные запросы со стороны этих институтов по решению практических психологических задач.

Значительна роль психологии в повышении обороноспособности нашей страны. Возникающие здесь проблемы очевидны, это проблемы повышения эффективности действия нашей обороны: формирования контингента, способного и готового служить в вооруженных силах; создания и эффективного применения современной военной техники; это также проблемы социальной защиты и своеобразной профессиональной конверсии военных специалистов.

Особые задачи возникают перед психологией в связи с новым взглядом на такие важные проблемы государства, как сфера народонаселения и проблемы управления качеством народонаселения. Здесь речь идет о применении психологии собственно в сфере здравоохранения, в области физкультуры и спорта. Значительно возросла потребность в психологических знаниях при разрешении проблем семьи, а также при рассмотрении таких мало подвергавшихся ранее психологическому вниманию объектов деятельности, как рекреаты (т.е. центры восстановления здоровья и работоспособности).

Наконец, совсем мало уделяют внимания пока практические психологи проблемам организации свободного времени.

Многие из названных выше проблем нашли отражение в важнейших нормативных актах (Законах, постановлениях Президента и Пра-

вительства России, в других документах государственных органов власти) о реформе профессиональной школы, о программах занятости, о развитии системы профориентации и психологической поддержки населения, о службе семьи, о работе с подростками; по различным аспектам работы с социальными незащищенными слоями населения; о развитии медико-психологической, наркологической службы и многих других. Однако эти решения лишь частично раскрывают то значение, которое практическая психология принимает в трансформирующемся российском обществе. Анализ показывает, насколько острой становится в настоящее время общественная потребность в психологических знаниях в различных сферах жизни и деятельности российского общества.

Быстро формирующаяся — и уже осознаваемая — общественная потребность предполагает переориентацию психологии на новые объекты, на новые сферы деятельности, и тем самым — определяет изменение содержания и форм нашей работы. Трудность здесь состоит в том, что необходимо перейти от «предметного» изучения, «предметного» анализа различных (ограниченных) аспектов и сфер реальности к целостным социальным явлениям и жизненным проблемам людей, которые в этой трансформируемой реальности живут и существуют. Другими словами — от абстракции отдельных сторон реальности приходится переходить к действительным контактам, взаимодействию, к управлению этими самыми реальными событиями и процессами.

Мы уже отмечали, что *предмет*, с которым мы прежде имели дело в психологической науке, с самого начала есть вполне определенная абстракция реальности, осуществленная в каком-либо ограниченном аспекте. В противоположность этому, реальные субъекты и те отношения, в которые они вступают, порождая многообразие практических задач, — обладают реальной жизнью, и в этом смысле — «живой системностью» и многоаспектностью.

В качестве таких реальных объектов для психолога выступают различные элементы и подструктуры нашего общества и государства (особенно, если иметь в виду его сложную территориально-демографическую и природно-хозяйственную организацию). Это, например, отрасли хозяйства, экономики, государственных институтов, преимущественно «вертикально» организованные (с центральным подчинением). Эти отрасли обладают (каждая) своей спецификой, и поэтому возникают специальные проблемы относительно того, как должна быть организована работа практического психолога, применительно к структуре и специфике самой отрасли. Вертикальная иерархическая организация отрасли, охватывающая в то же время определенную сферу деятельности самого государства, включает в себя специфические проблемы, на которых концентрируется и в которых собираются результаты, полученные не только в области психологии, ни и в рамках других наук.

Теперь уже ясно видно, как на реальных объектах концентрируются и консолидируются решения, которые могут быть достигнуты лишь на пути синтеза знаний из области социальной и инженерной психологии, психологии труда и психофизиологии, психологии управления, дифференциальной психологии и других областей психологического знания. Организация рационального взаимоотношения и взаимодействия форм и методов применения психологических знаний в структуре отрасли и в рамках региона, взаимодействия психологии с другими науками при решении задач отрасли и региона — это одна из самых трудных проблем настоящего времени, которая нуждается в особом методологическом и теоретическом анализе. Она включает не только организационные аспекты взаимодействия и взаимоотношений различных форм применения психологических знаний в отрасли и в регионе, не только взаимодействие психологии с другими науками при решении конкретных практических задач, но также — выявление, объяснение и учет специфики задач отрасли и региона.

На данном этапе все более широко и более строго психологи нашей страны начинают работать с реальными объектами существенно меньшего масштаба: это — предприятия, школы, клиники, которые, тем не менее, представляют собой самостоятельные единицы в структуре государственной и общественной организации. Работа психолога в этих предприятиях, учреждениях и организациях предполагает знание не только психологии людей, включенных в деятельность этих организаций, но и правил и норм их собственного функционирования: юридических, хозяйственно-технологических, этических и др. Отметим, что при этом необходимым становится знание уставов этих организаций (в широком смысле), нормативных документов, регламентирующих их жизнедеятельность, т.е. тех официально и неофициально закрепленных норм, которые определяют особенности организаций, их структуры и функции.

Однако наибольшее распространение в нашей психологии получила работа с такими объектами, которые можно было бы назвать «промежуточными» между научной и практической психологией. Они, в известной мере, более абстрактны, чем перечисленные выше. Это ставшие уже привычными объекты экспериментальной и прикладной психологии: пилотные площадки, экспериментальные территории, избранные организации (коллективы, коалиции и корпорации). Наконец, это индивиды, работающие и безработные, нормальные и «отклоняющиеся», разнообразные группы риска и просто нуждающиеся в психологической помощи.

Многообразие и специфика объектов практической работы, особенности и сложность реальных практических задач формируют особые требования к практической психологии, которая активно развивается в нашей стране в настоящее время. Важно понять, что же именно должно быть конечным результатом деятельности практического психолога. С нашей точки зрения, сейчас необходимо ясно представлять возможности и ожидаемые результаты решения практических задач, которые

можно получить с помощью уже накопленных психологических знаний, а также точно отражать существо тех исследовательских задач, которые практика ставит перед психологической наукой.

Отметим, что возникающие на практике задачи как бы «вырастают» из тех общегосударственных перспектив, которые формируются и формулируются в основных направлениях развития и комплексных программах федерации и ее субъектов, определяются экономической и социальной политикой государства. В то же время, поставленные задачи на каждом уровне вполне конкретизированы, и это очень ценно, поскольку ни психология, ни какая другая наука не может решать практические задачи без конкретного понимания и знания конкретных объектов реальности, без учета конкретных форм взаимодействия этих объектов в реальной жизни.

Так, например, на *промышленных предприятиях, в сфере материально-го производства* главной психологической задачей становится управление профессиональным (кадровым) потенциалом предприятия и социальная защита его работников. Для ясного понимания возможностей решения указанной задачи, должна быть строго зафиксирована первоначальная цель — разумное, рациональное, научно-обоснованное управление функционированием и развитием персонала предприятия. Эта цель предполагает психологически грамотное управление организацией, взаимоотношениями людей; «воспроизводство» кадрового потенциала; рациональное управление его функциями, его профессиональной деятельностью; восстановление этих функций, т.е. «рекреацию» человека как субъекта труда.

В сфере *образования и воспитания* центральной задачей становится формирование человека как гражданина и профессионала, формирование его как личности и как полезного члена общества. Нельзя забывать о том, что самая цель образования и воспитания, задача всех государственных институтов, связанных с образованием и воспитанием человека, состоит в том, чтобы подготовить индивида к труду, к самостоятельной жизни в гражданском обществе, помочь ему сформировать и эффективно реализовать его собственную гражданскую и профессиональную карьеру.

В *здравоохранении (более широко — в сфере народонаселения)* такой главной целью становится в широком смысле профилактика и терапия различного рода отклонений в развитии и функционировании человека, т.е. его социальная, психологическая и профессиональная адаптация и реабилитация, — профилактика возможных отклонений от этой нормы и возвращение в «норму». (Вот почему так важно выработать научно-обоснованную концепцию «норм»).

Аналогичным образом можно определить такие центральные задачи в области юридической (формирования, охраны и применения права), в области идеологии, политики и морали. Важно отметить только, что для практического психолога должна быть абсолютно ясной конечная цель: ради чего он работает, какую задачу решает то учреждение или предприятие, в которое он включен своей деятельностью (промыш-

ленное предприятие, школа, больница, финансовое учреждение и т.п.). Только при этом условии появляется возможность выяснить, как собственная активность психолога может помочь, способствовать успешному решению этой центральной задачи, достижению главной цели.

Если взглянуть на реальные объекты с точки зрения практических задач, легко видеть, как в них отражается то, что для нас самих первоначально покажется очень абстрактным понятием, — фундаментальные категории и принципы, лежащие в основе построения научной психологии. Речь идет о том, что и в этих фундаментальных категориях, и в специфике практических задач реально отражаются системные свойства включенных в них объектов. Поэтому для успешного решения практической задачи необходимо научиться эту задачу «расчленять», производить *структурирование и декомпозицию задачи*, разложение ее на более простые подструктуры в свете «предмета» различных наук. Это значит, что необходимо вычленять в проблеме различные грани, различные стороны наблюдаемой реальности. Однако в конечном счете — при решении практической задачи — необходимо найти разумные технологии синтеза, эффективные способы соединения различных знаний, различных частных решений в рамках исходной задачи с тем, чтобы дойти до практических рекомендаций.

В связи с этим возникают очень сложные проблемы, изучение которых показывает, что развитие практической психологии невозможно без успешного и опережающего развития фундаментальных разделов самой психологической науки.

Требования, которые предъявляет общественная практика к перспективам развития практической психологии в не меньшей, а может быть, даже и в большей мере ставят новые задачи перед собственно научной, исследовательской частью психологии. Возникают эти вопросы не только на уровне конкретной теории или конкретных методов экспериментирования. Прежде всего, и главным образом они обращены к области *конкретной методологии и общей теории* самой психологической науки. Практика показывает, что новые проблемы возникают в области теории и методологии общей психологии, в области конкретной методологии отдельных разделов психологии, в области разработки теории методов исследования и воздействия на реальные объекты и процессы. Нужны новые взгляды на анализ и изучение прежних объектов психологической теории и практики, нужен специальный анализ методов практической работы психолога. Более того, раскрытие основных закономерностей тех изменений, которые происходят на современном этапе развития нашего общества, есть одна из важнейших задач, которые стоят перед социальными науками. Необходимо не только дальнейшее расширение и углубление фундаментальных исследований в этой области, но также поиск эффективных путей и оптимизация внедрения результатов, полученных в рамках фундаментальных наук, в практику народного хозяйства нашей страны.

В настоящее время уже нет нужды специально подчеркивать значительную роль психологии и психологических знаний во всех сферах народного хозяйства, и особенно, в сферах образования и труда, материального производства и хозяйственного управления. Умелое применение законов психологии, как показывает практика, позволяет получать значительный социальный и экономический эффект за счет более рациональной организации труда и управления, направленного формирования личности, развития общих и специальных способностей, охраны здоровья людей и т.д., — то есть совершенствования всех форм отношений между конкретными людьми. При этом, говоря об экономических и социальных отношениях в психологическом контексте, мы имеем в виду не абстрактные, а вполне реальные отношения, в которые вступает реальный человек. Их спектр оказывается весьма широким: от отношений в быту до производственной дисциплины, от отношений руководства-подчинения до усвоения социальных норм, от индивидуальных вкусов до политических оценок и установок.

Изучение закономерностей развития межсубъектных отношений вместе с психологическими законами развития и формирования личности открывает научные пути для сопровождения и поддержки человека в его гражданском и профессиональном самоопределении и становлении. Так, например, рассматривая эффективность средств массовой информации, можно увидеть, что эта система есть социальное средство воздействия на индивидуальную психику, на индивидуальное сознание. И конечный результат здесь, который весьма трудно, а без психологических знаний вообще невозможно измерить, — это изменение в психике, сознании, мировосприятии человека. Динамика этих психических образований существенным образом влияет на способ существования человека, на выбор им того или иного жизненного пути.

Пересечение жизненных путей конкретных людей в структурах конкретных и разных социальных организаций (семья, школа, клуб, учреждения культуры, системы массовой информации, предприятие, армия, общественная организация и т.д.) и образует реальную систему общественных отношений конкретного человека, его взаимосвязей и взаимодействий с другими людьми, его «судьбу» или социальную карьеру.

Описание и объяснение «движения» человека по этому жизненному пути, его изменение, отклонение и коррекция (в системе социальных норм) и есть объект и предмет, источник и точка практического приложения психологических знаний.

Соединение теории и практики с системой хорошо продуманных экспериментов (от лабораторного до натурального, социального) позволяет осуществлять живой обмен между академической наукой и практикой. Эффективным инструментом такого соединения является психологическая служба. В организационных рамках психологической службы оказывается возможен и целесообразен синтез практических проблем,

общих и специальных психологических знаний, — т.е. то «движение» к конкретному объекту, которое вызывает обычно наибольшие трудности на пути проникновения фундаментальных знаний в практику.

В этом смысле психологическая служба выступает как своеобразная «человеческая инженерия». Она становится организационной и социальной формой собственно научно-практической психологии, она выступает как тот пробный камень, на котором проверяются методологические, теоретические и инструментальные решения, образующие базу практической психологии.

8.4. Управление человеческими ресурсами предприятия. Психологические службы в производственной организации

В настоящее время уже известно множество примеров организационного оформления практической психологии в виде элементов или компонентов (ядер, зародышей) психологической службы. Они охватывают широкий спектр различных областей реальной жизни общества, различных его сфер: семья и школа, здравоохранение и спорт, Вузы и воспитательные учреждения, торговля и транспорт, торговля и служба быта. В рамках данного раздела трудно, да видимо и нет нужды, перечислять многочисленные центры и научно-практические группы психологов, занятые в области применения психологических знаний. Отметим лишь, что все они действуют активно, с большим или меньшим эффектом, создавая базу и материал для последующего обобщения опыта практической работы психолога.

Предварительный опыт их работы показывает, что выделяются две существенно различные формы психологической службы — ведомственная и региональная, их сферы действия и методы работы пересекаются лишь отчасти. Важно, однако, обратить внимание на то, что эти службы — с теоретической точки зрения — должны, по нашему мнению, опираться на различные психологические концепции, отражающие специфику их объектов.

Региональные службы должны, по-видимому, строиться на базе концепции *жизненного пути субъекта*, предусматривая управление гражданским и профессиональным развитием индивидуальности (формированием кадрового потенциала экономики и создание условий для наилучшей реализацией человеческого потенциала индивида). Это означает, что основное приложение психологических знаний осуществляется здесь «на конкретном человеке» во всей многообразной системе его социальных связей и отношений, во множестве разных социальных организаций, в которые он включен.

Ведомственные психологические службы имеют несколько иной акцент и должны строиться на базе концепции *социальной организации*, предполагающей управление ее составом, структурой, функциони-

рованием и развитием. Это означает, что деятельность ведомственной службы подчиняется идее движения кадров в данной социальной организации (т.е. в известной мере, дополнительной к идее региональной службы), идее воспроизводства, в том числе расширенного, социальной организации, требующей оценки и поддержания профессионального потенциала кадров, управления развитием персонала конкретного учреждения или предприятия.

Таким образом, если для региональной службы основной объект — жизненный путь конкретного человека, «проходящего через» множество социальных организаций и отношений разного типа, то для ведомственной службы основной объект, это социальная организация, через которую «проходит» множество разных людей, воспроизводящих ее структуру при переменном составе элементов.

Оценивая предварительный опыт работы экспериментальных звеньев различных психологических служб, хотелось бы подробнее остановиться на опыте и задачах психологической службы производственной организации по следующим соображениям. Во-первых, производственная организация (ПО) — это «ядерный элемент» экономической системы, в нем наиболее ярко раскрываются проблемы совместной профессиональной деятельности людей, «подчиненных» социально значимым целям. Во-вторых, в психологической службе производственной организации уже накоплен известный и немалый опыт научно-организационных форм деятельности службы и работы практического психолога. В-третьих, элементы психологической службы ПО являются общими для разных видов организаций людей, а те проблемы, с которыми практический психолог сталкивается в ПО, захватывают различные сферы жизни, быта, работы, здоровья, производства, потребления и удовлетворения потребностей как отдельного человека, так и коллектива.

Ясно, что производственная организация — одна из основных структурных единиц в системе производства товаров и услуг. Анализ основных проблем, возникающих в ней, позволяет определить закономерности ее жизнедеятельности и функционирования, а применение этих закономерностей в практике управления ее развитием и функциями, в принципе, дает возможность найти эффективные решения главной задачи — повышения эффективности производства. Имеющийся опыт работы в этой области показывает, что грамотный психологический анализ проблем производственной организации, с одной стороны, определяет пути совершенствования ее структуры и функций, а с другой — позволяет обнаружить новые проблемы, исследование которых становится задачей фундаментальных разделов психологии.

Нужно сказать, что теоретическая психология в нашей стране вплоть до последнего времени почти не уделяла внимания исследованиям производственной организации как собственно организации людей. Более того, психологические основания и закономерности органи-

зации людей, человеческой организации составляют практически terra incognita отечественной психологии.

Самый общий взгляд на производственную организацию позволяет увидеть ее четкую функциональную направленность — это организация людей, использующих орудия труда для достижения целей производства, для удовлетворения потребностей других людей. Эта организация функционирует, подчиняясь определенным социальным нормам, но она одновременно с этим действует, подчиняясь нормам и правилам системы технологических процессов, составляющих содержательную сущность производственного процесса.

В этом смысле производственную организацию нельзя рассматривать иначе как развивающуюся систему, в которой происходит потребление и преобразование «человеческого» ресурса. Система эта является иерархически организованной и подчиняется действующим в обществе законам.

С точки зрения системного подхода, теоретический анализ производственной организации должен включать в себя не только определение и исследование ее системообразующих факторов, но также изучение ее системных свойств, качеств¹⁵². Эти системные качества помимо *энергетики* (ресурса), *состава* (элементов) и *структуры* (внутренних взаимосвязей) производственной организации, включают *организованность* (силу и характер внутренних взаимодействий), *целенаправленность* (подчиненность функций целям), *устойчивость* к внешним и внутренним возмущающим воздействиям, *стабильность и изменчивость* (т.е. потенциал развития).

С теоретической точки зрения важно, что производственная организация — это система *самоорганизующаяся* (и значит, характер ее внутренних взаимодействий, ее структура — нечеткие в математическом смысле и подвижные, изменяющиеся). Кроме того, это система, в известном смысле, *воспроизводящая себя* в своем развитии (т.е. в «узлах» ее структуры может происходить замена элементов, как внутри нее самой, так и извне). Это означает, что в производственной организации действуют, как минимум, два организующих фактора — *управление* и *самоуправление*; что «движение кадров», элементов этой системы связано с поиском резерва этих кадров (*ориентацией*), оценкой их потенциальной пригодности (*отбор и подготовка*), включением их в структуру организации (*адаптация социальная и профессиональная*) и применением их способности, в том числе работоспособности (*функционационирование и рекреация*).

Более детальный анализ производственной организации показывает, что многие стороны ее жизнедеятельности активно охватываются психологическим анализом, и многие отдельные проблемы эффективно решаются как в рамках фундаментальных разделов, так и в приклад-

¹⁵² Человек в производственной организации. Курган, 1981; Б.Ф. Ломов. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984; В.В. Новиков, Ю.М. Забродин. Психологическое управление производственной организацией. М., 1991; Ю.М. Забродин. Теория личности и управление человеческими ресурсами. М., Финстатинформ, 2002.

ной психологии. К ним относятся: анализ «узлов» и «линий» управления; изучение структуры организации и ее подструктур; специфика управленческого труда и отношений в организации (вертикальных и горизонтальных), управление функциями и стимулирование труда; специфика применения орудий и организация труда; восстановление функций работающих; особенности самоуправления и многое другое.

Речь идет здесь не только об исследовании основных свойств и закономерностей этих явлений, но и о попытках оптимизации их в той или иной степени. Нужно отметить, что уже здесь результаты применения психологических знаний оказываются весьма эффективными. В то же время ясно, что решения и исследования охватывают именно лишь отдельные стороны, отдельные аспекты жизни и деятельности производственной организации, часто без учета ее целостности, ее производственной (технологической) специфики.

С нашей точки зрения, однако, дальнейший *анализ психологических проблем производственной организации* может быть более эффективным, если уже сейчас начать разработку психологических проблем синтеза. В этом направлении в плане фундаментальных исследований речь может идти о *психологическом проектировании деятельности* производственной организации. Тогда анализ системы: *ее элементов, структуры, функций, особенностей энергетики, воспроизводимости, развития* и т.д., — будет органично дополнен постановкой других проблем: *проектирования продукта ее деятельности, проектирования технологии, системы орудий труда и, самое главное, — проектирования «человеческого ресурса» организации*, как профессионального потенциала самой организации.

Именно в контексте синтеза «идеальной» производственной организации можно грамотно ставить задачу поиска оптимальной (для данных условий) структуры и функций производственной организации, управления ее развитием, коррекцией в реальной жизнедеятельности, т.е. подойти к решению ее насущных и глубинных практических проблем. Наибольшую трудность, конечно, вызывает психологическое проектирование субъекта профессиональной деятельности, прежде всего — как субъекта труда, как работника, составляющего персонал организации, а также управление функционированием и развитием персонала.

Заметим, что психологическое проектирование деятельности в организации предполагает работу на двух качественно разных, радикально различающихся уровнях: это проектирование деятельности индивидуальных субъектов и проектирование их организационных отношений. В этих двух случаях — проектирования субъекта и управления им — практические решения должны опираться на всю систему психологических знаний, на ее фундаментальные разделы и ориентированные на практику отрасли психологии.

Заключительные замечания.

Формирование личности профессионала и управление человеческим ресурсом социума

Мы отмечали в ходе всего предыдущего обсуждения, что синтез психологический знаний, как база практической психологии осуществляется, если можно так выразиться, на конкретном объекте и имеет своей целью как *описание* (идентификацию) самого объекта, так и *прогнозирование* возможных путей его развития и разработку (научно-обоснованных и доступных практикам) *методов управления* этим объектом. Именно эти три группы задач и составляют основные функции психологической службы отрасли, предприятия. При такой постановке, как нам представляется, удастся более четко разделить задачи и функции исследовательской работы и работы научно-практической, и, главное — выделить различия в ожидаемых результатах фундаментальных и прикладных (а также практических) разделов психологии.

Задачей и ожидаемыми результатами *фундаментальных исследований* в психологии являются: *описание свойств* объектов и выделение *меры этих свойств*: раскрытие *закономерностей* связи различных элементов и функций в общей системе психики и регуляции поведения, а также описание *системных свойств* (структуры) *и их меры*.

Если можно так выразиться, речь идет о *законах существования объекта*. Кроме того, фундаментальные разделы психологии должны выявить особенности динамики этого объекта — раскрыть *законы его функционирования и законы развития*.

Наконец, важнейшей функцией фундаментальных исследований в области психологии должны быть *обоснование и разработка (новых) методов* работы с объектом.

Иные задачи стоят перед *прикладной психологией*. Основной результат здесь — это *практически годные меры и методы оценки и расчета свойств интересующих нас объектов* (людей и организаций, их взаимодействия между собой и техникой и т.п.); *меры и методы оценки и оптимизации функций* этих объектов; *меры и методы прогнозирующих расчетов (проектов) и управления* объектом. Одной из важнейших задач прикладной психологии является также разработка надежных мер, критериев, способов изготовления (создания) и оценки технических средств исследования и обследования, а также разработка нормативных правил пользования этими средствами.

Наконец, задачи собственно *практической психологии* включают реализацию трех ранее упомянутых функций — психологической *диагностики, прогноза* (расчета и оценки) и *управления* (в т.ч. коррекции).

Практическими результатами здесь могут быть:

- сведения о состоянии людей и организации людей — *психологические портреты индивида, подструктуры организации, организации в целом*;
- *психологические портреты профессии и профессионала*;
- *планы развития, например, планы развития персонала, социальные планы предприятия и т.п.*;
- *психологически обоснованные формы и методы контроля и управления персоналом*, например, психологические части систем стимулирования и оценки труда, системы аттестации и сертификации персонала и т.д.

Различные формы и методы реализации функций практической психологии, примеры решения конкретных задач на базе психологических знаний можно найти в современной психологической и экономической литературе. Хотелось бы отметить особо работы по *иерархическому проектированию субъекта деятельности и управления им на трех уровнях: «индивид — рабочее место», «группа — рабочая зона»; «производственное подразделение»*. Важны психологические аспекты взаимодействия управления и самоуправления в производственной организации — при изучении взаимодействия администрации, профсоюзов и трудового коллектива в рамках социального партнерства. Представляет интерес изучение опыта работы психологов с мобильными коллективами (с переменной рабочей средой), в новых условиях оценки и оплаты труда, — здесь поднимаются важные проблемы прогнозирования мобильности и потенциальной текучести (то есть — аспекты устойчивости) производственной организации¹⁵³.

Имеется значительный опыт изучения психологических проблем вахтовых форм организации труда, проблем диагностики и управления работоспособностью (т.е. по сути, различными состояниями человека — от адаптации до рекреации)¹⁵⁴, проблем регионального управления человеческими ресурсами¹⁵⁵.

Следует сказать, однако, что многие практические работы освещают все еще только частные аспекты разнообразных и многогранных форм использования трудовых ресурсов производства. Одна из основных причин этого — отсутствие всестороннего комплексного изучения возможностей использования трудового, человеческого ресурса на конкретном предприятии, в конкретном регионе.

¹⁵³ А.П. Волгин, В.И. Матирко, А.А. Модин. Управление персоналом в условиях рыночной экономики. М., 1992; М. Грачев. Суперкадры. Управление персоналом в международной корпорации. М., 1993; Дж.М. Иванцевич, А.А. Лобанов. Человеческие ресурсы управления. М., 1993; Социальные технологии в системе производства зарубежных стран. Минск-Волгоград, 1993; Ж.-М. Ле Галль. Управление людскими ресурсами. М., 1995; Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы. М., 1997.

¹⁵⁴ Е. Дятлов и др. Опыт работы с персоналом в системе Газпрома. М., 1995.

¹⁵⁵ А.К. Мишин. Региональное управление человеческими ресурсами (на примере Алтайского края). Барнаул, 1996.

Требование системности подхода и комплексности методов в практической работе вытекает из самой природы «человеческого ресурса» в современном производстве. Изменение только одного из аспектов производственных, экономических — более широко — организационных отношений, еще не дает достаточного положительного эффекта. К примеру, изменение только формы оплаты труда без соответствующих мероприятий в сфере управления и самоуправления, совершенствования техники, условий труда и быта работников, как показывает опыт, не приводит к существенному изменению уровня текучести кадров, к повышению стабильности и активности производственного коллектива. Аналогично, эффект организационно-психологических нововведений будет невысок, если на современном производстве с высокой степенью автоматизации и хорошими условиями труда возникнут конфликтные отношения в коллективе и т.д.¹⁵⁶

По нашему мнению настало время вплотную ставить вопрос о необходимости комплексного решения *проблем рационального использования — управления и развития персонала как человеческого ресурса предприятий и учреждений*. Основная цель такой работы — обеспечение интенсивного развития роста производительности и качества труда, социального развития производственной организации и каждого ее члена, каждого работника. Эта цель может быть достигнута за счет грамотного применения психологических знаний в трех взаимосвязанных направлениях.

Во-первых, это — психологические и социальные аспекты воспитания нового отношения к труду, формирования трудовой мотивации и усвоения норм организационного поведения. Здесь имеется в виду не только уровень отдельных работников, но и целых коллективов: бригад, участков, цехов.

Второе направление — повышение эффективности труда. Оно предусматривает изучение и разработку мероприятий по психологическим аспектам совершенствования управления и совершенствования собственно трудовых процессов. Здесь, в частности, особое место занимают проблемы охраны и условий труда, включая вопросы стимулирования работников, развития эффективных форм самоуправления и социального партнерства в конкретной производственной организации.

Третье направление — социальные и психологические аспекты повышения стабильности и управляемости организации. Это направление включает, например, решение задачи по созданию стабильных профессиональных коллективов, изучение характера и причин движения кадров в организации (в том числе — текучести кадров), психологические проблемы повышения квалификации работников, формирование резерва и т.д.

¹⁵⁶ В.В. Новиков, Ю.М. Забродин. Психологическое управление в производственной организации. М., 1991.

Одна из наибольших трудностей практической психологии состоит в том, что сейчас в силу естественной потребности развития общества, в силу специфики современного состояния психологической науки, — формируются различные способы решения практических задач, различные как по содержанию, так и по их внутренней организации. Организационные проблемы психологической службы состоят в том, что разнообразие практических задач и накопленный (также пока еще разрозненный) опыт их решения не позволяют легко и очевидно обнаружить ее разумную структуру, определить и упорядочить ее функциональные обязанности.

Накопленный опыт позволил выявить специфику структуры и функции пока лишь отдельных элементов психологической службы в зависимости от типа решаемых задач и особенностей объектов, с которыми работает практический психолог. Так, опыт показывает различие и специфику работы психологических служб региона и психологических служб отрасли. Это различие проявляется как в содержании, так и в формах практической работы. В то же время, многие вопросы остаются еще неопределенными даже в самой постановке. Так, например, неясны: иерархия в организации отраслевой и региональной психологической службы; координация работ и функций психологической службы и органов государственного и муниципального управления, администрации предприятий; не решены вопросы взаимодействия внутри самой психологической службы, не сформированы устойчивые связи между наукой и практикой.

Важным организационным вопросом является также определение функций психологической службы с точки зрения ее места и роли в системе других социальных институтов: многое еще предстоит сделать для определения прав и обязанностей, функционального и должностного статуса психолога-специалиста (аналогичного, например, статусу инженера).

До сих пор в большинстве отраслей этот вопрос не решен, а там, где есть какие-либо позитивные решения, необходимо еще создать точные, грамотные в правовом отношении нормативные документы и акты¹⁵⁷.

Аналогично обстоит дело, если обратиться к взаимоотношениям психологической службы, психологов-практиков с государственным и хозяйственным аппаратом. Все это требует детальной проработки правовых аспектов деятельности как психологической службы в целом, так и отдельных ее элементов. Без этого крайне важного момента невозможно внедрение системы психологической службы в систему других государственных и негосударственных организаций и институтов.

При организации всех работ по научно обоснованной психологической службе нужно иметь в виду, что речь идет о **психологической службе Человека**.

¹⁵⁷ См. Постановление Министерства труда и социального развития Российской Федерации «Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации» № 1 от 27 сентября 1996 года.

Совершенно ясно, что практическая психология Человека немислима в отрыве от его социальной природы, от социальной активности Общества. С этой точки зрения разумное управление человеческими ресурсами, научное управление социальными процессами, совместным поведением и совместной деятельностью людей в Человеческом Обществе требует надлежащей организации и активного взаимодействия социологии и психологии.

Вообще говоря, весь комплекс социальных наук должен быть принят во внимание при решении вопросов организации государственной психологической службы: в современных развитых странах экономика, право, этика, этнография, история, социология и др. тесно взаимодействуют между собой в решении практических проблем Человека.

О формировании личности профессионала и управлении человеческим ресурсом социума. В наши дни образование оказалось практически единственным государственным институтом (из всех социальных институтов общества), который осуществляет защиту Детства в условиях жестких социальных и экономических реформ России. Надо сказать, что в действительности общая и профессиональная школа могут стать во главе системы поддержки и сопровождения процесса становления эффективного социально ответственного гражданина (и профессионала), обеспечивая не только создание базы знаний, освоение и присвоение основ культуры, образцов позитивного социального поведения, но и — закладывая фундамент индивидуального акмеогенеза — формирования, становления и реализации гражданской и профессиональной карьеры человека в меняющемся обществе.

Нет нужды особо доказывать, что в системе социальных представлений человека личность — есть первое социальное представление индивида о самом себе. Второе социальное представление — это система социальных норм как социальная область «разрешенного» бытия личности. Третье — это представления о разного рода общностях — сообществах, социальных группах и социальных институтах, — по отношению к которым индивид определяется в смысле своей принадлежности к ним (идентификации) и функциях в них (социализации). Наконец, четвертое — это представление о социальном пространстве, в том числе, персональном социальном пространстве со своими социальными местами и ролями, которые образуют область индивидуальной «траектории жизни» или судьбы человека.

В этих условиях сегодня формируется новый «образовательный менеджмент» (далее — ОМ), который имеет своими объектами:

- *становление профессионального самосознания*, предполагающее создание персональной системы ценностей, формирование образа «Я — профессионал», определение отношения к профессии, оценку качества профессионала, самооценку и удовлетворенность трудом;

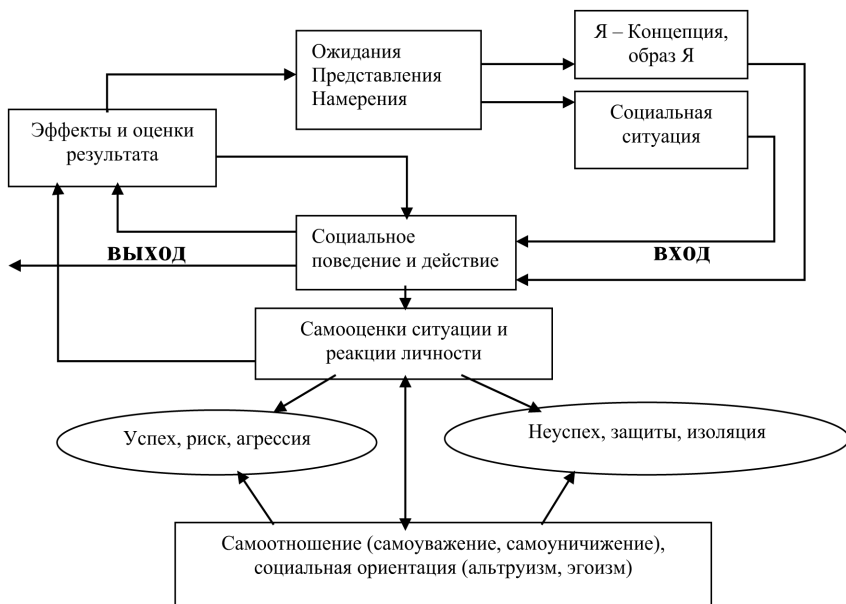
- *развитие профессиональной культуры* как системы социальных представлений ОМ о миссии, целях, ценностях, потребностях общества и эффектах управления ЧР;

- *развитие и управление человеческим ресурсом* общества и экономики, оценку региональной потребности в образовательных услугах (в классической и неклассической формах), а также статус ОМ региона: кадры и перспективы развития региональных рынков;

- *сопровождение профессиональной карьеры*, включая формирование системы профессиональных образовательных услуг, установление профессиональных стандартов деятельности¹⁵⁸, разработку образовательных стандартов с учетом связки профессиональные стандарты – реальная работа.

Понятно, что профессиональные нормы (и модели) могут существенно различаться в зависимости от вида деятельности, которая предполагает в себе:

- экспертизу субъектов и ситуаций, проектов и решений (относительно ситуаций, относительно субъектов, относительно возможных последствий);
- диагностику субъектов, ситуаций и отношений;
- воздействие на субъектов, ситуации и отношения.

¹⁵⁸ Стандарт как «норма» и ее возможные вариации предполагает анализ и определение особенностей структуры и содержания нормы обучения vs профессиональной нормы. С учетом того, что та или иная модель сама выступает как норма, возникает необходимость в формировании организационной модели управления, модели психологической службы, модели специалиста, модели участника образовательного процесса и т.п.

Нормативность в работе специалиста предполагает ориентацию на результат, на технологию, на условия и на социальную функцию с определением миссии социального института. Нормативность может выступать в виде модели и стандарта. В отличие от этого, модель дескриптивная включает описание социальной роли, миссии и социальной функции организации. Действующая модель описывает (отображает) работу организации, например, в виде виртуальной корпорации. Нормативная модель становится основой различных стандартов деятельности, в числе которых — социальный (ролевой) стандарт, технологический стандарт, профессиональный стандарт (модель специалиста), образовательный стандарт (модель выпускника) и др. При этом определяются содержание, структуры и вариации (поле, ядро и границы) нормы как социального представления и ее информационные, когнитивные, мотивационные, регулятивные и ценностно-оценочные компоненты.

Психолого-педагогическое сопровождение становления гражданина и профессионала как основа оценки и управления человеческим ресурсом сегодня ориентируется на компетентностный подход, предусматривающий формирование социальных навыков и профессиональных компетентностей. Следует учесть, однако, что «сопровождение» по самой своей идее предполагает учет интересов и желаний сопровождаемого, и это не исчерпывается оценкой готовности и соответствия стандартам, адаптации к новым условиям деятельности.

Более того, увлечение эффективными психотехнологиями может приводить к манипулированию личностью, поскольку в стандартах не учитываются индивидуальные особенности человека. В действительности самоопределение и освоение любой поведенческой нормы осуществляется через ее нарушение (хотя бы и виртуальное) и в процессе ее «испытания».

В этом смысле не следует недооценивать особенности индивидуальных отклонений социального поведения. Девиантное, в том числе, аддиктивное поведение есть социальная реакция личности на изменение условий и обстоятельств ее жизни. Психологическая профилактика девиаций и аддикций, анализ разного рода «зависимостей» (в том числе, *зависимости от авторитета*, — С. Милгрэм) и замещений разных форм зависимого поведения личности требует предельной деликатности. Самооценки (Я-концепция, образ Я, самопринятие, самоуважение или самоуничижение и др.) и их особенности становятся основанием девиаций социального поведения.

Самооценки социальной ситуации и особенности самоотношения определяют тип и структуру, возможности изменения социального поведения, характер девиации, агрессии, акцентуации личности; особенности инициативы и ответственности, направленность (в смысле К. Юнга) социальной позиции личности (на себя, на других, на действие).

О предметном поле практической и практико-ориентированной психологии

В структуре психологического анализа человеческого ресурса важное место занимают вопросы точного описания предметного поля социального поведения и закономерностей жизнедеятельности человека в социуме:

- основные понятия, связанные с идеей взаимодействия субъекта с миром (описанная выше пятикомпонентная схема), отношения человека и общества;
- понятие социального пространства и особенности Общностей разного рода (сообщества, движения, социальные институты, группы);
- социальные места и траектории социального движения (гражданская и профессиональная карьера, роли);
- социальное поведение и его регуляторы.

1. При психологическом анализе индивидуального поведения следует иметь в виду:

1.1. Спектр отношений субъекта в пространстве его жизни, который реализуется как формы поведения в пространстве взаимодействий субъекта со своими параметрами: силой (дальностью), модальностью (валентностью) и знаком (отношением) и в ситуативном контексте возникающих проблем и решаемых задач: при этом каждая из этих форм, в свою очередь, имеет три измерения:

- отношение к объектам природы (и здесь определяется предметное пространство, а также целесообразное преобразующее мир поведение и деятельность, единицей которых становится *действие*);
- отношение к другим субъектам (и здесь определяется социальное пространство, социальное поведение и общение, единицей которого становится *сообщение*);
- отношение к себе как индивидуальности (и здесь определяется пространство сознания, в котором главными результатами можно считать самоотношение и самоизменение, то есть направленное на себя аутодействие, единицей которого становится *переживание*);

1.2. Психологические механизмы регуляции указанных форм поведения и основные факторы психологической регуляции: когнитивные, аффективные, аксиологические (релятивные), регулятивные, — включающие представление о ситуации наличной и потребной; ожидания, ценности и мотивацию; принятие решения и его реализацию; прогноз и оценку вероятных последствий, оценку и принятие полученного эффекта;

1.3. Критические точки и области, задающие различные виды экономического поведения в социальном пространстве (поиск и производство *полезного* продукта; сервис и обмен как *транспорт* продукта в пространстве жизни, времени и в пространстве субъектов, потребление продукта как удовлетворение ведущей потребности и восстановление личного ресурса);

1.4. Особенности социально полезной *трудовой деятельности* как особого вида *экономического* поведения (*заданная извне* — потребностями других — *мотивация* деятельности, *изъятие*, *отчуждение* продукта деятельности и способы компенсации этого).

2. Предметом психологического внимания становится *социальное пространство* с его особой структурой — топологией и метрикой, социальными местами (замещаемыми, свободными и занятыми) и социальными траекториями конкретного человека. При этом особую значимость приобретают психологические законы регуляции социального поведения в разных культурных лакунах и социумах (особенности разных контингентов; «типичное» поведение, ожидаемое поведение и роли; поведение в организациях и организационные нормы, уставы; индивидуальное поведение в социальном окружении и в виртуальной реальности, факторы социального влияния — подражание, заражение, принуждение).

3. Современная *экономическая психология* формируется как часть психологии человека в управлении ресурсами и ведении хозяйства. Хозяйство существует как принадлежащая человеку сфера обстоятельств его активной жизни (условий, ресурсов и ограничений). При этом потребности выступают как движитель активности: практику интересует их развитие, специфика и особенности удовлетворения — прямое и косвенное, замещающее и подавляющее, действия и защиты, как факторы изменения поведения. Все эти явления протекают в экономическом пространстве и требуют анализа связанных категорий — ожидания и удовлетворения, потребности и спрос, полезность и отходы. Соответственно, введение понятия экономически активного населения ЭАН и раскрытие структуры ЭАН позволяют дать содержательный анализ социального места и роли субъекта в экономическом пространстве.

4. В системе отношений человека и организации важнейшее место занимает *управление персоналом* в контекстах вовлеченности (компенсационные и социальные пакеты), приверженности (продвижение, оргкультура, социальная поддержка), лояльности (принятие корпоративной культуры и социальной ответственности). Это требует дальнейшего научного анализа следующих категорий:

- понятие человеческого ресурса экономики, «экономического человека» и экономического поведения;
- понятие эффективности и безопасности персонала (вовлеченность, приверженность, лояльность),
- структура и факторы управления персоналом (оперативный менеджмент, управление мотивацией, управление целями, управление изменениями и др.), продвижение, карьера, оценка профессионализма, включение в процессы управления организацией.

Таким образом, в связи с проблемами анализа и управления человеческим ресурсом различных общностей (организаций) для психологии и психологов появляется обширная область новых объектов, связанных с изучением и применением знаний о множестве недостаточно изученных проблем. Среди них *свойства различных общностей*, включая организации: миссия, цель, организационная культура, климат; законы *социального, включая организационное*, поведения — элементы и признаки. Изучение организационного поведения предполагает также исследование его мотивации: успех, неудача, риск, осторожность, аффилиация, изоляция. Особым объектом психологии становится *организационная культура* и ее признаки: вовлеченность, толерантность, лояльность, приверженность, ответственность; организационные отношения, климат и конфликты; стили поведения, удовлетворенность, напряженность и направленность (на себя, на взаимодействие и отношения, на задачу, дело) и др.

Работа в указанных областях, несомненно, даст новый импульс как в развитии самого психологического знания, так и в эффективном его приложении к решению практических задач.

Монография

Ю.М. Забродин

**Психология управления человеческими ресурсами
(очерки теории психической регуляции поведения)**

Компьютерная верстка *М.А. Баскакова*

Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Петербург»
Тираж 800 экз.

Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29; тел.: (495) 632-90-77; факс: (495) 632-92-52